

Серия

2012

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 4 (12)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
(ПИ № ФС77-39902
от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2-е полугодие 2012 года — 66032, на 1-е полугодие 2013 года — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Вячеслав Борисович Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Валерий Германович Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Субъект истории в философии Л.П. Карсавина <i>К.В. Патырбаева</i>	4	Subject of history in L.P. Karsavin's philosophy <i>Kseniya V. Patyrbaeva</i>
Об одном антропологическом аспекте философии С.Н. Булгакова <i>А.П. Козырев</i>	9	About one anthropological aspect of S.N. Bulgakov philosophy <i>Alexey P. Kozyrev</i>
Влияние масонства на идеи русского либерализма в начале XX века <i>Ю.В. Назарова</i>	15	The influence of freemasonry on russian liberalism at the beginning of XX century <i>Julia V. Nazarova</i>
Критическое осмысление цивилизационной модели Н.Я. Данилевского <i>А.И. Павловский</i>	25	The critical reflection on the model of civilization by N.Y. Danilewsky <i>Alexey I. Pavlovskiy</i>
Проблема исторической целесообразности в немецкой классической философии <i>Ю.Г. Поletaева</i>	33	The problem of historical advisability in the German classical philosophy <i>Julia G. Poletaeva</i>
Ханна Арендт: Феноменология мышления и «недомыслия» <i>В.М. Пашкова</i>	38	Hannah Arendt: Phenomenology of thinking and thoughtlessness <i>Valeria M. Pashkova</i>
Способы проектирования и применения конструктивистского подхода в преподавании философии <i>В.О. Богданова, С.В. Борисов</i>	41	Means of designing and using of constructive approach in philosophy teaching <i>Veronica O. Bogdanova, Sergey V. Borisov</i>
Дуализм внутреннего мира человека <i>Н.С. Катунина</i>	47	The dualism man's inner world <i>Nadejda S. Katunina</i>
Археология клинического дискурса в творчестве раннего М. Фуко <i>И.В. Рязанов</i>	53	The archaeology of clinical discourse in the works of early Michel Foucault <i>Ivan V. Ryazanov</i>
Феномен ответственности в современном обществе: философский анализ <i>К.Б. Сафонов</i>	61	Phenomenon of responsibility in the modern society: philosophical analysis <i>Kirill B. Safonov</i>
Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания <i>Е.А. Тимошук</i>	66	Discourse analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description <i>Elena A. Timoschuk</i>

Философские основания проблемы распознавания и понимания текста искусственными системами <i>М.В. Жигальцова</i>	74	The philosophical grounds of the problem of recognition and understanding of the text by artificial systems <i>Maria V. Zhigaltsova</i>
--	----	--

ПСИХОЛОГИЯ

Метафорические модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами <i>Д.Г. Трунов</i>	77	The metaphorical models of relationship between men and women <i>Dmitry G. Trunov</i>
Специфика социально-психологической адаптации от выраженности установки на альтруизм/эгоизм <i>А.А. Гайворонская</i>	81	Specifics socially-psychological adaptation from expressiveness of installation on altruism/egoism <i>Aleksandra A. Gayvoronskaya</i>
Основания методики социальной работы с несовершеннолетними дезадаптированными детьми и правонарушителями <i>В.Л. Чечулин, Е.А. Соромотина, Е.А. Пузракова</i>	85	The bases of social work's technique with the de-adapted children and junior offenders <i>Viktor L. Chechulin, Ekaterina A. Soromotina, Ekaterina A. Puzrakova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Социально-экономические деформации в развитии российского общества <i>Л.В. Логинова</i>	93	economic deformation in development Russian society <i>Larisa V. Loginova</i>
Социальные факторы риска для здоровья как предмет эмпирического социологического исследования <i>А.О. Барг, Н.А. Лебедева-Несевря</i>	102	Social risk factors for health in a focus of empiric sociological research <i>Anastasia O. Barg, Natalia A. Lebedeva-Nesevrya</i>
Самоубийства и злоупотребление алкоголем: анализ взаимосвязи на материалах исследования в Пермском крае <i>Н.А. Лебедева-Несевря, Д.А. Кирьянов</i>	107	Suicide and alcohol abuse: correlation-analysis on the materials of the research in Perm region <i>Natalia A. Lebeva-Nesevrya, Dmitry A. Kiryanov</i>
Использование экономических моделей для определения факторов, влияющих на потребление алкоголя и табака <i>А.И. Моисеенко</i>	111	Using of economic models to determine factors influencing the consumption of alcohol and tobacco <i>Anna I. Moiseenko</i>
Особенности реформирования системы среднего общего образования на территории Пермского края <i>В.С. Волегов, А.А. Носков, А.А. Чернега</i>	121	Portrait of the current secondary education system in Perm region <i>Vladimir S. Volegov, Alexei A. Noskov, Artem A. Chernega</i>
Информация для авторов		Instructions for English speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:(091)

СУБЪЕКТ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ Л.П. КАРСАВИНА

К.В. Патырбаева

Раскрываются взгляды русского религиозного философа Л.П. Карсавина на исторический процесс и его субъект. Л.П. Карсавин подходит к пониманию субъекта истории с идеалистических позиций. Субъект истории — это всеединое человечество, которое приобретает свои субъектные свойства, субъектную творческую активность только в своем слиянии с богом, выступающим верховным субъектом мироздания.

Ключевые слова: история; субъект истории; религиозная философия; философия Л.П. Карсавина.

В одной из ключевых своих работ — «Философии истории» — известный представитель русской религиозной мысли Л.П. Карсавин создает учение об историческом процессе и его субъекте, продолжая при этом традиции философии всеединства, заложенные В.С. Соловьевым.

«Философия истории» обращается к разнообразному кругу проблем — она ищет ответы на вопросы: что есть развитие, что такое история и каковы ее границы, что следует понимать под субъектом истории, какие субъекты истории существуют, каков закон развития, какова роль личности в историческом процессе, как соотносятся история и природа и пр.

Проблеме субъекта истории непосредственно посвящена вторая глава работы — «Границы истории. Исторический субъект и его моменты», хотя вся «Философия истории», начиная с первых ее страниц, обращена к проблеме субъекта, поскольку, по мнению философа, нельзя исследовать развитие без исследования того, кто развивается, т.е. игнорируя субъект. «Развитие необходимо предполагает то, что развивается, — пишет Л.П. Карсавин, — нет развития без *субъекта развития*. Но субъект не вне развития — в этом случае он бы нам совсем был не нужен, — а в самом развитии. Нет субъекта и развития, а есть развивающийся субъект. Тем самым он реален, как реально само развитие, и должен быть признан всеобъемлющим и содержащим все развитие, т.е. всевременным» [2, с. 13]. В представлениях о субъекте истории

Л.П. Карсавин отразил свои центральные представления об историческом процессе.

При этом, по мысли Карсавина, «исторический процесс является или представляется непрерывным, поскольку мы рассматриваем его как социально-психический» [2, с. 27], т.е. это прогресс, прежде всего, в духовной сфере. «Социальные отношения, социальный строй, как и право, и государство, и общество, и класс, суть некоторые психические реальности, природу которых, конечно, надо выяснить... но которые, во всяком случае, не существуют без индивидуумов, — пишет Карсавин. — ... Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [2, с. 29]. Таким образом, исторический прогресс осуществляется только в сфере духовного (социально-психического) и, в конечном счете, сводится к духовному развитию индивидуумов как субъектов истории.

Подобно В.С. Соловьеву, Л.П. Карсавин кладет в основу анализа субъекта истории два ключевых понятия — «цель» и «развитие», которые, по мнению мыслителя, определяют характер субъекта. Цель — это главный, желательный результат деятельности субъекта. Именно цель определяет характер развития субъекта и выражает его общую сущность. При этом Л.П. Карсавин полагает, что такая цель не может быть в конце процесса развития или в каком-то одном из его этапов, поскольку это

приводит к обесценению прочих этапов истории, а это вступает в противоречие установки теории всеединства на равноценность всех моментов развития. Несмотря на это, все же можно усмотреть в концепции Карсавина определенную иерархию моментов развития, где значимость каждого момента определяется степенью его приближения к абсолютному идеалу. Следовательно, цель истории все же вынесена философом за пределы земного существования. Однако это позволяет Л.П. Карсавину также рассматривать исторический процесс как некое всеединое целое, равное (единое) в своих частях. «Становление (индивидуальной) всеединой души в эмпирии, раскрытие ее во временном сосуществовании и последовательности всех ее моментов и будет тем, что мы называем *развитием*» — пишет философ (курсив мой. — К.П.) [2, с. 69]. Далее Карсавин определит задачу философии истории как познание всеединства: «Высшею задачею исторического мышления, — пишет он, — является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта. В этом смысле весь мир в его целом — объект исторического изучения» [2, с. 109].

Для постижения цели истории, по мнению мыслителя, необходимо отвлечься от ее поверхностного эмпирического изучения, т.е. от ее «конкретных осуществлений», и рассмотреть ее метафизический план, где эта цель и обнаруживает свое единство, недостижимое для эмпирии.

С точки зрения субъекта процесс исторического развития характеризуется следующим образом: 1) непрерывность протекания исторического процесса, обеспечивающая единство элементов, составляющих ее субъект; 2) развитие субъекта не поддается причинному истолкованию.

Обе характеристики подтверждают представления о субъекте истории как едином, обладающем всеобщностью и как понимаемом только в своем единстве.

В своем учении о субъекте истории Карсавин выступает против тенденции в современной ему западной философии, направленной на максимальное дробление субъекта истории. Начиная с эпохи Возрождения европейские мыслители развивали идею о необходимости преодоления христианского представления о человечестве как субъекте истории. Его место все больше занимали отдельные народы

(О. Шпенглер, А. Тойнби), классы (К. Маркс, Ф. Энгельс) или индивидуальности (В. Дильтей). По мнению Карсавина, это ошибочная точка зрения, и всей своей философией он стремится вернуть пониманию субъекта истории утраченную целостность. Так, Карсавин критиковал Шпенглера, который разбивает субъект истории на изолированные культуры. Он усматривал в концепции Шпенглера подспудное признание одного общего для всех культур закона развития. А наличие этого закона должно приводить к выявлению одного единого субъекта истории [2].

Отдельные люди, группы людей или события представлялись Карсавину лишь частными проявлениями высшей реальности, конкретизациями того, что в ней уже существует. Каждое индивидуальное «Я» представляет собой лишь момент высшего субъекта. «Я, как всеединый в своих моментах (качественностях) субъект, являюсь сам лишь моментом высшего субъекта», — утверждает Л.П. Карсавин [2, с. 49]. Для него в каждой отдельной личности индивидуализируются тенденции, свойственные общим структурам: народу, национальности, культуре и другим. Главное в личности — это ее типичность, характерность для того общего начала, проявлением которого она является. Каждое отдельное «Я» как субъект должно рассматриваться только в «отношении его к высшим субъектам, индивидуализацией которых он является» [2, с. 79], т.е. в отношении к коллективным субъектам, из которых наиболее общим выступает целостное человечество. В свою очередь, человечество — это лишь индивидуализация абсолютного субъекта. В своем историческом развитии человечество движется от стяженного состояния (незавершенного всеединства) к абсолютному всеединству.

Конечно, достаточно условно можно выделить область развития отдельной личности и область развития человечества. Однако развитие индивидуальной личности — это лишь отражение личности всеединой.

«История индивидуальной души, — утверждает Карсавин, — не только один из моментов истории. Как наиболее конкретное и, можно сказать, единственно конкретное, индивидуальное развитие оказывается наиболее пригодным для установления и анализа основных исторических понятий. — В индивидуальной конкретно-развивающейся душе полнее и яснее всего вскрывается *строение* всеединства....

Путем ее анализа удастся установить понятия всеединства, момента, стяженности, завершенности и совершенства, равно — выяснить и “взаимодействие” моментов и индивидуальностей. И только на основе этого анализа можно до конца понять и объяснить, что такое историческая коллективная индивидуальность, субъект исторического развития, момент его, историческое взаимодействие и т.д. Дело тут не в аналогизировании исторического индивидуально-историческому, не в гипотетическом перенесении на исторический процесс найденного в индивидуально-историческом... В изучении индивидуально-конкретного развития мы находим не повторение отвлеченного закона или отвлеченной формы. В нем, как в моменте всеединого развития мы изучаем и познаем само это развитие» [2, с. 117–118].

Таким образом, по Карсавину, в развитии индивидуально-конкретной личности повторяется то общее, что присуще развивающимся коллективным индивидуальностям. В этом смысле индивидуальные и коллективные субъекты истории неразрывно друг с другом связаны. Более того, изучение индивидуального развития, согласно Карсавину, позволит понять общее строение и особенности развития всеединства.

Л.П. Карсавин поясняет этот момент следующим образом: «С этой точки зрения, важно, что индивидуальное развитие не только являет нам общее “строение” всеединства. Оно являет также порядок развития индивидуальности, т.е., говоря более конкретно и несколько условно, позволяет развитие периодизировать. Детство, отрочество, зрелость и старость характерны не только для данной индивидуальности, но и для всякой другой индивидуальности того же порядка. Они характерны для всех людей и являются качествами во всяком человеке моментами всеединого человека. И тут возникает вопрос: должны ли они в каком-то отношении быть характерными и для исторических коллективных индивидуальностей? Скорее всего, положительный ответ вытекает из самой идеи всеединства.

Периоды или возрасты жизни индивидуума являются качествами в нем всеединого человека, т.е. соответствуют аналогичным периодам в конструируемом нами отвлеченном понятии человека, которое не только есть условное общее понятие, символизирующее его как стяженное всеединство в нас, но и обосновано

в качестве формально общего» [2, с. 118–119].

Каждая отдельная личность — это момент личности коллективной. «Человек, — пишет Карсавин, — не непосредственно индивидуализируется в конкретных личностях: всякая конкретная личность качественно ближе к ней его индивидуализацией. Она — момент его момента, некоторого ограниченного всеединства, т.е. определенной социальной группы, нации (поскольку нация является моментом Человека), определенной коллективной индивидуальности» [2, с. 119].

В философии Карсавина, таким образом, выстраивается определенная иерархия субъектов: Человек вообще (человечество как единый субъект) — коллективные индивидуальности (социальная группа, нация и пр.) — индивидуальность отдельной личности. Все они органически взаимосвязаны и в индивидуальном пути развития личности повторяются моменты, присущие всеединому человечеству.

Сказанное поясняет, как Карсавин будет решать вопрос о роли личности в истории. С точки зрения карсавинской методологии значение отдельной человеческой личности должно быть таково, как и значение личности коллективной. Поскольку и та, и другая личности представляют собой индивидуализацию всеединства, его момент. Не удивительно, что с точки зрения Карсавина бессмысленно говорить о традиционно понимаемой роли отдельной личности в смысле ее влияния на исторический процесс.

Роль личности в истории понимается Карсавиным достаточно оригинально. Отдельная личность, по Карсавину, поднимается до статуса субъекта истории в те моменты, когда она действует не своевольно, в соответствии с собственным произволом, а служит для раскрытия и конкретизации смысла деятельности, содержащегося во всеедином человечестве, выступает способом проявления «всеобщей личности», метафизически восходящей к Богу. В конечном счете субъектом истории является всеединое человечество.

«Вопрос о роли личности в истории в тех категориях, в каких он ставится, неразрешим, чем и объясняется бесплодность вызываемых им споров. Он неправильно поставлен, предполагает атомизированность исторической действительности и применимость к ней измерения и

эксперимента», — утверждает Л.П. Карсавин [2, с. 474].

По мнению мыслителя, «нет необходимости определять волю индивидуума или коллективной индивидуальности какую бы то ни было внешнею силою. Взаимодействие индивидуальностей одного порядка не что иное, как “параллельная” индивидуализация в них одного акта высшей личности, связанная с их взаимовытеснением в ней... Здесь, таким образом, обусловленность (мотивированность) акта одной личности актом другой оказывается иллюзией, ибо оба акта лишь две стороны высшего, двуединого... Взаимодействие высшей личности с низшею сводится к тому, что низшая индивидуализирует и тем самым осуществляет акт высшей, причем различие между актом высшей и актом низшей личности условно. Акт высшей существует только в индивидуализации его низшею (низшими); акт низшей не что иное, как индивидуализация ею акта высшей» [2, с. 476].

В структуру всеединого человечества как субъекта истории входит множество компонентов. Самым элементарным из них является отдельная человеческая индивидуальность. Затем идут различные социальные группы или коллективные исторические индивидуальности. К ним Карсавин относит семью, племя, род, сословие, класс, народ, культуру и др.

Как отдельная индивидуальность, так и коллективные исторические индивидуальности являются по своей сути эмпирическими индивидуализациями во времени и пространстве всеединого исторического субъекта. Процесс исторического развития представляется Карсавину как непрерывное появление и гибель бесчисленных индивидуальностей. Одни из них существуют очень краткий исторический период, другие — несколько дольше и лишь немногие — в течение относительно долгого времени.

Однако возникновение и гибель индивидуальностей, по Карсавину, представляют собой только внешний, эмпирический план истории. Подлинной реальностью является идеальное или усовершенное человечество. В ракурсе этой идеи каждая индивидуальность есть всеединое человечество, но в его несовершенстве и становлении. Таким образом, структурно субъект истории, согласно взглядам Карсавина, принципиально делится на две неравные части: с одной стороны — механическое единство

разрозненных эмпирических людей, объединяемых общностью пространства и времени (человечество как совокупность физических существ) и, с другой стороны, метафизическое единство всех людей, объединенных духовной общностью (человечество как всеединая симфоническая личность). При этом эмпирическая часть субъекта истории представлялась Карсавину лишь неполным и частичным отражением его метафизической части. Подлинный субъект истории — это метафизически понятое человечество [1].

Другой важный вопрос касается соотношения структурных элементов эмпирического человечества между собой. Карсавин видит в них определенную систему отношений, иерархичность. Место элемента в иерархии зависит от того, индивидуализацией какого из более крупных элементов он является. Есть элементы низшего и высшего порядка, причем, первые являются индивидуализациями вторых. Так, личность отдельного человека является индивидуализацией качеств более высоких личностей (коллективных индивидуальностей). Человек, по Карсавину, ничего не добавляет к тому, что он получил от них, так как в его душе не может быть моментов, независимых от высших индивидуальностей, он представляет собой только их конечное, последнее качественное.

Среди коллективных исторических индивидуальностей также имеется иерархия. Карсавин выделяет среди них индивидуальности двух типов: 1) надорганические (семья, род, племя, народ, культура и др.); 2) органические (класс, дружина, католическое духовенство и др.). Надорганические индивидуальности мыслитель рассматривает как собственно-всеединые, а органические — как умалено-всеединые. Притом что ни один из типов коллективных исторических индивидуальностей не выражает всей полноты всеединого субъекта истории, тем не менее надорганические индивидуальности достигают этого в большей степени.

Существует иерархия и внутри надорганических индивидуальностей. Высшее место в иерархии таких индивидуальностей, по Карсавину, занимает Церковь. Это вполне закономерно вытекает из всей предшествующей логики его рассуждения. Человечество становится субъектом истории благодаря сотворившему его Богу. Являясь несовершенным в материальной действительности, оно стремится к Богу, как к своей цели. А символом и выражением

связи Бога и человечества является Церковь, отражающая, таким образом, смысл существования субъекта истории, его задачу — стать совершенной Церковью. Церковь, по Карсавину, представляет собой предельное совершенство для человечества, а процесс исторического развития — это раскрытие, развертывание Церкви. Этой проблеме посвящен даже отдельный параграф третьей главы «Философии истории», который называется «История человечества как история Церкви» [1].

Карсавин признает, что конкретным объектом изучения для историка всегда является живая развивающаяся личность. Но узнать ее по отдельным отрывочным проявлениям невозможно, поэтому историк восходит к общему и стремится найти в этой личности проявления всеединства, которое связывает все проявления в единую картину. Таким образом, отдельная личность как объект изучения историка ведет его к познанию всеединства, частной индивидуализацией которого эта личность является. Благодаря этому, познав нечто общее в одной личности, историк вправе делать заключения по аналогии в отношении других личностей. Это означает, что предметом истории является то общее, что характерно для всех проявлений всеединого человека [1].

Таким образом, субъект истории интересует Л.П. Карсавина, в первую очередь, как носитель высшего, метафизического плана реальности, связанный с Богом. Все частные моменты эмпирической истории, так же, как и частные ее субъекты, объясняются через их связь с Богом как Абсолютом. Они представляют собой элементы единого развивающегося целого, смыслом существования которого является

достижение совершенства христианской церкви, актуализация той полноты действительности, которая в метафизическом плане уже существует. В этом плане Карсавин является продолжателем христианской традиции в понимании субъекта истории, где главным Субъектом является Бог, а все частные субъекты (типологию которых Карсавин тщательно разработал в своей «Философии истории») действительны только потому, что являются индивидуализациями Абсолюта. На самом деле, человечество становится субъектом, только приобщаясь к Божеству, когда «человек становится причастным Богу, приемлет в себя Бога» [2, с. 505]. Субъектность человеку придает только Бог, человечество является субъектом, поскольку реализует метафизический божественный план движения не к стяженному, а абсолютному всеединству. Человек, по Карсавину, «не созидает ничего, ни одного из своих качествований, кроме себя самого, своей личности. Но это самосозидание человека — столько же его самосозидание, сколько и творение его Богом и слияние его с Богом в совершенное двуединство» [2, с. 505].

Только в этом слиянии с Богом, согласно религиозной философии Л.П. Карсавина, и состоит подлинный смысл истории и цель человечества как ее субъекта.

Список литературы

1. *Виноградов А.И.* Взгляды Л.П. Карсавина на субъект истории // Вестн. МГОУ. 2010. №2. С.95–101.
2. *Карсавин Л.П.* Философия истории. М., 2007.

SUBJECT OF HISTORY IN L.P. KARSAVIN'S PHILOSOPHY *Kseniya V. Patyrbaeva*

Perm State Agricultural Academy; 23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia

The article describes L.P. Karsavin's theory of the historical process and its subject. L.P. Karsavin is the Russian religious philosopher, so he understands the history and its subject from an idealist position. The subject of history — is humanity, which takes its subjective properties and creativity only through integration with God, who is the supreme entity of the universe.

Key words: history; subject; religious philosophy; L.P. Karsavin.

УДК 1(091)

ОБ ОДНОМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ С.Н. БУЛГАКОВА

А.П. Козырев

Исследуются понятия «тело» и «плоть», каждое из которых несет свой семантический контекст. Идея «воплощения» в христианстве связана, прежде всего, с «плотью», а не с «телом». Сергей Булгаков полагает, что «плоть» — это человеческая природа, взятая в аспекте ее несовершенства, ожидающего восполнения божественной благодатью. Преображенная плоть выступает в религиозном сознании источником особой энергии в виде мощей святых. По мнению автора, решение Булгаковым вопроса о «теле» и «плоти» находится в русле «религиозного материализма», противопоставляющего себя платоновскому пренебрежению плоти и «монофизитскому» аскетизму раннего христианства. Автор делает вывод, что эстетике прекрасного тела в античности в определенном смысле противостоит эстетика страдающей и чающей телесного воскресения плоти в христианстве.

Ключевые слова: антропология; тело; плоть; христианство; святые мощи; «религиозный материализм»; воплощение; платонизм.

В данной статье мы несколько отвлечемся от традиционной для платонизирующей христианской антропологии «душа–тело» и рассмотрим иную пару понятий, не столь явно антагонистических, а, скорее, лежащих рядом, в одном семантическом поле, — «тело и плоть». Тело и плоть в русском языке представляют собой два сходных, семантически близких, но все же удаленно синонимических слова. Этимологический словарь Фасмера соотносит тело с греч. Σῶμα, а плоть — с σαρξ (мясо). Слово *тело* в славянских языках сравнивают с латышским *tēls*, *tēle* — «образ, тень, изваяние, остов», *tēluôt* — «придавать форму». Древнерусское «плоть» означает «кожу, цвет кожи». Сходный этимон мы находим в других славянских языках, а также в литовском *plutà* («корка») и в латышском *pluta* («тело, плоть, кожа»). Таким образом, тело больше соотносится с понятием формы, а плоть с внешней оболочкой тварного существа.

Сопоставляя тело и плоть, мы перед лицом контroversы, в которой нет ничего специфически христианского. Сергей Булгаков, апеллировавший к тому, что новая философия должна стать «возвращением к платонизму», стремившийся в своей софиологии разработать своего рода платонизм на христианской почве, должен

был избежать дуализма телесного и духовного в античной философии. Как писал современник Булгакова и его коллега по Сергиевскому институту в Париже архимандрит Киприан Керн, «православию чуждо гностически-манихейское отвержение твари. Православие — религия аскетизма и преобразенной плоти; наряду с аскетизмом, с чисто апостольской свободой духа уживается принятие твари, любовь к природе, красоте мироздания» [6, с. 55]. Античность, столь ценящая идеальное тело, воспетое греческими мастерами (вспомним рассуждения А.Ф. Лосева о телесности платоновских идей!), знала игру слов *soma–sema* в платоновском «Кратиле», сравнивала тела с темницей души. Еще более показательны плотинские Эннеады. В «Жизни Плотина» Порфирия мы читаем: «Плотин, философ нашего времени, казалось, всегда испытывал стыд от того, что жил в телесном облике, и из-за такого своего настроения всегда избегал рассказывать и о происхождении своем, и о родителях, и о родине» [10, с. 427]. Полемизируя против гностического пренебрежения телом, Плотин, тем не менее, воздерживается от абсолютной реабилитации телесного: «Представьте себе двух людей, живущих в одном прекрасном доме. Один ругает и убранство, и строителя, и дом, но тем не менее

остаётся в нём жить. Другой не ругает; он хвалит строителя, говоря, что дом построен замечательно, по всем правилам искусства. Тем не менее, он ждёт, когда придёт ему время уезжать, когда он перестанет нуждаться в жилище. Первый думает, что он умнее; что он лучше приготовился к отъезду: ведь он научился говорить о том, что этот дом из бездушных камней и бревен никуда не годится, не таким должно быть истинное жилище. Ему неведомек, что он не научился переносить необходимые [лишения]. Второго же они не раздражают; он не выходит из себя, он любит красоту камней и обретает покой, [а значит, поистине готов к отъезду]. Пока у нас есть тела, нам приходится жить в домах, которые приготовила и убрала для нас добрая сестра — Душа, [хорошо, что] она так сильна, что может строить и творить без усилий» [9, с. 479].

Это пренебрежение телом ещё более отчетливо выражено в трактате Плотина *Peri areton* («О добродетели»): «Разве не очевидно, что душа дурна настолько, насколько она смешана с телом, сочувствует ему и судит в согласии с ним, и она добра и обладает добродетелью, если это согласие исчезает, и если она не находится более в сочувствии с ним (и это воздержанность), если раз и навсегда покинув тело, она не испытывает более страха (и это мужество), если ум и интеллект господствуют без сопротивления (и это справедливость)» [13, р. 42].

Именно это отождествление тела и материи, к которой платонизм относится как к небытию и даже иногда как к метафизическому источнику зла, ставится под вопрос о. Сергием Булгаковым, стремящимся реабилитировать тело и искоренить неоплатонический уклон в христианской мысли. Эту интуицию можно считать своеобразной нитью Ариадны в творчестве отца Сергия Булгакова. Первые шаги философской мысли Булгакова были охарактеризованы Петром Струве как «религиозный материализм». Это именование отсылает нас к соловьевской оценке еврейства в статье «Еврейство и христианский вопрос»¹, но Булгаков, по-

хоже, их усваивает как характеристику его собственной мысли. Человеческая деятельность в мире, человеческие энергии рассматриваются им не только как интеллектуальные, но и как космические. «В человеке и через человека всегда и непрерывно струятся все силы мироздания, которого он является центром, в нём, для него, чрез него создан мир, и все его действия суть не только духовные движения, но и космические действия... В этом онтологическом существе человека заключается основание, почему в богослужении, в таинственной стороне церкви проявляется то, что иные с порицанием, а другие с вызовом называют религиозным материализмом» [3, с. 505].

Задача христианского аскетизма, как она видится Булгакову, — в борьбе не против тела, но за тело, так как христианская вера видит в теле храм, а не узы. Можно вспомнить православное песнопение Постной Триоди «Покаяния отверзи мне двери», которое исполняется и во время подготовки к Великому Посту. Там есть такие строки: «Храм носяй телесный весь осквернен». Человеческое тело сравнивается с храмом. Христианство предаёт телу положительное, и даже абсолютное, значение, поскольку оно является не результатом первородного греха или падения низшего существа, *katabolhe*, но плодом изначального творения. Это доказывается принципом воплощения.

В своем учении о материи Булгаков отталкивается от платоновского «Тимея», где материя определена как «темный и трудный вид», но тенденция к преодолению платоновского дуализма, в котором подлинное идеальное бытие противостоит постигаемой лишь посредством незаконного умозаключения материи, в сторону софиологического монизма намечается отчетливо уже в «Свете Невечернем» и все более явно выражается в дальнейшем. Прежде всего, Булгаков уходит от традиционного не только для платонизма, но и практически для всей античности дуализма духа и плоти. Христианство, считает он, вносит совершенно новое для античности понятие духовной телес-

---

рии как от зла, — религиозный материализм евреев заставлял их обращать величайшее внимание на материальную природу, но не для того, чтобы служить ей, а чтобы в ней и через нее служить Вышнему Богу» [11, с. 149].

¹ «Между тем как практический и теоретический материализм подчиняется вещественному факту как закону, между тем как дуалист отвращает от мате-

ности, преображенного тела, и именно духовное тело содержит онтологическую норму телесности. О ней говорит апостол Павел: «есть тело душевное, есть и духовное» (1 Кор. 15:44). Тело не может не быть первозданной сущностью, раз плотью стало само Божественное Слово. Эта воплощенность духовного мира, постигаемая в созерцании (или духовном чувствовании) произведений искусства, в восприятии красоты, была свойственна, по Булгакову, не только христианскому искусству, но и искусству языческому. В книге «Икона и иконопочитание» он говорит даже о «языческой иконографии, которая является, так сказать, естественным Ветхим Заветом для христианства», имея в виду ветхозаветный запрет на изображения Божества. Подобно тому как Деметра, Кибела, Иштар являлись мифологическими прасимволами Софии, так и «религиозное искусство восполняло богословие языческому миру, и поэтому иконографическое богословие в рождении своем принадлежит уже язычеству» [1, с. 10]. Таким образом, Булгакову удается в значительной мере избавиться от спиритуализма соловьевской философии, видевшего в материи здешнего мира лишь «грубую кору вещества». Особая приверженность православия обрядам освящения — воды, хлебов, плодов, цветов, домов — свидетельствует в пользу «религиозного материализма» православия, видящего в материи не только символы духовного мира, но и особую реальность, причастную вечному бытию, подлежащую преображению. «Христианство, — пишет Булгаков в “Свете Невечернем”, — есть религия не только спасения души, а и духовного прославления тела» [4, с. 217].

Обычно мы употребляем два термина для характеристики человеческой природы — *тело* и *плоть*. Эта двойственность восходит к различению в греческом языке *soma* и *sarx*. Если коннотация первого термина скорее нейтральная, то под вторым — *плоть* — обычно подразумевают тело в его страстном состоянии, чувственное, наслаждающееся и материальное существо человека. От слова *плоть* происходит прилагательное *плотный*, т.е. твердый, труднопроницаемый. «Плоть похотствует на дух, и дух пленяется плотью. Плоть, как мировая материя, есть дезинтеграция, хаос, распыление, сила центробежная» [3, с. 516].

Среди коннотаций слова *плотский* — слово *земной*, которое есть антоним к слову *небесный*. *Плотский* — более сильный антоним к слову *духовный*, чем *телесный*. «Земля, как плоть, затемняет, закрывает, противоборствует идее — энтелехии, и этим создается чувство *плотности*, как начало греховное, ограничивающее» [4, с. 224]. К этому «телу плоти» Булгаков относит «воздыхания Платона, и вопль великого апостола “бедный я человек, кто избавит меня от этого тела смерти”» (Рим. 7:24).

Христианство — религия воплощения. Бог христиан был облечен в плоть — *ho Logos sarx egeneto*, *Слово плоть бысть* (Ин., 1:14). Как понять здесь употребление слова *sarx*, *плоть*? Означает ли оно, что Христос был наделен этим «телом смерти», о котором говорит ап. Павел? В своем Summary, написанном в 1936 г. «О Софии, Премудрости Божией», о. С. Булгаков делает следующее замечание: «Логос приемлет душевно-телесное естество человека (*sarx=ek psychès, noeras kai sōmatos*), сохраняя Свое Божество, которое присуще Ему в нераздельном соединении с Его ипостасию» [12, р. 57]. Можно видеть здесь, что, следуя такому истолкованию *sarx*, человеческая природа, или, в данном случае, человеческая плоть, включает в себя три принципа традиционной христианской антропологии — тело, душу и ум. Значит, плоть как бы объемлет собой всю человеческую природу, в аспекте ее аффективности? Собственно, у Соловьева мы встречались с тем, что первой материей он называет нечто совершенно нетелесное, не являющееся материей в значении физиков или химиков. Здесь тоже плоть отнюдь не сводится только к материально-телесному составу человека. Показательно в этом смысле употребление этого слова применительно к «душе мира», пусть, может быть, и в метафорическом употреблении, в посвященном Владимиру Соловьеву и написанном в 1924 г. наброске: «Душа мира, — в низшем, тварном аспекте женственна, но это всего Афродита, допустим, даже “небесная”, а не всенародная, но этой *мистике* никогда нельзя давать значения религии, и в природной подставке церкви видеть Церковь. Это еще — *плоть*, хотя и в самом утонченном состоянии, притом греховная, грехом растленная, сладострастная плоть» [2, с. 396].

Как, исходя из этого, определить тело, или телесность? Прежде чем дать ответ, вспомним, что для Декарта главной характеристикой тела является протяженность в пространстве, для Ньютона — его энергетический потенциал. Булгаков обнаруживает сущность тела в чувственности, которая является особым элементом жизни и которая отличается от духовного, но не является противоположной ему и не исключается им. «Телесность по существу своему во все не есть противоположность духу, ибо существует и духовная телесность, “тело духовное”, о котором говорит ап. Павел: “если есть тело душевное, есть и духовное — *pneumatikon*” (1 Кор. 15:44), и именно такая телесность и содержит в себе онтологическую норму тела» [4, с. 217]. Чувственность есть больше, чем просто чувственное восприятие. Это, скорее, способность интуиции, эстетического суждения, основанного на определенном складе души, своего рода чувственной интенциональности, направленности чувства на восприятие определенных объектов. Понятие просветленной чувственности укоренилось в русской мысли (напр., у Ивана Ильина) и весьма отличается от сублимации Фрейда и психоанализа. Здесь речь идет о переходе на иной уровень восприятия, познания, в котором есть значительная этическая и духовная составляющая, которая в недостаточной степени развита и даже отсутствует у людей с преобладанием материальных наклонностей. Духовная чувственность обнаруживает себя в человеческой способности открывать в мире красоту и созерцать ее. Красоту не как предмет кантовского суждения вкуса, но Красоту, спасающую мир, как это провозвещают «Братья Карамазовы» Достоевского (Красота, усвоенная Христу). Для Булгакова Красота есть откровение Святого Духа, обоженное, или идеальное, тело, София-Премудрость как универсальное тело мира. Он видит в телесности некий алогический субстрат Красоты, ее потенциальность. Красота есть, используя язык аристотелевской метафизики, *causa finalis* телесности. *Красота — и есть одухотворенная плоть, а не холодное безжизненное тело.* Об этом, как мы увидим дальше, свидетельствует нам и церковная литургия.

«В этой духовной телесности и коренится основа искусства, ибо художник прозревает красоту как осуществленную святую телес-

ность» [4, с. 221]. Здесь мы видим характерную для художественных устремлений символизма Серебряного века идею. Искусство не есть самодостаточное и самодовольное развлечение, оно есть теургическое средство преображения мира. Личная жизнь также становится художественным произведением, объектом «жизнетворчества». Святые — тоже художники жизни, но их «искусство» избегает процесса объективации (так считал Бердяев!).

«Свет Невечерний» знаменует важный этап в жизни Булгакова. Вскоре после выхода книги в свет он будет рукоположен во священники по благословению св. Патриарха Тихона. А летом 1918 г. он покидает Москву и на четыре года поселяется в Крыму, где в чад гражданской войны пишет ряд значительных философских сочинений, в числе которых несколько очерков, развивающих темы «Света Невечернего». К вышедшему в Праге в 1925 г. в сборнике к юбилею П.Б. Струве очерку «Ипостась и ипостасность» он даст подзаголовок *Scholia* к «Свету Невечернему». На наш взгляд, в качестве такой же схолии можно рассматривать текст «О святых мощах. По поводу их поругания». В рамках атеистической пропаганды новая власть вскрыла 63 раки с мощами самых почитаемых русских святых. Физическая поврежденность, тленность многих останков посеяла среди верующих замешательство.

Булгаков взялся за изъяснение традиции почитания мощей, к которой некоторые относились как к своего рода «религиозному фетишизму», и за истолкование самого понятия «нетленности». Почитание мощей объясняется, по Булгакову, тем, что «в благодатной жизни церкви все духовное — телесно, все божественное имеет плоть, человечно, ибо человек есть человеко-бог, все духовное материально, облечено в тело. Поэтому мы совершаем все таинства, имея определенную материю таинства, — хлеб и вино, елей, миро, воду, в крайнем случае, слово и прикосновение. Поэтому мы “освящаем” святую воду, освящаем иконы, храмы; поэтому у нас вообще есть святые, святые места и предметы. И поэтому мы почитаем и св. мощи» [3, с. 505].

Мощи тождественны телесным останкам святых. Предметы, с которыми они соприкасались в повседневности (Евангелие, четки, вериги, сандалии или мотыжка преп. Серафима Са-

ровского, элементы одежды или частицы гроба, в котором был похоронен святой), также относятся к мощам. Да и сами останки в православной традиции разделяются на множество частей, которые могут пребывать разноместно. Мощи одного святого могут находиться одновременно в разных местах, и в этом случае часть становится соравной целому вопреки любым математическим и пространственным законам.

Булгаков предлагает рассматривать мощи в качестве потенциальности духовного тела святого. Не случайно в русском языке слово *мощи* происходит от слова *мощь, мочь*.

«Тело должно рассматриваться динамически как некоторый динамический центр, точка приложения организующих сил... Он сохраняется неистребим, остается в сокровищнице живых сил природы как бесчисленные семена жизни, в ней таящиеся» [3, с. 518]. В то же время одухотворение тела не уничтожает его физических атрибутов, в том числе и тленности, также как Евхаристия не упраздняет физических качеств хлеба и вина, включая сюда возможность пресуществленного хлеба засохнуть, заплесневеть и пр. Чудо таинства отнюдь не в преобразовании материи, но в ее полном упразднении, одновременно при сохранении ее природных свойств. «Сила таинства в материи неопределима никаким, даже самым тончайшим из мыслимых определений, материя таинства для очей науки и вообще этого мира есть мировая материя, по всем своим свойствам принципиально не отличающаяся от другой, и в этой недоступности таинства измерению — его свойство и его торжество». Физическое нетление не может быть существенным атрибутом мощей, иначе в качестве таковых следовало бы рассматривать египетские мумии, хорошо сохранившиеся в силу природных условий останки. Русские сказки включают истории о грешниках, у которых была отнята способность умереть до покаяния, до тех пор, пока они не искупят свою ошибку или не снимут свое проклятие. Отклонение от естественной нормы может выглядеть как сверхприродное вмешательство, но и как противоестественное сопротивление.

Потенциально всякий человек свят и тело всякого человека является мощами. «Тело, как человек, отдельно от духа просто не существу-

ет, так же как не существует бесплотного человеческого духа... Святые святы телом и душою, в них свято их тело, которое в этом смысле при жизни их, как и после смерти, в этом отношении ничего не изменяющей, является *мощами*, т. е. *местом святого тела*» [3, с. 516]. Показательно в этом смысле поразительное сочетание «величия и ничтожества человека» (если выразить это противопоставлением Паскаля) в каноне православной панихиды, написанной св.Иоанном Дамаскиным: «Глас 5-й: Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел, и паки рассмотрих во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник; но упокой, Господи, с праведными раба Твоего.

Глас 6-й. Начаток мне и состав зиждительное Твое бысть повеление: восхотев бо от невидимого же видимого жива мя составити естества. От земли тело мое создал, дал же ми еси душу божественным Твоим и животворящим вдохновением. Тем же, Христе, раба Твоего во стране живущих и в селениях праведных упокой... Глас 8-й. Плачу и рыдаю. егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида» [цит. по: 5]. Созданное «от земли» тело — «земля есть и в землю отыдеши», сопрягается с «зиждительным» повелением художника-Творца, формирующего человека из глины и вдыхающего в него бессмертную душу. Тело, предающееся тлению, связано тут именно с образом и формой.

В человеческом существе есть нечто противоречащее смерти, смерть воспринимается человеком как вопиющая несправедливость. В этом человеческом переживании стоит искать духовный аспект телесности. В творчестве Андрея Платонова можно найти сродное булгаковскому переживанию телесности, материи тела, противящейся смертности, интуиции, которые восходят к «философии общего дела» Николая Федорова, «загадочного мыслителя», оказавшего существенное влияние на отца Сергея. Лейтмотивом романа Платонова «Чевенгур» является воспоминание его главного героя Дванова о его умершем отце, переживание телесного единения с его умершим телом: «Он оглядел все неизменное смолкшее озеро и насторожился, ведь отец еще остался — его кос-

ти, его жившее вещество тела, тлен его взмокшей потом рубашки — вся родина жизни и дружелюбия. И та есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына» [8, с. 395]. Это же чувство близости жизни и смерти, одушевленного и неодушевленного тела, природы в состоянии смертности передано в описании переживания другого платоновского героя, Вощева: «Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле. Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Вощев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”» [7, с. 497].

Таким образом, эстетике прекрасного тела, занимающей столь высокое место в аксиологии античной классики, но испытывающему недоверие и даже поношение философов, противостоит эстетика уязвленной, страдающей, немощной плоти, плоти, пораженной грехом, но и чающей исцеления, превращающейся в прах, возвращающейся в землю, но и чающей телесного воскресения, собирания из распавшегося на атомы состояния и взыскания утраченного образа.

Список литературы

1. Булгаков С.Н., *прот.* Икона и иконопочитание. Париж: YMCA-Press, 1931.
2. Булгаков С.Н. О Вл. Соловьёве // Козырев А.П. Соловьёв и гностики. М., 2007.
3. Булгаков С.Н. О святых мощах. По поводу погребения // Труды по социологии и теологии. В 2 т. М.: Наука, 1997. Т.2. С.501–527.
4. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
5. *Заупокойное* богослужение. URL: http://www.liturgy.ru/trebi_zaupokoju (дата обращения: 20.07.2012).
6. Киприан (*Керн*), архим. Посмотрите на лилии полевые. Курс по Литургическому богословию. М., 2007.
7. Платонов А.П. Котлован // Избранное. М., 1988.
8. Платонов А.П. Чевенгур // Избранное. М., 1988.
9. Плотин. Против гностиков // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в античности и в Средние века / пер. Т.Ю. Бородай. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С.479.
10. Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.
11. Соловьёв Вл.С. Еврейство и христианский вопрос // Полн. собр. соч.: в 12 т. Брюссель, 1960. Т.4.
12. *Boulgakov Serge, pèr.* La Sagesse de Dieu, trad. par K. Andronikof. Lausanne: l'Age d'Homme, 1983.
13. *Plotin.* I, II [3] Des vertus / Première Ennéade, trad. d'E.Bréier, Paris: Les Belles Lettres, 1997. (Перевод мой. — А.К.).

ABOUT ONE ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF S.N. BULGAKOV PHILOSOPHY *Alexey P. Kozyrev*

Lomonosov Moscow State University; 27–4, Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russia

Two concepts — «body» and «flesh» — are investigated in the article. Author suggests that each of them has its own semantic context. The idea of «embodiment» in Christianity correlates with «flesh» first of all, but not with «body». Sergey Bulgakov believes that «flesh» is human nature in aspect of its unperfection, when it wait of completing by God's delight. Transformed «flesh» is source of specific energy by way of relics of saints in religion consciousness. Author suggests that Bulgakov solution of «body–flesh» question is kind of «religious materialism», which opposes itself to deprecation of flesh by Plato, and ascetism of monofizytyzm in early Christianity as well. Author concludes that aesthetics of flesh which distresses and waits of uprising in Christianity withstands to aesthetics of beautiful body in Antiquity.

Key words: anthropology; body; flesh; Christianity; sacred relics; «religious materialism»; embodiment; platonizm.

УДК 172.1

ВЛИЯНИЕ МАСОНСТВА НА ИДЕИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ю.В. Назарова

Посвящена философскому анализу влияния этико-религиозных и социально-политических взглядов русского масонства на идеи либерализма и законотворческую деятельность конституционно-демократической партии в начале XX в. в России.

Ключевые слова: философия либерализма; этика русского масонства; парламент; социально-политическая система масонства.

Идеи либерализма в русской философии и политике традиционно не были популярны. В известной степени идеи либерализма противоречили правовому нигилизму и этическому абсолютизму, имевшим авторитетную поддержку в лице М. Бакунина, П.Н. Кропоткина и Л.Н. Толстого, оказавшим большое влияние на общественные умонастроения. Именно эту национальную традицию пренебрежения к праву «либералы стремились не только объяснить, но и преодолеть» [4, с. 25]. Русские либеральные мыслители последовательно отстаивали идею верховенства закона и правового обеспечения прав и свобод личности, акцентировали свое внимание на построении модели правового государства, развитии прав и свобод граждан. Как подчеркивал известный исследователь российского либерализма А. Валицкий, «традиции либерализма никогда не прерывались в России, в конце прошлого века ее значение стало даже постепенно возрастать. Дореволюционная Россия внесла свой вклад в развитие либерализма и либеральной философии права» [4, с. 25].

Государственная Дума, просуществовавшая 12 лет, была тем самым политическим институтом, в котором, как казалось, могут найти свое воплощение идеи и стремления русских либералов. Наиболее ярко либеральные идеи проявили себя в идеологии и политической программе конституционно-демократической партии (кадеты), членами которой в разное время были и выдающиеся правоведы и юристы, и философы-публицисты. За всю историю Думы

представители конституционно-демократической партии с переменным успехом пытались воплотить свои идеи на практике: мечтая о государстве свободы и закона, они занимались активной законотворческой деятельностью и пытались повысить политический статус и политическое влияние парламента.

Русские либеральные идеи во многом отличались от западного либерализма, философским основанием которого был утилитаризм. Либерализм на Западе часто воспринимался как идеология капиталистического общества [9]. Основанием доктрины либерализма на Западе, ее ценностью является материальное благополучие людей, что не касается напрямую их духовных, внутренних потребностей. В отличие от теорий, скажем, античной этики, либерализм не обещает душевный покой, гармонию и счастье, он направлен на достижение материального благосостояния. Однако, по мнению Людвиг фон Мизеса, либерализм реалистичен, и он знает, что внутреннее богатство человека невозможно обеспечить внешними средствами. Поэтому либерализм стремится обеспечить хотя бы минимальный уровень потребностей, т.е. внешние предпосылки внутренней жизни.

А. Валицкий указывает на то, что русский либерализм пошел дальше классического. В классическом либерализме главным идеалом был идеал свободы; русский же либерализм — это «либерализм социальный», квинтэссенцией которого явилась идея расширения прав человека, призванная превратить либеральное пра-

вовое государство в социалистическое правовое государство, сохраняющее все достижения либерализма [4].

Идея построения государства, основанного на свободе, праве и справедливости, близка целям такой организации, как масонство. Либерализм в России связан с масонством исторически, политически, идеологически. В данном исследовании мы делаем попытку показать грани этой связи, и проанализировать влияние масонства на идеи русского либерализма в начале XX в. Надо отметить, что и русский либерализм, и русское масонство имели значительные отличия от классического либерализма и западного масонства, о чем будет сказано ниже.

На связь либералов, в лице представителей конституционно-демократической партии, и масонов указывают и сами масоны. Так, на сайте <http://masonic.narod.ru/>, который поддерживается «достопочтенной Ложей “Северная Звезда”, первой масонской ложей, регулярно учрежденной в Москве после 70-летнего правления большевиков», сказано, что в начале XX в. «новое русское масонство по сути дела превратилось в секретный политический клуб, тесно связанный с кадетской партией, хотя сам лидер кадетов П. Милюков к масонству не имел никакого отношения. Связь с кадетами случайностью не была. Идеологические постулаты этой партии — конституционное правление и власть закона — в наибольшей степени подходили масонам, мечтавшим о гармоничном, рациональном устройстве общества».

О связи русской политики и масонства упоминает и Н.Н. Берберова. Достоверно известно, что за время существования Государственной думы в масонских ложах состояли такие депутаты, как Е.И. Кедрин, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, В.П. Обнинский, А.А. Свечин, С.Д. Урусов, А.Г. Вязлов, К.К. Черношвитов, Д.И. Шаховской, Ф.Ф. Штейнгель, С.А. Котляревский (1-я Дума); А.А. Булат, Ф.А. Головин, А.М. Колюбакин, В.А. Маклаков, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев, Г.Р. Килевейн, О.Я. Пергамент, Н.С. Розанов, В.А. Степанов, К.К. Черношвитов (2-я Дума) [1]. Несмотря на то что масонов в Думе было не так уж и много, они оказали заметное влияние на политическую жизнь в те времена.

Однако Временное правительство уже практически полностью состояло из членов ма-

сонской ложи: из одиннадцати министров, десять были масонами (не являлся масоном только П.Н. Милюков) [1].

Таким образом, очевидно, что масоны оказывали существенное влияние на политическую ситуацию в России в начале XX в. Деятельность политиков, принадлежавших к масонской ложе, в Государственной думе и Временном правительстве была обусловлена особыми идеалами и принципами русского масонства.

Масонство, как закрытая организация, с тайными знаками и обрядами, сакральными целями, может быть предметом для отдельного исследования; в рамках же данной статьи нас интересует идеология масонства, его основные принципы, цели, нравственные основания, которые члены братства традиционно не закрывают покровом тайны, а, наоборот, открыто декларируют. В рамках работы мы ставим целью анализ идеологии русского масонства, для того чтобы выяснить вопрос о влиянии идеологии масонства на философско-политические концепции либеральных политиков начала XX в.

В России исторически сложилась тесная связь между масонством и либерализмом. Как и либерализм, масонство в России имело свои, отличные от западного масонства черты.

Существует мнение о важности влияния масонства на русскую культуру и философию в целом. Так, Н. Бердяев в своей работе «Русская идея: основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века» пишет: «В масонстве произошла формация русской культурной души, оно давало аскетическую дисциплину души, оно вырабатывало нравственный идеал личности. Православие было, конечно, более глубоким влиянием на души русских людей, но в масонстве образовывались культурные души петровской эпохи и противопоставлялись деспотизму власти и обскурантизму. Влияние масонства подготовило у нас и пробуждение философской мысли в 30-е годы, хотя в самом масонстве оригинальных философских мыслей не было. В масонской атмосфере происходило духовное пробуждение» [2, с. 48].

Считается, что первым Великим мастером масонской ложи в России в 1731 г. был генерал Джеймс (Яков) Кейт, однако, по неподтвержденным данным, первым русским масоном был царь Петр Великий. По мнению исследова-

теля Пыпина, масонство в Россию было привнесено иностранцами, в основном англичанами, хотя среди масонов-иностранцев встречались и немцы. Изначально масонские обряды проводились в узких кругах живших в России иностранцев, однако постепенно в ложи стали вступать и представители русской аристократии; в то время масонство воспринималось, скорее, как новомодное европейское веяние. В 1756 г., по требованию императрицы, появилось первое донесение о масонах, сделанное Михаилом Олсуфьевым, в котором говорилось, что масонство не представляет угрозы для православия и престола; Олсуфьев назвал масонство «ключом дружелюбия и братства» [3]. Таким образом, власть стала относиться к масонам лояльно, хотя и с некоторой долей недоверия, сохраняя над ложами полицейский надзор. Духовенство в отношении масонов было настроено более враждебно, подтверждением чему являются многие духовные проповеди и рукописи елизаветинской эпохи, в которых масонство резко осуждалось как идеология, приводящая от веры Христовой к царству антихриста.

Во времена своего становления в России масонство не имело четкой системы религиозно-этических ценностей, оно, скорее, являлось данью европейской моде и привлекало в свои круги лучших представителей знати. Но со временем ситуация изменилась. Во времена Екатерины Великой масонские идеи распространяются уже очень активно, и именно в это время русское масонство принимает характер особой философии, обретая уникальные, отличные от западного масонства черты.

Следующий этап в истории русского масонства начался тогда, когда И.П. Елагин задался целью обнаружить «истинное масонство», открывающее высокое значение обрядов и конечных задач братства [3]. Собрав большое количество сведений о европейских масонских ложах, Елагин остановил свой выбор на системе английского масонства. Английская Великая Ложа в 1772 г. признала Елагина как Великого мастера России.

Английское масонство считало своей основной задачей воспитание отдельной личности с целью преобразования всего общества. Елагин был увлечен идеей поиска сакрального смысла масонства, поэтому примитивная, по его мнению, философия английского масонст-

ва, основанная на этических ценностях, вскоре разочаровала его. Он считал, что настоящая масонская наука скрыта в библейских текстах, в писаниях отцов церкви, в древних философских трактатах. Таким образом, русское масонство под руководством Елагина приобретает черты религиозно-мистического, философского учения. Чуть позже последователи Елагина глубоко увлеклись оккультизмом и мистикой.

Следующий важнейший этап истории русского масонства связан с фигурой Н.И. Новикова — известного книгоиздателя, просветителя и публициста. Благодаря Новикову центр масонства переместился в Москву, где в ложах, которыми он руководил, масоны занимались просветительской и благотворительной деятельностью [3]. Именно идеи Н.И. Новикова лежат в основании этико-религиозной концепции русского масонства.

Система религиозно-этических ценностей, формировавшаяся тогда в московских ложах, была своеобразной реакцией на популярную дотоле в аристократических кругах философию вольтерьянства. В то время в Москве было больше возможностей для проявления независимого мнения, чем в Санкт-Петербурге. Как свидетельствовал Новиков, «здесь такое направление, как масонство, могло развиваться гораздо свободнее, не стесняемое модной философией придворного круга... в этой атмосфере... жилось спокойнее и независимее представителям интеллигентного русского общественного мнения» [3].

Эти условия послужили средством формирования национальной идеологии русского масонства, которая была в меньшей степени подвержена влиянию европейского масонства и приобрела собственные, уникальные черты. По этой причине в дальнейшем мы будем проводить анализ именно этико-религиозной системы масонства, основанной Н.И. Новиковым.

Вопреки распространенному мнению, русские масоны поддерживали монархию и православию. Однако они разделяли идею социального равенства, причем, согласно их этико-религиозной системе, социальное равенство вытекало из евангельской идеи равенства всех перед Богом, а не из естественного права, что было характерно для европейской социальной философии.

После революции во Франции в России начинаются гонения на масонов: так, запрещается издательская и благотворительная деятельность Новикова, которого заключают в Шлиссербургскую крепость, где он проведет долгих 15 лет. Гонениям подвергаются и другие члены новиковского кружка.

Масонство восстановилось в прежних правах и вновь легализовано лишь при Александре I. По мнению Бердяева, в то время формировалась эмоциональная жизнь русской души XIX в., и это формирование напрямую было связано с масонством — с неоднозначной фигурой мистически настроенного Александра I, связанного с масонскими ложами общим стремлением к формированию универсального христианства, которое объединило бы в равенстве народы; с идеями свободы и равенства декабристов, многие из которых также были масонами. Бердяев подчеркивает особую роль масонов XIX в. в формировании идей свободы и социального равенства: «Первым культурным свободолюбивым человеком в России был масон и декабрист, но он не был еще самостоятельно мыслящим... Но масонство не удовлетворяло декабристов, оно казалось слишком консервативным, масоны должны были повиноваться правительству. Масоны не столько требовали уничтожения крепостного права, сколько гуманности» [2, с. 53]. Именно масоны и декабристы, по мнению Н. Бердяева, явились основанием для появления особого национального социокультурного феномена — русской интеллигенции. В свою очередь, в среде интеллигенции впоследствии формируются либеральные идеи. С началом XX в. эти идеи начинают оказывать влияние не только на философию, но и на политику.

Подытоживая основные события в истории русского масонства, можно сделать следующие выводы:

1. Масонство, изначально придя в аристократическую среду России как модное мистическое увлечение, приобрело характерные черты, отличавшиеся глубоким религиозным, социальным, культурным и этическим смыслом.

2. Интерес для философского анализа представляет масонская система Н.И. Новикова, поскольку она свободно формировалась в широких кругах московского дворянства, не будучи подвержена влиянию модной в то время при

дворе вальтерьянской философии, и была построена на реальных нравах и ценностях русского «интеллигентного общественного мнения».

3. Со временем русское масонство стало влиять на важные политические события в России. Так, масонские идеи свободы и социального равенства явились идеологической предпосылкой восстания декабристов.

4. Масонство оказало значительное влияние на формирование русской духовной культуры, явившись основанием появления русской интеллигенции и развития идей русского либерализма.

Кроме того, следует отметить общие, отличительные черты русского масонства:

1. Русское масонство не было антирелигиозным, и, в частности, антиправославным. Н. Бердяев писал: «Русские масоны искали истинного христианства. И трогательно видеть, как русские масоны все время хотели проверить, нет ли в масонстве чего-либо враждебного христианству и православию» [2, с. 48]. Таким образом, русские масоны не отрицали христианство и православие, рассматривая религию как возможность достижения всеобщего равенства.

2. Масонство не ставило своей целью достижение всеобщего равенства путем свержения монархии. Признание монархической власти логически следует из отношения масонов к православию. Декабристы, многие из которых были масонами, впоследствии разочаровались в масонской идеологии, считая ее слишком консервативной и лояльной к монархии, что привело к вооруженному восстанию.

3. Идея равенства в русском масонстве исходила не из идеи естественных прав, как в Европе, а из евангельской идеи всеобщего равенства перед Богом. Таким образом, характерной чертой русского масонства является его этико-религиозная направленность.

4. Русское масонство явилось основанием для формирования идей отечественного либерализма. Во многом это повлияло на различие между русским и европейским либерализмом. Европейский либерализм имеет в своем основании утилитаризм и, в частности, теорию «общественного договора» масона Джона Локка. Идеология европейского масонства была связана с идеей естественных прав. Содержа-

ние естественных прав представлялось по-разному в разных философских концепциях и политических документах: как «жизнь, свобода, собственность» (Дж. Локк); как «безопасность, свобода, право на жизнь» (Г. Спенсер, который в своей концепции естественных прав придерживался классического представления о правах); «жизнь, свобода, стремление к счастью» (американская Декларация независимости Т. Джефферсона, который считал, что право собственности не является естественным правом человека); «свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению» (французская Декларация независимости, где идея свободы, тем не менее, господствовала над идеей собственности). И. Кант полагал, что единственным естественным правом является только право человека на свободу. Таким образом, во всех перечисленных источниках право на свободу подчеркивается как важнейшее из естественных прав. Русский либерализм исходил не из идеи индивидуальной свободы, а из идеи расширения всеобщих прав человека. Если в европейском либерализме ключевым было понятие свободы, то в русском либерализме основным было понятие равенства. Поэтому отечественный либерализм в большей степени можно назвать «этическим либерализмом».

5. Массонство в России явилось не просто тайным обществом для избранных, оказывающих политическое и экономическое влияние на «профанов» (профан — масонский термин, обозначающий непосвященных, не несущий негативного смысла). Русское масонство оказало влияние, главным образом, на формирование русской духовности, расширив, таким образом, свою идеологию и внедрив ее в отечественную культуру. Доказательством этому служит формирование уникального социокультурного явления — интеллигенции, основания которой кроются в масонстве.

Таким образом, история масонства к XIX в. сформировала идеалы социальной правды, равенства и свободы.

С этого времени начинается активное развитие идей либерализма среди русской интеллигенции. Как отмечается на сайте <http://masonic.narod.ru/>, который поддерживается Ложей «Северная Звезда», «либеральные идеи, принесенные в Россию масонством и популяризовавшиеся масонами, пустили глубо-

кие корни в умах российской интеллигенции. Они остались в произведениях выдающихся русских писателей, публицистов. Именно они пронизывали либеральное движение конца XIX века в России».

Идеи либерализма, как было сказано выше, оказывали значительное влияние на политическую жизнь России в начале XX в. Это проявилось, главным образом, в работе конституционно-демократической партии в Государственной думе. Необходимо отметить, что основной идеологической предпосылкой для возникновения европейского института парламентаризма явилась философская идеология английского конституционализма, увидевшая свет благодаря таким мыслителям, как Т. Гоббс и Дж. Локк. Сама идея парламентаризма теснейшим образом связана с идеей естественных прав, так как в основании «Билля о правах» лежит концепция естественных прав Т. Гоббса и Дж. Локка. На работу Государственной думы возлагали наибольшие надежды именно представители русской либеральной мысли, для которых парламентаризм представлялся воплощением идеи равенства.

Многие представители либерально-правового направления в российском парламентаризме, такие как П.И. Новгородцев, М.Я. Острогорский, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, видели в Государственной думе прежде всего среду для воспитания правовой культуры и формирования правосознания. Либералы стремились к осуществлению своих взглядов на практике.

Идеология конституционных демократов была изложена в партийной программе от 1905 г. [5]:

1. В первом пункте программы говорится о равенстве всех без исключения граждан перед законом. Необходимо отметить, что в начале XX в. в России сословные и имущественные права некоторых категорий граждан были ограничены.

2. Во втором пункте говорится о свободе совести и вероисповедания, что также было острой проблемой в России того времени.

3. Далее речь идет о свободе слова, союзов и обществ. Этому положению соответствует идея парламентаризма.

4. Следующие пункты программы говорят о неприкосновенности жилища.

5. В программе подчеркивается, что основной властью должна быть власть закона и никто не может быть подвергнут судебному преследованию иначе, чем на законном основании.

6. Провозглашается равноправие всех народов Российской империи в отношении языка и культуры.

Таким образом, можно выделить следующие этико-политические принципы: законность; равенство; свобода. Очевидно, что ключевым понятием здесь является понятие равенства — в юридическом, политическом и культурном смыслах.

Известный юрист, депутат Государственной думы от конституционно-демократической партии В.А. Маклаков, состоящий в масонской ложе [1], принимал активное участие в законодательской деятельности в Государственной думе и, в частности, был известен как один из составителей правил внутреннего распорядка парламента — «Наказа государственной Думы». Рассмотрим некоторые положения его либеральной концепции, на которых была основана идеология конституционных демократов.

В нравственно-правовой концепции Маклакова большое внимание уделяется понятию *справедливости*, которое определяется не защитой интересов большинства, а компромиссом, обоюдной пользой, достигнутой путем добровольного соглашения. Это соглашение должно иметь под собой нравственную основу, суть которой, по мнению Маклакова, в *равенстве*, заключающемся в императиве «не делать другим то, чего от них не хочешь себе». Таким образом, полагал Маклаков, формула справедливости такова: «*Справедливость есть синтез между отречением от себя для других и звериной природой, стремящейся все от других отбирать для себя*» [6]. Что же понимал автор под «звериной природой людей»? Эта фраза вовсе не имела негативного значения; Маклаков считал, что, будучи «зверем», человек не заботится только лишь о своих личных интересах — он заботится еще и о своей семье, роде, классе и, наконец, о своем государстве. Таким образом, человек взаимодействует с обществом именно благодаря своей «звериности», и, как писал Маклаков, «этим уже начинается ограничение чисто звериной природы, воспитание человека, как члена общества, Общественное существо, по выражению Аристотеля» [6]. Но ка-

ким образом человек может сочетать звериную природу со справедливостью? Что означает быть справедливым? Это значит, по мнению Маклакова, проявлять одинаковую справедливость не только к своей семье, своему клану, своему обществу, но и к чужим: «...для этого прежде всего нужно уметь видеть у своих их недостатки и не отрицать правоты у противников: без этого нельзя претендовать быть справедливым... Не делать другим того, чего себе и своим не хотят; нужно, чтобы и государственный строй был построен на таком же начале, воспитывал в людях подобное к другим отношение; чтобы это было задачей и государства и отдельных людей» [6].

Основной проблемой демократии Маклаков считал то, что при демократическом режиме власть отдана большинству, что нельзя назвать справедливым. Тем не менее он признавал, что достоинство демократии заключается в том, что она признает саму суть справедливости, т.е. равное отношение ко всем. Однако в реальности права (справедливость) и возможности (власть большинства) неодинаковы. Вследствие этого, по мнению Маклакова, возникает вечное противостояние между государством и личностью. Для того чтобы преодолеть это противостояние, необходимо, чтобы личность и государство объединялись, работая на общее благо. «Среди требований, — писал Маклаков, — которые государство может предъявлять к человеку, есть минимум, который может быть для всех обязателен, ибо без него невозможен мир в среде общежития; настаивая на его исполнении всеми, государство защищает и общее благо и справедливость. Но отдельные люди могут и даже должны руководиться и более высокими мотивами, доходящими до готовности жертвовать собой для других, до забвения своих интересов и прав во имя любви к человеку, даже к врагу и обидчику» [6].

В своих «Воспоминаниях» Маклаков говорил о том, что всегда руководствовался политикой справедливости при составлении «Наказа», что выражалось, в первую очередь, в защите прав думского меньшинства. Таким образом, нравственно-правовая концепция Маклакова, основанная на понятиях равенства и справедливости, на признании прав не только своих, но и чужих, нашла эффективное воплощение в законе. Благодаря этому во время думских пре-

ний, при разработке и принятии законопроектов учитывались все точки зрения, все политические позиции; закон оказался равен для всех. Необычайно важно соблюдать принцип справедливости в парламенте, поскольку именно парламент является средоточием интересов всех представителей общества.

Справедливость представлялась В.А. Маклакову единственным основанием мирного существования общества и человечества в целом. «И мы можем в одном быть уверены, — писал он в заключении своих “Воспоминаний”, — если наша планета не погибнет раньше от космических причин, то мирное общежитие людей на ней может быть построено только на началах равного для всех, то есть справедливого права. Не на обманчивой победе сильнейшего, не на самоотречении, или принесении себя в жертву другим, — а на справедливости...для человеческой природы мир на земле возможен только на этих началах. В постепенном приближении к ним состоит назначение государства, а, может быть, и всемирного государства. Отдельным людям остается руководиться правилом Льва Толстого: “Fais ce que dois, advienne que pourra” (Делай, что должен, а там будет, что будет.)» [6].

Предположительно, на взгляды В.А. Маклакова, как и на общую концепцию конституционно-демократической партии, оказала влияние этическая система масонства. Для того чтобы проверить эту гипотезу, реконструируем основные принципы масонской этики.

Идеология русского масонства наиболее полно представлена в трудах И.В. Лопухина, переведившего также и многие западноевропейские масонские произведения. В работах Лопухина наблюдается открытая критика философии Просвещения, основанная на убеждении бессмертия человеческой души и необходимости смирения перед волей Бога. Лопухин пишет о необходимости смирения, подчеркивая ключевые принципы этико-религиозной системы масонства: чувство Божьей правды и совесть, которая всегда помогает понять волю Бога, потому что Он сам вложил ее в человека. Воля Бога также вложена и в Писание, и в законы природы. Священное Писание, в понимании русских масонов, сакрализуется и мистифицируется, в нем видится некий скрытый, зашифрованный смысл [8].

Таким образом, этика масонства носила ярко выраженный религиозный характер. Целью науки, по мнению масонов, был не только поиск Слова, открывающего истинную суть вещей: процесс познания должен был быть «душеполезным», или, как сказали бы античные философы, — улучшающим «склад души», преобразующим душу, т.е. этическим.

Понимание масонами человека исходило из *двойственности человеческой природы* — человека плотского, одержимого земными желаниями и страстями («внешнего человека»), и человека духовного, созданного по образу и подобию Божию («внутреннего человека»). Этика масонства была построена, прежде всего, на воспитании в себе «внутреннего человека». Главная задача — вспомнить о том, что люди созданы по подобию Бога, и взрастить в себе «внутреннего человека», или, как образно выражались масоны, «отесать дикий камень» (изменить человека внешнего).

Процесс воспитания «внутреннего человека» у масонов основан на следующих взаимосвязанных принципах:

1. *Познание самого себя.* Познание осуществлялось путем постоянной саморефлексии, чтения масонских книг, познания науки и постижения Священного Писания. Для эффективного самопознания нужен постоянный самоконтроль, борьба с «человеком внешним», с собственным эгоизмом и неосознанностью поступков. Познание самого себя — это, своего рода, теоретическая подготовка к трем практическим взаимосвязанным задачам: бегство от зла; делание добра; умение находить истину внутри себя.

2. *Бегство от зла. Умение находить истину внутри себя. Делание добра.* Свобода человеческого духа — это, в первую очередь, свобода от «человека внешнего» — от земных страстей и желаний; это свобода от зла. Зло в масонстве понималось особым образом. Масоны видели зло не в проявлениях внешней политической, социальной и прочей несправедливости, а в самом человеке. Зло для масонов — это выраженная самость, «я», отсутствие смирения, гордыня. Таким образом, бегство от зла в масонстве — это борьба с собственным «я». Масон В.А. Маклаков выразил эту идею в своих «Воспоминаниях», рассуждая о «звериной» человеческой природе и о потребности

преобразования «звериности» во имя установления царства справедливости.

Понятие добра в масонстве было напрямую связано с пониманием любви — как деятельного процесса, исходящего из желания блага ближнему. Это предполагало безвозмездную помощь всем, кто в ней нуждается (с чем была связана и система социально-политических взглядов в масонстве, о которой будет сказано ниже). Процесс делания добра должен начинаться с очищения сердца, с воспитания в себе неприятия, ненависти к греху. Очищение сердца предполагает простые правила: поддержание здоровья разума и тела; целомудрие; трезвость; воздержание; трудолюбие. Это помогает очистить разум от ненужного и приобрести мудрость души, что приводит к осознанию собственной греховности.

Много позже эти принципы проявили себя и в русской либеральной мысли. «Делание добра» конкретизировалось у конституционных демократов в принцип справедливости, о чем писал В.А. Маклаков, говоря об основном принципе справедливого государства [6]. Как в масонстве, всеобщий принцип делания добра должен был взращиваться изначально в душе каждой отдельной личности: преобразование внешнего человека, преобразование «звериности», «дикого камня» — во имя всеобщего блага, что потом переходит из личного преобразования в преобразование всего государственного строя.

Идеология масонства имела выраженный этико-религиозный характер: «Основатели масонства главной своей целью поставили то, чтоб возвратить человека к первой их натуральной доброте и заставить законы природы прозябнуть паки в сердцах их в величайшем совершенстве. Сия была и цель религии. Ея же стараются достигнуть и гражданские законы всех возможных образов правления. Может быть, свободному только каменщичеству известны были истинные к достижению сего способы» [3].

Из приведенной цитаты следует, что гражданские законы, по мнению масонов, также пытаются достичь цели возвращения человека к образу и подобию Божию. С этой точки зрения, масонство не ставило перед собой задач насильственного, революционного изменения существующего положения вещей, что снова

доказывает терпимое отношение масонства как к власти, так и к религии, уважение и соблюдение гражданских законов и принятие церковных ритуалов и обрядов.

Это позволяет сделать вывод, что система социально-политических взглядов в масонстве была тесно переплетена с этико-религиозной системой. Масонство, и русское, и европейское, всегда подчеркивало свою отстраненность от политики. Однако система социально-политических взглядов в масонстве была весьма прозрачной. В соответствии с представлениями античных мыслителей масоны считали, что человек изначально создан для жизни в обществе, и вне общества невозможен процесс «воспитания души» и самопознания, что делает невозможным приближение к Божественному образу и подобию. В основании социально-политической системы масонства лежала теория естественного права. Соблюдение закона и уважение к нему считалось у масонов обязательным условием мирного сосуществования людей, что во многом исходило из философии Дж. Локка. Однако, в отличие от теории Локка, социально-политическая система русского масонства, как уже было упомянуто, была тесно переплетена с этико-религиозной системой, что лишало ее элементов утилитаризма. Следствием этого явилось, например, представление русских масонов о полном послушании монарху как помазаннику Божию, судимому даже за злодеяния не человеческим, а божественным судом. Еще одним отличием является понимание свободы. По мнению масонов, анархия, своеволие, бунт за права против государя — это стремление к мнимой свободе. Истинная свобода в масонстве — это свобода духа, свобода от зла, свобода нравственная. Тем не менее безусловное соблюдение законов является главным требованием в этой социально-политической системе: «...порядок и точное соблюдение законов государства составляют спокойствие и безопасность каждого члена особенно. Порядок и спокойствие продолжают столь токмо долго, сколь каждый гражданин исполняет повеленное ему законами. Перестанет повиновение, перестанет и порядок, перестанет безопасность каждого. Следственно, собственная наша польза требует от нас должного почтения и преданности к отечеству» [3].

Масон, согласно этической системе масонства, должен всегда контролировать и анализировать свои слова, поступки и мысли. Поэтому его оценка законов должна основываться на голосе собственной совести.

Необходимо отметить, что многими годами позже, в начале XX в., русские либералы, в лице представителей кадетской партии, в своих политических программах и статьях на первое место ставили соблюдение законности и справедливости. Согласно политической программе кадетов, основной властью должна быть власть закона. Казалось бы, парламент, учрежденный в 1905 г. в России, должен был поколебать монархическую власть. Однако в основании Государственной думы лежала идея *примирения* народа и власти. Либералы видели в Государственной думе необходимое условие для воспитания правосознания и правовой культуры, а не трибуну для революционных призывов. Первый российский парламент представлялся либералам орудием, обеспечивающим власть закона, о чем и мечтали масоны. Русские масоны изначально связали этико-религиозную и социально-политическую систему в своей идеологии. Русские либералы пытались связать нравственность и право.

Таким образом, можно отметить характерные черты, связывающие русское масонство и либерализм.

Русский либерализм, в отличие от европейского, отличался ярко выраженным *этическим* характером. В московском направлении русского масонства, основанного Н.И. Новиковым, существовала четкая этико-религиозная система, имеющая *практический* характер преобразования и воспитания души. Несмотря на то, что русское масонство имело в своем основании систему взглядов английского масонства, московское направление отошло от мистики к этико-религиозной системе. Таким образом, можно сказать, что русский либерализм, так же, как и русское масонство, имел ярко выраженные этические черты. Общими в либерализме и масонстве можно назвать такие идеи, как свобода; право; справедливость.

Идея свободы, как в масонстве, так и в либерализме, исходила из понимания двойственности человеческой природы и необходимости воспитания нравственности, для достижения свободы. В масонстве это было связано с прин-

ципом возвращения «человека внутреннего», избежания зла. В либерализме несвобода связана с уровнем нравственно-правовой культуры и правосознания. По сути, это понимание свободы отличалось от европейского либерализма и европейского масонства. Европейское масонство и либерализм рассматривали свободу как индивидуальное естественное право человека; русские либерализм и масонство расширили это понятие до понимания духовной свободы и всеобщего равенства.

Понятие права, как в либерализме, так и в масонстве, связано с безусловным подчинением и уважением к закону, что выразилось в политической и правовой деятельности конституционно-демократической партии, само название которой говорит о приверженности конституционным нормам.

Справедливость, как в масонстве, так и в либерализме, была также тесно связана с понятием равенства и являлась своеобразной целью идеального государства — как всеобщее благо в политической философии Аристотеля. Но самой основной общей чертой русского масонства и русского либерализма является цель построения государства, основанного на указанных принципах.

Со времен Н.И. Новикова, да и со времен первых заседаний Государственной думы, прошло уже немало лет, и можно дать различную политическую и историческую оценку нравственно-правовой системе либералов и этико-религиозным взглядам масонства и тем последствиям, которые повлекли за собой эти идеи. Однако история русского либерализма и русского масонства продолжается. Несомненным остается одно — как масонство, так и либерализм внесли неопределимый вклад в русскую культуру и философию, в политику и право.

Список литературы

1. *Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
3. *Боголюбов В.А.* Н.И. Новиков и его время. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916.
4. *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX вв. // *Вопр. философии.* 1991. № 8. С.25–41.
5. *Всеподданнейший доклад* Статс-секретаря графа Витте. Полный сборник платформ всех русских

- политических партий. М.: Гос. публ. истор. библиотека России, 2001.
6. *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954.
7. *Масонские труды И.В. Лопухина: Т.2.* Некоторые черты о внутренней церкви. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913.
8. *Мизес Людвиг фон.* Либерализм в классической традиции // пер. с англ. А.В. Кураева. М.: ООО «Социум», 2007.
9. *О России* и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
-

THE INFLUENCE OF FREEMASONRY ON RUSSIAN LIBERALISM
AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Julia V. Nazarova

Tula State Pedagogical University; 125, Lenin av., Tula, 3000026, Russia

The article is devoted to philosophical analysis of the influence of Masonic ethical and political conception on the ideas of Russian liberalism and legislation activity of the constitutionally democratic Party.

Key words: philosophy of Liberalism; ethics of Russian freemasonry; parliament; social and political system of freemasonry.

УДК 140.8

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

А.И. Павловский

Рассматривается цивилизационная модель Н.Я. Данилевского с точки зрения ее соответствия исторической реальности и формулируются причины, в результате которых несоответствия подобного рода возникали.

Ключевые слова: деятели истории; единство человеческой истории; индивидуальность; культурно-исторический тип; народы; насильственность; самобытность; общества; цивилизационная модель; этнографический материал.

Обращаясь к цивилизационной модели в истории, отрицающей единство человеческой истории и, соответственно, существование универсального единого человечества как субъекта истории, мы не можем не столкнуться с проблемой того, что выбрать в качестве первоосновы нашего понимания. Дело в том, что различные цивилизационные модели базировались на различных основаниях, а потому и схемы деления в их рамках мировой истории значительно различались. Поэтому нам приходится предварять наши рассуждения о человеческой истории и человеческой культуре рассмотрением предшествующих нам цивилизационных моделей с целью обнаружения среди них теоретических оснований, которые могли бы стать отправной точкой для этих рассуждений.

Работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1868) является первой в ряду подобных произведений, а потому заслуживает особого рассмотрения. Следует вспомнить мировоззренческий и политический контекст, в котором писался этот труд, чтобы немедленно увидеть наиболее вопиющие его огрехи.

Книга Н.Я. Данилевского, принадлежавшего к кругу славянофильских идеологов и философов, была написана после позорного поражения России в Крымской войне, на фоне идущих в Германии процессов объединения, которые не могли не восприниматься российским общественным сознанием иначе, чем в форме угрозы. Поэтому в работе Н.Я. Данилевского философское содержание перемежается с политической публицистикой, и весь текст в целом выполнен в довольно реваншистском духе. Это значит,

что для понимания истинного позитивного содержания книги и отделения от него второстепенных для нашей теоретической цели вопросов требуется внимательное ее рассмотрение, что только и может дать нам возможность объективного понимания.

Н.Я. Данилевский рассматривает человеческую историю в качестве арены, на которой действуют различные народы, играющие совершенно различную историческую роль. «Итак, или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала — вот три роли, которые могут выпасть на долю народа» [1, с. 75].

Подобная альтернатива рассмотрена им довольно обстоятельно: «Но и эти культурно-исторические типы, которые мы назвали положительными деятелями в истории человечества, не исчерпывают еще всего круга ее явлений. Как в Солнечной системе, наряду с планетами, есть еще и кометы, появляющиеся время от времени и потом на многие века исчезающие в безднах пространства, и есть космическая материя, обнаруживающаяся нам в виде падающих звезд, аэролитов и зодиакального света; так и в мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогши

испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество. Назовем их отрицательными деятелями человечества. Иногда, впрочем, и зиждательная, и разрушительная роль достается тому же племени, как это было с германцами и аравитянами. Наконец, есть племена, которым (потому ли, что самобытность их прекращается в чрезвычайно ранний период их развития, или по другим причинам) не суждено ни зиждательного, ни разрушительного величия — ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов — культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собой разнообразие и богатство их, но сами не достигают до исторической индивидуальности» [1, с. 75].

Оставим пока в стороне разговор о положительных деятелях истории. Начнем с этнографического материала. Не совсем понятно, что подразумевает в этом отрывке Н.Я. Данилевский под «самобытностью» и «индивидуальностью» по отношению к племенам, которые, как он утверждает, не играют роли в истории. Традиционно «самобытность» и «индивидуальность» в подобном смысле принято понимать как наличие совокупности существенной культурной специфики, отличающей один культурный организм от другого. Но в этом смысле «самобытными» и «индивидуальными» являются не только все без исключения народы, но и некоторые устойчивые субкультурные группы внутри одного народа.

Поэтому очевидно, что Н.Я. Данилевский употребляет эти термины в каком-то другом смысле, говоря, по сути, об индивидуальности и самобытности созданных этими народами цивилизаций. Но в этом смысле говорить об их самобытности и индивидуальности нельзя, так как если они не создали никакой цивилизации, то эта их несуществующая цивилизация по определению не может быть ни индивидуальной, ни самобытной.

По сути дела, в подобной постановке вопроса проявляется убеждение Н.Я. Данилевского о том, что индивидуальность и самобытность народа выражаются им только в соответствующей цивилизации. Но это, очевидно, не так. Скорее наоборот, объединяя многие народы в рамках единого организационного целого, цивилизация неизбежно

уменьшает индивидуальность и самобытность каждого конкретного народа, усредняет их.

Показательно в этой связи и его фактическое признание, что народы, не создавшие собственной цивилизации, не сыграли никакой исторической роли. Это означает, что Н.Я. Данилевский признает в качестве осуществления исторической роли только деятельность народов в форме цивилизации, т.е. для него мировая история — это история цивилизаций на фоне нецивилизованной, этнографической «материи». Но данный тезис сам по себе может быть построен только на основании утверждения о качественном преимуществе цивилизованного общества как такового над диким обществом как таковым, т.е. все на той же концепции общественного прогресса.

Но очевидно, что само по себе дикое общество не является чем-то однозначно худшим по отношению к цивилизованному, хотя последнее и является более сложной формой организации людей. При переходе от дикости к цивилизации человек многое приобрел, но многое и потерял, так как проблемы его бытия в обществе несоизмеримо выросли. При колонизации европейцами Северной Америки их встретили нецивилизованные индейские племена, но вопрос о том, было ли бытие этих племен хуже последующего цивилизованного бытия на этом же месте переселенцев, отнюдь не так однозначен.

Существует еще один аргумент, который важнейшим образом противостоит тезису Н.Я. Данилевского, согласно которому требуется классифицировать культурно-историческую специфику по «цивилизациям». Сам Н.Я. Данилевский пишет: «Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества» [1, с. 77]. Это первый закон исторического развития по Данилевскому. Но в истории зачастую случалось, что общность народов, характеризующихся очевидно близкими языками, не вовлекалась в рамки единой цивилизации. Это относится как к китайской, так и к многим из перечисленных Н.Я. Данилевским ближневосточным цивилизациям. Получалось, что только часть про-

странства, охваченная родственными языками и родственными народами, составляла единый культурно-исторический тип, а остальные родственные народы оставались на положении этнографического материала. Но это подводит нас непосредственно к мысли о том, что культурно-историческая специфика проявляется не только на уровне отдельных цивилизаций, но и на уровне нецивилизованных народов, причем в отдельные культурно-исторические общности могут входить как позитивные исторические деятели, так и родственный им «этнографический материал». Это, в свою очередь, означает, что нужно проследить деление человечества не на отдельные цивилизации, а на отдельные культурные пространства, объединяющие родственные по менталитету народы вне зависимости от уровня их развития, и вот уже в рамках этих пространств выделять отдельные цивилизации, границы которых могут не совпадать с границами ареалов.

Но если отказаться от абсолютизации значения цивилизации для культуры, свойственной Н.Я. Данилевскому, то его деление на деятельные народы и «этнографический материал» вообще потеряет смысл. Тем более, если учесть, что сам мыслитель не мог четко сформулировать принципиального различия в духовном плане цивилизованных и диких народов, «самобытность» и «индивидуальность» здесь, как было показано выше, не проходят. Приходится утверждать, что выход из пассивного состояния «этнографического материала» связан всегда с особыми историческими причинами, которые и ответственны за возникновение самобытной цивилизации, а вовсе не собственные качества создающих цивилизацию народов.

Кроме того, строго говоря, Н.Я. Данилевский не ограничивает статус «этнографического материала» рамками диких народов, он присваивает его и народам, оставшимся на развалинах цивилизации. «Иногда нисходят на эту ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы в ожидании, пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их в смеси с другими элементами в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа» [1, с. 75]. Иными словами, культурное пространство мира представляет общий пассивный исторический фон, на котором прояв-

ляются отдельные цивилизации, но который разделен на культурные ареалы до этого цивилизациеобразования, а потому и культурную специфику народов нужно искать не в их цивилизации, а до нее.

Таким образом, деление народов на деятельных и этнографический материал скорее описывает их историческое состояние, а не их культурную сущность, а потому не может быть признано принципиальным и основополагающим.

Еще более странно выглядит деление деятельных народов на созидательные и разрушительные. Да, гунны не стали создателями новой цивилизации, но назвать их народом-разрушителем в строгом смысле этого слова тоже невозможно, так как не они уничтожили Римскую империю. Римская империя пережила набег гуннов и погибла под ударами варварских германских племен. Осмелюсь выдвинуть тезис: народы не могут уничтожить иную цивилизацию чисто разрушительным порывом. Это связано с тем, что любое чистое разрушение общественных институтов временно, эти институты в виде представления о них остаются в сознании людей, которые остаются жить на территории, подвергнутой разрушению, а потому в условиях, когда на смену общественным институтам не приходят новые, старые институты воспроизводятся на прежнем месте.

Гунны не создали новых институтов на территории поверженной Римской империи, они остались кочевниками, и империя устояла. Монголы же и турки, приведенные Н.Я. Данилевским в качестве двух других примеров, действительно, выступили в роли исторических разрушителей агонизирующих цивилизаций, но они одновременно являлись и созидателями.

Империю Чингисхана (1202–1227) была одним из величайших государственных образований средневековой истории. «Империю монголов, основанная Чингисханом, — высшая форма степной цивилизации» [2, с. 58]. «К моменту своей смерти Чингисхан правил державой, раскинувшейся от Аральского до Желтого моря. Она в два раза превышала по площади римскую, а империю Александра Македонского — в четыре» [2, с. 60]. «За семьдесят лет его наследники увеличили империю почти в три раза...» [2, с. 60]. «Завоевания Чингисхана перевернули историю Китая, России, стран Средней Азии, Ближнего Востока и Восточной Европы. Восстановленные после разгрома ирри-

гационные системы находились под защитой монголов. Были установлены принципиально новые правила торговли, а главное, открылись для нее новые возможности... Улучшилось управление и установился строгий порядок во взимании налогов. Но главное — монголам впервые удалось соединить Запад и Восток Евразии в единое относительно мирное пространство, обеспечив на нем безопасность и быстроту передвижения» [2, с. 64]. Одним словом, монголы внесли свою лепту в мировую историю, они создали принципиально новую политико-социальную реальность, государства нового типа, не похожие ни на что существовавшее ранее, они принесли стабильность на завоеванные земли (уже одно это не согласуется с представлением о них как «сугубо разрушителях»), они обеспечили созидательное, прогрессивное существование большинства завоеванных им территорий.

То же самое касается и турок-османов. Оттоманская Порта просуществовала гораздо меньше времени, чем на тех же землях Византийская империя, но Порте удалось оказать значительное культурное воздействие на все государства региона и вдохнуть новую жизнь в угасающую исламскую цивилизацию. Уничтожив Византию, турки продлили существование арабского мусульманского общества Ближнего Востока, обеспечив ему своеобразный «серебряный век».

Да, ни монголы, ни турки не создали своей уникальной цивилизации, но может быть, позитивная историческая миссия заключается не только в этом, может быть, созидать в истории можно и по-другому?

Ответ на этот вопрос станет нам понятным, если мы, наконец, перечислим список самобытных культурно-исторических типов, ставших, по Н.Я. Данилевскому, позитивными деятелями истории. «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский и 10) германороманский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа — мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития» [1, с. 74].

Уже одна эта схема наводит нас на размышления о непонятности исторической периодизации Н.Я. Данилевского.

В этом списке упущено множество обществ, обладавших явной исторической самобытностью и не сводимых к перечисленным цивилизациям. Здесь отсутствует Византия, которая не была продолжением Римской империи, и в то же время она не может быть отнесена к европейской цивилизации. Здесь отсутствуют Блистательная Порта и государство монголов, как это уже было отмечено ранее.

Здесь отсутствуют несколько веков русской истории (от Киевской Руси до Петра I (1682–1725)). Н.Я. Данилевский пишет, что самобытный славянский культурно-исторический тип еще только формируется, в то время как в предшествующем периоде русской истории мы видим очевидные признаки расцвета. Кем тогда были, хочется спросить, русские в период Киевской и Московской Руси? Этнографическим материалом? Из логики построений Н.Я. Данилевского следует именно так. Но какую цивилизацию они создали? Или это, вообще, была не цивилизация, а придаток Европы или несуществующей (по Данилевскому) византийской цивилизации?

Н.Я. Данилевский называет две американские цивилизации, но почему-то пропускает цивилизацию майя, которая была не менее развитой, чем ацтекская и инкская. Он игнорирует тот факт (когда говорит о насильственной смерти американских цивилизаций), что в момент вторжения испанцев в Мексику ацтекская цивилизация уже находилась в упадке и стремительно катилась к гибели, что испанцев поддерживали бунтующие против безжалостной власти ацтеков покоренные ими индейские племена, что и привело Ф. Кортеса к победе. Следовательно, не о преждевременной гибели идет речь, испанцы тут исполнили роль «бича Божия» в полном смысле этого слова.

Н.Я. Данилевский явно несоразмерно рассматривает историю Ближнего Востока и Европы. Все многообразные исторические общества Европы объединены им в один тип, зато Ближневосточные общества совершенно необоснованно разделены на четыре: египетский, ассирийско-вавилонно-финикийский, иранский, еврейский. Понятно, что он объединяет Европу на основании наличия в ней единого религиозного вероучения (западного христианства), но одна религия — это не единственное, что мо-

жет обеспечивать общность цивилизации, осуществляющейся в совокупности государств.

У Н.Я. Данилевского утрачены Япония и Корея, государства Африки (в том числе и весьма любопытные), государства Индокитая. Упущены древние государства Месопотамии, которые предшествовали Ассирии и Вавилону и которые оказали определяющее воздействие на само начало китайской и индийской цивилизованной истории. Под иранской цивилизацией, предшествующей, по Данилевскому, греческой, скорее всего, понимается держава Ахеменидов, но при этом исчезает из рассмотрения принципиально важный для всего Ближнего Востока сасанидско-саманидский этап развития, который был, с одной стороны, не менее самобытным, чем ахеменидский, а с другой стороны, оказал значительно большее влияние на историю региона. Можно привести и другие примеры. Одним словом, предложенная им схема грешит нечеткостью выбранного критерия, а оттого напоминает известную «китайскую классификацию».

Вызывает сомнения и историческая преемственность, и последовательность выделяемых Данилевским цивилизаций. «Между ними должно отличать типы уединенные от типов, или цивилизаций, преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного к другому, как материалы для питания, или как удобрение (то есть обогащение разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами), той почвы, на которой должен развиваться последующий тип. Таковыми преемственными типами были: египетский, ассирийско-вавилонно-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский» [1, с. 74]. Преемственность между этими цивилизациями не носила такой формы. Греческий и римский типы явно не наследовали египетскому и ассирийско-вавилонно-финикийскому, это были две совершенно разные ветви исторического развития (они, на самом деле, даже не наследовали друг другу, но это утверждение не является явным и нуждается в серьезном доказательстве, поэтому оставим его в качестве принципиального авторского комментария). Германо-романский тип не наследовал еврейскому, ибо перенимание религии, на наш взгляд, не есть наследование.

Н.Я. Данилевский явно путает наследование и присвоение некоторых важных «плодов» иной цивилизации, но в этом отношении еще больше «плодов» египетского и ассирийско-

вавилонно-финикийского типов (чем греки и римляне) получила иранская цивилизация. Еврейский тип создал плоды, усвоенные, в том числе, и цивилизацией аравийской. А «ассирийско-вавилонно-финикийцы» вместе с китайцами и индийцами приобрели «основы цивилизованной жизни как таковой» у древнейших государств Ближнего Востока.

Иными словами, можно утверждать, что классификация Н.Я. Данилевского существенно обедняет реальное многообразие культур и цивилизаций, она содержит белые пятна, но если постараться заполнить их и обнаружить в истории другие самобытные цивилизации, то весь процесс человеческого развития рискует превратиться в неупорядоченную какофонию цивилизаций.

Методологическая ошибка предложенной схемы заключается в том, что Н.Я. Данилевский, во-первых, следуя своей биологической аналогии цивилизации с многолетним растением, ориентируется на «периоды яркого цветения», а во-вторых, как правило, ищет явное историческое основание, которое позволило бы ему объединить разные народы и государства в пределах одной цивилизации.

Первое заблуждение заключается в том, что рассматриваются «яркие проявления в истории» и при этом игнорируются все этапы, которые этим периодам предшествовали или следовали за ними.

Второе заблуждение проявляется в том, что в основном для Н.Я. Данилевского отдельные культурно-исторические типы создаются одним народом или в одном государстве (египетский, китайский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, аравийский). Исключения составляют европейский тип, где объединяющим началом служит западное христианство, и ассирийско-вавилонно-финикийский, разделить на разные цивилизации было бы необоснованно, тем более что соответствующие государства сменяли друг друга на одной территории в короткий (по историческим меркам) промежуток времени.

Эта ориентированность на явные и яркие исторические показатели и создает ситуацию, когда предложенная схема вопиющим образом не охватывает большинство достаточно самобытных народов, сыгравших в истории значительную роль, в том числе и роль созидательную. Это вызывает и противоестественное деление народов на «созидателей», «разрушителей» и «этнографический материал».

Вышесказанное не позволяет обратить внимание на то, что ряд обществ переживал несколько периодов подъема. Так, в китайской истории, кроме подъема при династиях Шан-Инь и Чжоу, были подъемы при династиях Цинь и Хань (2-й подъем), при династиях Суй и Тан (3-й подъем), при династии Мин (4-й подъем). Несколько подъемов пережило и индийское общество.

Кроме того, невозможно учесть, что некоторые цивилизации могут быть представлены несколькими государствами, которые развиваются параллельно и достигают точки своего наивысшего подъема в разное время, как Китай, Япония и Корея или древние государства Ближнего Востока.

Мы снова приходим к пониманию важного тезиса: в основании культурно-исторической классификации должны лежать не конкретные исторические подъемы, осуществляемые в рамках одного государства или усилиями одного народа, а территории, на которых проживают народы, связанные родством культуры и исторической судьбы. В этом случае мы не только преодолеваем непонятное разделение делателей истории и этнографического материала, но и можем рассмотреть историю народов с родственной культурой на протяжении последовательно сменяющихся друг друга преемственных цивилизаций.

В этом случае в одну культурно-историческую «нишу» попадают как народы, реализовавшие специфику собственной культуры в рамках «яркого культурного подъема», так и народы, которые с ними соседствовали и находились в состоянии взаимного духовного влияния.

Иными словами, нельзя, как это делает Н.Я. Данилевский, смешивать пространственное и временное основание деления народов на культурно-исторические целостности, эти основания нужно жестко развести, причем пространственное основание должно получить безусловный приоритет перед основанием временным.

Важным вопросом, имеющим принципиальное значение для понимания различия существовавших в истории цивилизаций, является вопрос о наличии универсального основания, обусловившего это различие. И в этом вопросе у Н.Я. Данилевского существует только видимая ясность. Первоначально он впадает в непонятные рассуждения о том, что специфика культурно-исторических типов заключена в их

индивидуальности (самобытности). Один из пассажей на эту тему цитировался выше. Но индивидуальность, или самобытность, тоже нуждается если не в объяснении, то хотя бы в ориентировочном описании. Если мы в состоянии в целом описать отличие одного человека от другого или одного растения от другого, то то же самое должно быть приложимо и к индивидуальным цивилизациям. Именно в этом отношении в построении Н.Я. Данилевского полностью отсутствует вменяемая система, приходится собирать эти различия по тексту, чтобы получить хоть какое-то внятное объяснение. По сути дела, он подробно описывает отличие европейского культурно-исторического типа от славянских народов, не образовавших еще тип, и предлагает параллельно особое основание для описания специфики всех культурно-исторических типов в целом.

В качестве такого общего основания служит «преимущественный разряд культурной деятельности». Приведем ряд суждений Н.Я. Данилевского по этому вопросу: «Общих разрядов культурной деятельности... насчитывается ни более ни менее четыре, именно:

1) *Деятельность религиозная*, объемлющая собою отношения человека к Богу...

2) *Деятельность культурная*, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру...

3) *Деятельность политическая*, объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. Наконец —

4) *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собой не непосредственно, как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира...» (выделено И.Я. Данилевским. — А.П.) [1, с. 400].

«Первые культуры: Египетскую, Китайскую, Вавилонскую, Индийскую и Иранскую, мы можем... назвать первичными или аутохтонными... Они не проявили в особенности ни одной из только что перечисленных нами сторон человеческой деятельности, а были, так сказать, культурами подготовительными, имеющими своей задачей выработать те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе» [1, с. 401].

И далее. «Таким образом, цивилизации, последовавшие за первобытными аутохтонными культурами, развили каждая только одну из сторон культурной деятельности: *Еврейская* — сторону *религиозную*, *Греческая* — *собственно культурную*, *Римская* — *политическую*. Поэтому мы должны характеризовать культурно-исторические типы: еврейский, греческий и римский — именем *типов одноосновных*» (выделено И.Я. Данилевским. — *А.П.*) [1, с. 405].

«По всем этим причинам должны мы установить за германо-романским культурно-историческим типом название *двуосновного политико-культурного типа* с преимущественно научным и промышленным характером культуры в тесном смысле этого слова» (выделено И.Я. Данилевским. — *А.П.*) [1, с. 407].

«Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом» [1, с. 430].

Можем ли мы принять подобное объяснение? Очевидно, что нет. Во-первых, из указанного совершенно непонятно то, чем отличаются аутохтонные культурно-исторические типы друг от друга. Во-вторых, остается вопрос о том, какие глубинные внутренние основания сподвигли одноосновные культурно-исторические типы к тому, что они избрали именно эти виды преимущественной деятельности (ибо деятельность все же относится к внешнему проявлению внутренних оснований духовной жизни).

В-третьих, в высшей степени притянутыми за уши кажутся сами такие сочетания народов с преимущественными типами осуществляемой ими деятельности. Религиозная деятельность новосемитического и индийского типов не уступала соответствующей деятельности еврейского типа, а может и превосходила ее. Политическая деятельность в Китае была не хуже организована, чем в Риме и т.д.

Понятен общий пафос работы, доказательство исключительности славянского типа и славян в историческом развитии. При этом, следуя данной цели, Н.Я. Данилевский страдает основательной исторической предвзятостью, усматривая в Греции истоки славянской культуры, в Риме — славянской империи, а у евреев — славянского христианства. Для этого и нужна правопреемственность цивилизаций, а также полное игнорирование другой правопреемственности, связанной с альтернативными христианскими цивилизациями. Для этого нужно игнорирование величайших достижений этих

цивилизаций в областях реализации означенных видов деятельности. Для этого нужно объявить наиболее враждебные славянству цивилизации Бичами Божьими.

Иными словами, история искажается в угоду политическим и национальным предпочтениям автора, отчего приобретает откровенно националистический оттенок. В качестве усугубляющего момента следует вспомнить, что, хотя выбранные Н.Я. Данилевским виды деятельности не объясняют индивидуальность цивилизаций, а только описывают их внешние черты, показывая количественные, но не качественные характеристики индивидуальности, одну качественную характеристику автор все-таки постулирует, правда, отношение она имеет только приложимо к различию между европейским и славянским типом.

Он пишет: «Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть *насильственность* (*Gewaltsamkeit*). *Насильственность*, в свою очередь, есть ничто иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мысли, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [1, с. 150].

Сама эта цитата являет собой пример величайшего противоречия. Действительно, для европейских народов на всем протяжении их истории был характерен индивидуализм, порой доходящий до крайностей. Но именно этот индивидуализм и приводит к тому, что эта цивилизация является в высшей степени терпимой по отношению ко всяким проявлениям других образов мысли и взглядов. Иное и невозможно, в противном случае европейское общество не могло бы существовать, поглотив себя в пучине межиндивидуальной войны. В то время как общества с ослабленным признанием индивидуальности как раз и являются нетерпимыми к проявлениям несогласного с общим образа мыслей и взглядов.

Короче говоря, можно говорить о *насильственности* как характеристике отношений внутри цивилизации и как характеристике отношений к другим цивилизациям.

Насильственность в первом смысле присутствует и в Европе, и в России, но если в Европе она служит методом разграничения правомочности индивидуалистических индивидов, способом выяснения того, кто на что имеет право, то

в России — это выражение фанатичной нетерпимости и стремление уничтожить всякие проявления чуждого. Иными словами, в Европе существует «война всех против всех», а в России — террор общества по отношению к маргиналам. Это две разные формы насильственности, и вопрос о том, которая является худшей, представляется весьма спорным.

Н.Я. Данилевский видит один тип насильственности и совершенно не усматривает другого. Он не видит жуткую насильственность православия, проявившуюся и в период крещения Руси, и в период русского религиозного раскола, и в прочие времена по отношению к еретикам. Он не видит политической насильственности Российской империи, проявившейся в период расширения ее территорий. Он не видит насильственности культурной ассимиляции в период ее укрепления и т.д.

Но даже если рассмотреть насильственность различного типа как характеристику различных цивилизаций, попытавшись распространить эту типологию и на остальные цивилизации (чего Н.Я. Данилевский не делает), то остается открытым вопрос об основаниях этого различия, т.е. об квинтэссенции этой индивидуальности, о самой сути ее, взятой в ее тотальной целостности.

Можно подытожить рассмотрение предпринятого Н.Я. Данилевским труда следующим образом. Он, очевидно, усматривал качественное различие европейской и российской цивилизации и смог спроецировать это различие за пределы исходного противопоставления и ус-

мотреть в истории человечества и другие самобытные цивилизации. Но ему не удалось проникнуть за пределы видимых различий этих цивилизаций и постигнуть сущность их специфики. Это во многом произошло потому, что Н.Я. Данилевский был политически предвзят, а потому рассматривал остальные цивилизации, отталкиваясь от специфики славянского типа. Он не рассматривал их абсолютную специфику, но только специфику относительную, что заметно снижало уровень исследования. Кроме того, Н.Я. Данилевский обладал весьма поверхностным знанием истории и был первым исследователем этого направления, что заметно уменьшало как объем исследуемого материала, так и заставляло его самого разрабатывать все концептуальные идеи.

Тем не менее, значение этого исследования велико. В нем впервые были поставлены принципиальные вопросы, касающиеся закономерностей развития человечества, причем впервые поставлены правильно, и не столь уж важно, что ответы на эти вопросы оставляли желать лучшего.

Список литературы

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Глаголь, 1995.
2. *Козлов Г.* Темучин — каратель неразумных // *Вокруг света.* 2006. №6. С.50–66.

THE CRITICAL REFLECTION ON THE MODEL OF CIVILIZATION

BY N.Y. DANILEWSKY

Alexey I. Pavlovskiy

Tyumen State University; 10, Semakov str., Tyumen, 625003, Russia

In this article consideration the model of civilization by N.Y. Danilewsky is given. This model recognized not corresponding of history reality. The author formulates causes of these discrepancies.

Key words: history figure; unity of human history; individuality; cultural-historical type; peoples; violence; distinction; society's; model of civilization; material of ethnography.

УДК 124.31

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю.Г. Поletaева

Исследуется проблема исторической целесообразности, раскрывается структура и основное содержание ее субстанциалистской концепции. В качестве первого и исходного понимания проблемы целесообразности рассматривается позиция Канта. История — результат деятельности человека, а историческая целесообразность является осуществлением человеческой свободы. В субстанциалистской модели исторической целесообразности, разрабатываемой Гегелем, история трактуется как состояние человеческого бытия, где субъективная сторона целесообразности сопряжена с ее объективным содержанием. *Ключевые слова:* история; историческая целесообразность; субстанциалистский подход; телеология; свобода; личность.

В рамках немецкой классической философии проблема исторической целесообразности представлена двумя основными подходами к ее решению. Первый из них связан с анализом проблемы целесообразности через призму телеологической (свободной) причинности. Основоположник этого подхода Кант исходил из того, что противопоставление причинного (механистического) и телеологического способов миропонимания заключено в различных способностях человека.

Телеологическое миропонимание опирается на способность желания, в которой находит свое выражение человеческое стремление к конструированию предметного мира (разум диктует природе свои законы), реализуется субъектно-личностное начало человека. «В практическом познании, т.е. таком, которое имеет дело только с основаниями определения воли, основоположения, которые мы составляем себе, потому еще не законы, что в сфере практического разум имеет дело с субъектом, а именно со способностью желания...» [6, с. 295]. При этом человек исходит из понятий свободы, «которые покоятся на законодательстве разума и а priori заключают в себе основу всех чувственно-безусловных практических предписаний» [2, с. 71].

Кант отрицает тождество мышления и бытия в сфере теоретического познания. Целесообразно действует только практический разум. Рассмотрение природы, исходя из конечных

причин, фиксирует за пределами природы сверхчувственное царство целей, сферу нравственности. По аналогии выносятся суждения об объективной целесообразности в природе. Телеологическая рефлексия является способом осмысления целесообразности в природе, подобно тому, как моральная рефлексия способствует постановке целей в сфере свободной причинности. Человек, как носитель нравственности, осуществляет свободу в природе. Деятельность человека как субъекта свободы указывает, что свобода является причиной его действий.

Согласно Э.Ю. Соловьеву, Кант трактует личность как социальный абсолюте. Личность, по его мнению, является единственной абсолютной самоцелью, которая заключает в себе условия всех относительных целей и в противоположность которой все остальные явления суть вещи, а не личности [9]. С этой точки зрения история представляет собой результат деятельности человека, его разума и воображения (свободы), подчинения долгу (морали), а историческая целесообразность является осуществлением человеческой свободы. В истории снимается дуализм природы и свободы, причинности и телеологии, но при том обязательном условии, что целью исторического процесса является человек — и как родовое существо, т.е. как индивидуальное воплощение человечества, и как обладающий автономией индивид, как личность.

Кантовская концепция исторической целесообразности заключала в себе предостережение против губительного воздействия на историю попыток противопоставить человечество (общество, социум) отдельному индивиду, сделать индивида материалом осуществления великих целей. Дело в том, что рационалистическая телеология, независимо от того, на какие основания она опирается — вечные принципы метафизики, теорию разумного эгоизма, идею всеобщего блага или волю народа, приводит к абстрактным конструкциям. Отвлеченный характер этих конструкций в ходе их практического осуществления оборачивается взрывным распространением зла в мире — жуткая ирония истории, которую открыл Кант и которую иногда истолковывают как проявление подспудного пессимизма кантовской философской антропологии и философии истории. «Основание злого, — писал Кант в “Религии в пределах только разума”, — находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через влечение, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т.е. в некоторой максиме» [7, с. 272]. Мы позволим себе завершить подведение итогов кантовских размышлений об истории выдержкой из работы одного из крупнейших отечественных кантоведов: «Резюме кантовской философии истории могло бы, соответственно, выглядеть так: люди должны извлечь урок из своего прошлого, которое переполнено тщетными попытками достичь гармонии и совершенства. Урок не может состоять ни в отказе от идеального целеустремления, ни в учете и “исправлении ошибок” в расхожем смысле данного выражения. Дело не в дефектах человеческой рассудительности и смекалки... Дело в том, что человек не может осуществлять заданного природой целеустремления, если в горьком опыте истории не меняется сам, не претерпевает нравственных преобразований, затрагивающих его основные представления о сущем и должном. Исторические проблемы таковы, что их нельзя решить утилитарно-прагматически, не реформируя самого образа мысли, носителю которого они предъявляются» [3, с. 438–439].

Кантовское решение проблемы целесообразности в истории в силу различных причин казалось его современникам утопическим, равно как, например, и идея вечного мира. Возможно, что общая духовная атмосфера Просвещения, в которой доминировал откровенный

и принципиальный антиисторизм, отбрасывала соответствующую тень и на восприятие кантовских идей. Во всяком случае, еще при жизни Канта возникло так называемое историческое движение, начиная с работы Гердера «Идеи к философии истории человечества». Это движение видело в историзме панацею против утопизма идей Просвещения, отвлеченности трансцендентального идеализма, вообще — путь к реалистическому, скорее даже прагматическому познанию действительности. Обостренное внимание к вопросам практического воплощения идей составляет «нервный узел» времени на переломе XVIII и XIX столетий, люди которого были обескуражены теми зигзагами воплощения благих целей в истории, которые продемонстрировала французская революция с ее чудовищными оборачиваниями первоначальных лозунгов: свобода, равенство, братство. К числу прожектеров, уповавших на особую роль моральных принципов в истории, прагматики-историцисты отнесли и Канта.

Оставляя в стороне вопрос о справедливости подобной оценки кантовского подхода к пониманию истории и исторической целесообразности, в том числе, отметим, что способом осуществления историзма стал субстанциалистский подход, реализованный Гегелем. Мы обращаемся к диалектическому учению Гегеля об истории и целесообразности в истории постольку, поскольку оно (диалектическое учение) стало доктринальной основой философской традиции, складывавшейся в отечественной философии в течение целого столетия, и сохранило свое воздействие на теоретико-методологические представления об истории вплоть до последнего времени. Поэтому наш анализ гегелевской концепции целесообразности в истории имеет не историко-философское, а вполне актуальное социально-философское значение. Реконструкция гегелевской концепции позволяет выделить основные представления и принципы, образующие структуру исторической картины мира, находящейся в массовом обороте и сегодня.

Преодоление кантовского априоризма Гегель начинает с ревизии оснований его метода. Содержание понятия как системы, соединяющей в некоем отвлеченном пространстве возможного мышление и субстанцию (вещь саму по себе), интерпретируется Гегелем как объективный, независимый от сознания онтологический процесс. По Гегелю, «абсолютная субъективность» — это инобытие понятия. Для него, в

отличие от Канта, органическая цель природы тождественна имманентной цели развивающегося разума. Изложение и развитие этого гегелевского положения мы находим у Н.Н. Трубникова: «Целевая деятельность и теоретически не может быть чем-либо иным, чем действием закономерностей самой природы. И тогда причинность “по целям”, “причинность из свободы” не только не опровергает причинности “из необходимости” но предполагает ее, оказывается возможной лишь при ее непременном условии» [10, с. 32]. Снятие кантовской оппозиции природы и свободы, подчинение и того, и другого более высокому (общему) принципу ведет к исключению этического аспекта целесообразности посредством объективации целесообразности как «в-себе-понятия», фундированного развитием [5].

Этот более высокий (всеобщий) принцип, снимающий в себе оппозицию природы и свободы, есть логическое, онтологически представленное в виде субъект-субстанции, т.е. субстанции, получившей способность (в отличие от Спинозовской «*causa sui*») к самоизменению и саморазвитию. В контексте так понятого логического истолковывается понятие целесообразности. Теперь оно предопределяет жизнедеятельность, ее самосохранение и самовоспроизведение, в результате чего живое является тем, что «себя сохраняет» и «в себя возвращается». Сущность «немеханических» отношений (в том числе этики и морали) может быть раскрыта лишь через объективацию целесообразности. В соответствии с этим история понимается как диалектическое развитие человечества, осуществляемое посредством целесообразной деятельности. Данный тезис широко представлен в работах советских марксистов 60–80-х гг. XX в. (Э.В. Ильенков, Н.Н. Трубников, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман, И.С. Нарский, М.Ф. Овсянников и др.).

Действительным носителем (конструктором) истории у Гегеля оказывается логико-генетический принцип, лежащий в основе диалектического перехода от механического к химическому и далее к телеологическому. Этот переход образует имманентное содержание абсолютной идеи и структурный план (матрицу) развертывания исторического процесса как целого. В гегелевской концепции телеологическое фиксируется в той мере, в какой целесообразность трансформируется в схему мышления, реализуемого в процессе деятельности человека в окружающей действительности — в истории

[1]. Диалектическую функцию среднего термина между целью как субъективным образом и предметом, который (средний термин) является не просто соединением между крайними терминами, но выражает необходимую связь всеобщего (абсолютной идеи) с единичным (деятельность человека), выполняет категория «средство» — логический коррелят техники. В данном отношении техника («средство») выполняет задачу сочленения субъективного и объективного элементов, играет роль опосредствующего звена между субъективной и «выполненной» целью. Гегель утверждает, что весь этот средний член, стало быть, сам есть целокупность умозаключения, в котором абстрактная деятельность и внешнее средство составляют крайние члены, а определенность объекта целью, в силу которой он средство, — их средний член. Всеобщность есть соотношение целенаправленной деятельности и средства. Средство есть объект, есть в себе целокупность понятия; оно не в силах сопротивляться цели, в отличие от того, как оно сопротивляется любому другому непосредственному объекту. При этом средство всецело проницаемо для цели (которая есть положенное понятие) и восприимчиво к тому, что ему здесь передается, так как в себе оно тождественно с целью [2, с. 198–199].

Средство деятельности (техника), будучи предметом внешнего мира, оказывается «мостом», по которому всеобщее в форме цели перемещается из сферы мышления в сферу природы. Такое перевоплощение идеального в предметное всегда частично и неполно, что фиксируется термином «отчуждение» с присутствующими ему негативными коннотациями, но вместе с тем целесообразность, став объективным планом человеческой деятельности, проявляется на стороне человека как свобода — важнейший признак истории как пространства и времени осуществления понятия, в котором цель (человеческая субъективность) достигает всеобщности. Гегель подчеркивает эту особую функцию техники (средства) в придании бытию человека (общества) исторического характера следующим положением: «...таким образом, механическая или химическая техника, будучи по своему характеру определенной извне, сама собой предлагает себя отношению цели» [2, с. 192]. Иными словами, решение проблемы исторической целесообразности непосредственно связано с вопросом о роли техники в осуществлении человеческой деятельности.

В данном контексте представляют интерес размышления Н.Н. Трубникова об общей структуре логического и реального целеполагания. Несмотря на то что Гегель не отчленяет логическое определение (суждения или деятельности) от их реального определения, телеологическое отношение (связь цели, средства и «выполненной цели») представляет собой «заключение действия», т.е. не формальное, а содержательное заключение. Согласно Трубникову, телеологическое отношение принципиально регулятивно. Оно не предопределяет предметного содержания результата, но только обуславливает выявление вовне той объективности, которая заключена в объекте деятельности или рефлексии (суждения). Во-первых, категория «средство» является опосредованным единством «абстрактного средства» как способности служить цели и объективного содержания (его предметной формы). Во-вторых, характерный логический регресс взаимоопределения средства и цели, по Гегелю, оказывается логически всеобщим аналогом реального процесса их определения, логически всеобщим аналогом исторического развития [10].

В качестве промежуточного итога мы приходим к следующим выводам. Во-первых, исследуя акт целеполагания, содержащего «умозаключение» от субъективной цели к «выполненной цели» (результату деятельности), Гегель показал, что цель находит свое полное определение не в голове субъекта, а через многократное соотнесение со средством, каковое (соотнесение) и представляет собой поступательно развертывающуюся и циклически воспроизводящуюся деятельность по достижению намеченного результата. Средство (техника) определяет способ, каким происходит «снятие» противоположности между идеальным характером цели и реальностью бытия и соединение идеального и реального в новом содержании, преодоление противоречия и разрыва между ними. Этим способом является становление, и оно (становление) является онтологическим «корнем» человеческой свободы. Во-вторых, решение вопроса о месте и роли морали в объективации целесообразности, по Гегелю, предпринято предыдущим тезисом. Возникновение нравственности совпадает с генезисом общества. В процессе совокупной человеческой деятельности с помощью средств (промышленной и социальной техники) мораль получает объективную, действительную всеобщность и необходимость, социально-практическое осуществ-

ление. Вследствие этого понятие нравственности выражает единство субъективной воли и деятельности, сознания и действительности. Специфика нравственности, по Гегелю, заключается в ее тождественности праву, корпоративным и организационным нормам [4]. Мораль тем самым устанавливает ряд принципов, следование которым поддерживает социально-психологическую атмосферу взаимного доверия, открытости и признанности, необходимую для достижения коллективных и индивидуальных целей.

По сути, история рассматривается как состояние человеческого бытия, в рамках которого сопрягается субъективная сторона целесообразности с ее объективно-закономерным содержанием. Это сопряжение субъективного и объективного в целесообразной деятельности, «снятие» их внеположенности и качественного различия, во-первых, представляет элементарную, массовидную форму истории, во-вторых, является процессом, осуществляющимся во времени, а в-третьих, развертывается по следующим ступеням: а) отношение необходимости, б) объективность, в) снятие различия между циклическим и линейным в историческом процессе посредством категории «средство».

Ведущая характеристика исторического процесса, по Гегелю, — единство исторического процесса и многообразия его форм, обусловленное доминированием логического. На первой ступени логическое проявляется как отношение необходимости. Взятая как отношение, необходимость выступает не в виде явления природы, внеположенного человеку (сознанию), а как ступень становления целесообразности, т.е. нечто, непосредственно связанное со знанием, открытое в сторону человека, познания и деятельности. Связанная со знанием, открытая в сторону познания и деятельности необходимость содержит в себе свою противоположность — свободу. Вот как рассматривает Гегель этот вопрос в «Науке логики»: телеологическое отношение выступает как самоопределяющееся. Это отношение должно быть понято с учетом понятия необходимости. Необходимость приобретает диалектически подвижный характер, когда «свобода должна стать необходимостью, необходимость — свободой» [1, с. 32]. Согласно В.Ф. Асмусу, «у Гегеля идея их сосуществования переходит в идею генезиса. Свобода становится в развитии мира. Мир есть история духа, и в этой истории свободе предстоит одержать победу над необходимостью».

стью. Свобода и необходимость — не стороны действительности, но скорее ступени ее развития». Другими словами, «полярность противоположности свободы и необходимости снимается» [1, с. 32].

Здесь перед нами иная конструкция целесообразности, по сравнению с кантовской. У Канта дуализм мира природы и мира свободы преодолевается в особом онтологическом «месте» — это человек, наделенный автономией и свободно осуществляющий свою цель. Его свобода и его деятельность — не видимость и не игра, а главный фактор истории. История, ее конкретный ход, ее результаты на том или ином отрезке времени не есть что-то предрешенное, ей не предшествует заранее заданная канва, которой люди по мере своих сил и способностей пытаются следовать. Историческая целесообразность есть совместный продукт человеческой разумности и нравственно обусловленной способности к практическому воплощению целей. Человек, обладая реальной свободой выбора, несет моральную ответственность за содержание своих целей и за результаты своей деятельности. В этом смысле моральность человека становится важным аспектом исторического процесса наряду с его объективными (природными и социальными) условиями. «Целеполагание заслуживает своего названия лишь в том случае, если оно автономно, автономным же оно может считаться только тогда, когда базируется на основных определениях должностования (безусловных запретах, нормах, ценностях). Целеполагание — это должное, обращенной на сущее и в нем ищущее своей реализации» [8, с. 108]. У Гегеля ход истории предрешен, поскольку идея представляет ее внутренний план, а люди по большому счету являются марионетками, за спиной которых на

сцене истории действует мировой дух. Человек же, отягощенный природностью, остается в плену многочисленных случайностей, зависит от их игры, обречен на неудачу и оказывается носителем онтологической вины. Осознание этой вины, по Гегелю, дает человеку свободу, содержание которой — вера, что он не претерпевает несправедливости, что он сам кузнец своего несчастья. И тогда историческая целесообразность представляет собой процесс (и результат) осуществления внутреннего плана — идеи. В этом процессе человеку отведена роль наряду с действием условий (природных и социальных) и соответствующих средств (техники).

Список литературы

1. *Асмус А.Ф.* Диалектика необходимости и свободы в философии Гегеля // *Философские науки.* 1970. № 5.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т.3.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
4. *Дробницкий О.Г.* «Мораль» и «нравственность» как формы общественной воли у Гегеля // *Дробницкий О.Г.* Моральная философия. М.: Гардарики, 2002.
5. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.
6. *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Лекции по этике. М.: Республика, 2000. С.283–403.
7. *Кант И.* Религия в пределах только разума. СПб.: Ювента, 1996.
8. *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Мысль, 1980.
9. *Соловьев Э.Ю.* И. Кант: взаимодействие морали и права. М.: Наука, 1992.
10. *Трубников Н.Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1967.

THE PROBLEM OF HISTORICAL ADVISABILITY IN THE GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

Julia G. Poletaeva

Ural State Academy of Agricultural; 42, Karl Libknecht str., Ekaterinburg, 620075, Russia

Expands the problem of historical advisability. Expands the structure and content of the substance. Kant investigating the problem of historical advisability across teleology. History — result of a activities of the human mind, historical advisability is carrying out freedom. In the substance model of historical advisability, history expands as the existence. The substance model of historical advisability researching of Hegel. Subjective point of advisability attending with him objective content.

Key words: history; historical advisability; substancial method; teleology; freedom.

УДК 141.32+171

HANNAH ARENDT: PHENOMENOLOGY OF THINKING AND THOUGHTLESSNESS*

V.M. Pashkova

Hannah Arendt bases her account of thinking on the phenomenological claim that genuine thinking arises out of the actuality of the existential experiences and should preserve a vital connection with «the world of appearances», with the «plurality» of human beings which is, in her opinion, one of the fundamental human conditions. Arendt's phenomenology of thinking is impossible to conceive without her phenomenology of thoughtlessness — her reflections on the inner connection between thoughtlessness and the phenomenon of evil.

Key words: philosophy of Hanna Arendt; human being; phenomenology of thinking; phenomenology of thoughtlessness; evil.

Writings of Hannah Arendt are so richly unexpected that they often resist our natural tendency to classify them as part of a larger tradition or tendency of thought. In her 1964 letter to Gershom Scholem, Arendt remarked, however, that «If I can be said to “have come from anywhere”, it is from the tradition of German philosophy» [2], where «German philosophy» means not only Kant and Hegel but also the tradition of phenomenology associated with Husserl, Heidegger and Jaspers. Hinchman and Hinchman persuasively argue that, in *The Human Condition*, Arendt develops the *phenomenology* of human activities — labour, work and action — since she treats them not as «empirical generalizations of what people do» but as «articulations of Being» [9, p. 197] which, I would add, are, in fact, Heideggerian «existentials». In this paper, I would argue that in her essays and especially in her uncompleted and posthumously published manuscript *The Life of the Mind*, Arendt provides for the phenomenological account of the activity of thinking.

Arendt describes thinking in untraditional, anti-metaphysical terms, treating it as a human ex-

perience, a meaning constituting activity. She starts her thinking about thinking by distinguishing it from knowing. In the tension between these two activities thinking appears to be «a quest for meaning», endless, open-ended and self-destructive process which is comparable only with the life activity itself [5, p. 123]. Knowing, on the contrary, is inspired by the quest for scientific, tangible knowledge or metaphysical truth.

According to Arendt and in contrast to the metaphysical tradition, «the quest for knowledge» has little to do with the genuine thinking since it makes the activity of thinking a mere instrument for the construction of either a larger scientific, technological order or a solid metaphysical system which, however, is always doomed to «metaphysical fallacies» [5, p. 12, 15].

What is then the essence of thinking as Arendt sees it? If there is a way to answer this question, I would suggest starting with remarks of Arendt on the Husserl's *epoche*. She argues that it is not «a special method to be taught and learned», as Husserl puts it himself, but the most characteristic attitude of any thinking [5, p. 53]. Husserl's «phe-

---

* Статья представлена в качестве материала на XV Международную научно-практическую конференцию студентов, аспирантов и молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, психологии, социологии и политологии» (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 29–30 ноября 2012 года).

nomenological» *epoche* can be defined as a procedure of suspending our «natural attitude», «bracketing», «excluding the positing of the world» or as the deliberate move «from the factual to the eidetic» without passing judgment on the reality of the world [10, p. 146–147]. What Husserl means under the «phenomenological» *epoche* as a methodological principal captures the essence of any activity of thinking as understood by Arendt. Indeed, she argues that thinking «de-senses» the phenomena as they are immediately and «objectively» given to our sense experiences so that the mind can handle them. As a result, thinking produces «distillations» or «invisible essences», by «suspending», similar to Husserl's *epoche*, «the feeling of realness» of the world [5, p. 53, 77].

The outcome of this process of «de-sensing» is twofold. On the one hand, thinking «prepares the mind for willing and judging», supplying them with the raw materials [5, p. 77, 199]. At the same time, «de-sensing» performed by thinking is accompanied by the withdrawal from «the world of appearances» [5, p. 75]. This, in the opinion of Arendt, makes thinking dangerous. For in the metaphysical tradition this element of withdrawal of the «thinking ego» inherent in the activity of thinking was pushed to extremes. Arendt often reminds us that as early as in Plato's Cave the philosopher has to leave the realm of human affairs in order to «think», that is, to contemplate the «higher» essences in the otherworldly, suprasensory realm. In contrast to this «two-world theory», presenting thinking as the «alienation» from the realm of human affairs, Arendt attempts to preserve a salutary connection the activity of thinking — and more broadly the life of the mind — has with what she calls «the world of appearances».

In order to comprehend what Arendt precisely means when in her phenomenology of thinking she refers to «the world of appearances», I would refer to her debt to Heidegger. It is well known that Arendt shares with Heidegger an interest in ancient ontology as it is understood by pre-Socratic Greeks. This ontology is deemed to provide a clue to «raw» human experiences often left outside the Western tradition of thought. In this context, I would quote from Heidegger where he talks about the central element of the ancient ontology — «standing-there», «standing-in-the-light» [8, p. 107(77)]. «To glorify, to attribute regard to, and disclose regard means in Greek: to place in the

light and thus endow with permanence, Being. For the Greeks glory was not something additional which one might or might not obtain; it was the mode of the highest being» [8, p. 108(78)]. Hence in order for something or someone to fully and authentically *be*, it or s/he should *come to the light* or *appear* in its full glory. «Being means appearing <...> Being essentially unfolds *as* appearing», Heidegger claims [8, p. 107(77)].

Arendt agrees with this thesis: as she states in *The Life of the Mind*, «Being and Appearing coincide» [5, p. 19]. This coincidence is characteristic of both the «physical» world and more specifically — of the realm of human affairs. In the physical, «natural» world, all non-human creatures which are «endowed with sensory capacities of varying kinds» have to «self-display» in order to individuate themselves, to appear and hence to be [5, p. 29]. For human beings, Arendt argues, «appearing» acquires the political dimension: to fully and authentically *be*, they need not simply to *appear* but to *appear* among «men in plural», that is, to act and speak politically in the public realm [4, p. 4, 198–199]. Without this «appearing» the human world ceases to be human.

Arendt's glorification of the appearances makes it clear why her phenomenology of thinking is oriented towards the search for the reconciliation between thinking and the realm of human affairs, between philosophy and politics. As she asserts many times, the genuine thinking «arises out of the actuality of political incidents», «out of living experience and must remain bound to them» [3, p. 14]. If this connection is lost — as, for example, in «the two-world theory», affirming the abyss between the «higher» realm of philosophical thinking and the «lower» realm of human affairs, — then thinking, which may be as intensive as «the sensation of being alive», paradoxically becomes close to the experience of being dead to «the living world» [5, p. 78–79].

Moreover, the loss of the connection of the activity of thinking with «the world of appearances» has important moral implications. In her report on the trial of the Nazi war criminal, «the desk murderer» Eichmann [1], Arendt for the first time puts forth the claim about «the banality of evil» — the claim which she later frames as «the inner connection between the inability to think and the problem of evil» [6, p. 166]. Arendt emphasizes that neither wickedness nor psychological perversion nor stu-

pidity made Eichmann commission outrageous deeds. This was his «banal» inability to think, that is, thoughtfully respond to life events and existential experiences and independently generate meaning which resulted in the unprecedented evil he committed.

However, not only the Nazi criminals but all of us are vulnerable to thoughtlessness. As Arendt emphasizes, since the beginning of the twentieth century there has been the general «growth of meaninglessness»: we have lost both our traditional tools of understanding and «the very quest for meaning and need for understanding» [7, p. 316–317]. At the same time, Arendt deeply believes that every human being could find the way out of the crisis of thoughtlessness due to the human condition of *natality*. Quoting Augustine from his *Civitas Dei* (Book XII, ch. 20): «That there might be a beginning, man was created before whom nobody was», she argues that «man not only has the capacity of beginning, but is this beginning himself». [7, p. 321] Therefore, every human being possesses enough of «origin within himself» [7, p. 321] to re-new the endless quest for meaning, to start imagining and understanding without preconceived notions, that is, to start thinking again.

Literature

1. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem, A Report on the Banality of Evil. N.Y.: Viking Press, 1965.
2. *Arendt H.* Letter to Gershem Scholem // Young-Bruehl E. Hannah Arendt: For Love of the World. New Haven: Yale University Press, 1982.
3. *Arendt H.* Preface: The Gap between Past and Future // Arendt H. *Between Past and Future: eight exercises in political thought*. L.: Penguin Books, 2006.
4. *Arendt H.* *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
5. *Arendt H.* *The Life of the Mind: Thinking*. N.Y.: A Harvest Book, 1978. Vol.1.
6. *Arendt H.* *Thinking and moral considerations* // Arendt H. *Responsibility and Judgement*. N.Y.: Schocken Books, 2003.
7. *Arendt H.* *Understanding and Politics* // H. Arendt. *Essays in understanding. 1930–1954*. NY: Schocken Books, 1994.
8. *Heidegger M.* *Introduction to Metaphysics*. L.: Yale University Press, 2000.
9. *Hichmann S., Hichmann L.* In Heidegger's Shadow: Hannah Arendt's Phenomenological Humanism // *The Review of Politics*. 1984. Vol.46, №2. P.183–211.
10. *Moran D.* *Introduction to Phenomenology*. L.–N.Y.: Routledge, 2000.

ХАННА АРЕНДТ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ И «НЕДОМЫСЛИЯ» *Валерия Михайловна Пащикова*

Научно-Исследовательский Институт Культуры и Общества; Австралия, Сидней, а/я 1797

Ханна Арентд основывает свои рассуждения о мышлении (*thinking*) на феноменологическом посыле, что подлинное мышление возникает из действительности экзистенциального опыта и должно сохранять непосредственную связь с «миром явлений», с «множественностью» людей, которое, по ее мнению, является одним из основных условий бытия человека. Феноменологию мышления, которую предлагает Арентд, необходимо рассматривать в контексте ее размышлений о внутренней связи между «недомыслием», отсутствием подлинного мышления (*thoughtlessness*) и феноменом зла.

Ключевые слова: философия Анны Арентд; человеческое бытие; феноменология мышления; феноменология недомыслия; зло.

УДК 101.3

СПОСОБЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ*

В.О. Богданова, С.В. Борисов

Формирование личности, способной к самообучению, возможно только с помощью активных форм обучения, различного рода тренингов, что выражается нами в понятии «конструктивистский подход» в образовании. Тренинги формируют умение учиться, определенный тип поведения и мышления «на результат» в его практическом приложении к будущему. Нами показаны способы проектирования и применения технологии тренингов в преподавании философии.

Ключевые слова: конструктивизм; преподавание философии.

Система образования современного общества и мы, ее представители, во многом являемся «заложниками» индустриальной эпохи. Все выстроено по жестко иерархической вертикальной схеме управления и подчинения. Поэтому между «знанием о профессии» и «самой профессией» находится посредник — преподаватель. Считается, что преподаватель обладает этим «знанием о профессии» и вправе проповедовать его. Оно же в готовом виде должно быть усвоено «массой» студентов. Однако насколько эффективна эта «фабрика специалистов» в современных условиях? Зачем воспроизводить прошлые знания, прошлый опыт и посредством этого постоянно реанимировать «человека прошлого»? Будет ли он готов воспользоваться этими знаниями в новых, заранее не регламентированных условиях? Увеличением числа новых дисциплин, продуцирующих «вал» новых знаний, проблемы современного образования решены не будут. Однако если человек будет готов их осваивать в ходе последующей профессиональной деятельности, то он «здесь и сейчас» имеет шанс получить образование будущего, а не образование вчерашнего дня. Ос-

воение новых специальностей по ходу «жизни в профессии» не вызывает трудностей, сейчас для этого есть все необходимые условия, было бы желание учиться и, самое главное, умение учиться.

Необходимо готовиться к будущему, но это будущее неопределимо. Следовательно, нужно готовиться к динамичным изменениям как «внутреннего» плана (типа личности), так и «внешнего» плана (жизненных обстоятельств), которые произойдут в будущем. Речь идет о механизмах самоорганизации, саморегуляции, самообразования, посредством которых индивид будет подготовлен к любым изменяющимся условиям культурной среды. С точки зрения конструктивистского подхода образование — это во многом процесс адаптации, оно выражается в нахождении эффективных решений жизненно важных задач. Таким образом, главной отличительной чертой конструктивистского подхода в образовании является то, что субъект — это источник активности, а познавательный процесс — это процесс конструирования реальности «для-субъекта», синтез его мысли и деятельности, уникальный жизненный опыт.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проекта № 2011-1.3.2-303-013-018 «Конструктивистские модели философствования: гносеологический анализ» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Богданова Вероника Олеговна — аспирант кафедры философии; Челябинский государственный педагогический университет, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69; verovictory@mail.ru.

Борисов Сергей Валентинович — доктор философских наук, профессор кафедры философии; Челябинский государственный педагогический университет; 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69; borisovsv69@mail.ru.

Познавательная активность субъекта способствует его открытости миру, практико-ориентированной направленности его знаний и опыта.

Знания, полученные в готовом виде, не образуются, поскольку их нужно еще интегрировать с жизненным опытом субъекта. Эта интеграция возможна только посредством активных форм обучения, различного рода тренингов. Эти тренинги, в известной мере, дают новую жизнь древнегреческим диалогам (сократовским беседам), ставившим своей целью подведение их участников к состоянию готовности изменить свою позицию в зависимости от раскрывающихся в ходе диалога ракурсов исследуемой проблемы. Сократовские диалоги дают возможность привести обучающегося через серию вопросов к собственному знанию.

Если раньше приобщение студента к философской культуре осуществлялось в строго очерченных рамках материалистического монизма, что значительно упрощало и облегчало освоение данного пространства, то современная философская культура плюралистична по духу, и ей, возможно, не хватает четкой и строгой философской методологии, что ставит современного студента в весьма затруднительную ситуацию. В связи с этим нами определяются следующие главные *методологические установки* курса философии:

- философскую культуру личности неверно определять исходя лишь из внешних признаков философской образованности, информированности в данной предметной области; предпосылкой философской культуры личности является потребность в философствовании;
- мобилизовать философскую культуру личности может проблемное обучение, обучение, ориентированное на диалог, когда студент в полной мере сможет проявить критические, рефлексивные и коммуникативные навыки;
- мобилизацию философской культуры личности позволяет в полной мере осуществить работа по анализу личного жизненного опыта; механизм «доказательного оправдания» тех или иных философских понятий осуществляется путем воспроизведения наиболее типичной, контекстной доказательству жизненной ситуации;

- проникновение в философскую проблематику начинается с «удивления»; приглашением к философскому диалогу является изучение классических философских текстов;
- общая структура используемого нами проблемного метода такова: от поиска проблемы — к четкой ее формулировке; от определения границ опыта и познания — к анализу собственных критических, рефлексивных и коммуникативных возможностей.

С учетом этих установок нами разработан цикл учебно-методических комплексов по курсу «Философия», содержащих учебные материалы для аудиторной и самостоятельной работы для десяти направлений подготовки бакалавров. Курс разделен на шесть разделов, каждый из которых дает целостное представление об определенной тематической области философии. Проиллюстрируем содержательные и организационные особенности построения нашего учебного курса на примере направления подготовки 050100 — педагогическое образование, все профили, степень — бакалавр.

Каждый раздел содержит следующие тренинги: работа по усвоению терминологического минимума и персоналий (1-й уровень — знание); упражнения и задания для самопроверки теоретического материала (2-й уровень — знание + понимание); семинарские занятия (3-й уровень — знание + понимание + применение); философский форум (4-й уровень — знание + понимание + применение + анализ); философские эссе (5-й уровень — знание + понимание + применение + анализ + синтез); контрольная работа (6-й уровень — знание + понимание + применение + анализ + синтез + оценивание).

Конструктивистский подход к обучению философии предполагает новую роль преподавателя. Являясь организатором образовательного процесса, он управляет не мыслями и деятельностью учащихся, а создает благоприятную среду для активизации этой мыследеятельности. Он создает благоприятные условия для раскрытия индивидуальных способностей каждого учащегося, помогая личности «встать на ноги» и обрести собственный опыт мысли и деятельности, не передавая при этом знания, модели, алгоритмы и способы решения проблем в готовом виде и не направляя этот про-

цесс по «единственно верному», т.е. привычному для него пути, а помогая учащемуся двигаться своим путем, помогая ему почувствовать уверенность в себе, поверить в свою успешность, быть свободным в своих поступках и ответственным за свои решения. В результате познающий субъект конструирует мир собственного опыта. Поэтому, следуя логике конструктивизма, аудиторные занятия нашего курса, хотя и сохранили традиционные названия «лекции» и «семинары», тем не менее существенно отличаются от традиционных по форме прове-

дения. Они представляют собой организованную преподавателем групповую или индивидуальную как диалоговую, так и самостоятельную работу студентов. На «лекции» эта работа содержательно определяется пояснениями преподавателя (преподавательский «монолог» занимает не более 30% от времени занятия), презентацией или текстом учебного пособия, а на «семинаре» — текстом того или иного философского произведения, предусмотренного по плану изучения.

Таблица 1. Соответствие целей освоения дисциплины и формируемых компетенций

Компетенции выпускника	Цели (результаты освоения) дисциплины	Разделы (модули) дисциплины					
		1	2	3	4	5	6
Владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1)	Знать:						
	основные философские категории и проблемы:						
	бытия		+				
	познания			+			
	человека				+		
	ценностей					+	
	общества						+
	основные понятия и категории философии в их взаимосвязи с реальными культурно-историческими процессами развития общества	+	+	+	+	+	+
	роль философии в жизни человека и общества	+					
	структуру философского знания	+					
	основы картин мира:						
	философской	+	+	+	+	+	+
научной		+	+				
религиозной		+			+		
Способен анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы (ОК-2)	Уметь:						
	самостоятельно осмысливать окружающую действительность в процессе ее социально-исторического развития					+	+
	анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы	+			+		+
Способен логически верно использовать устную и письменную речь (ОК-6)	осуществлять философский самоанализ своих знаний, умений, образа жизни и деятельности	+	+	+	+	+	+
	использовать различные формы и виды устной и письменной коммуникации на родном языке в учебной деятельности	+	+	+	+	+	+
	Владеть:						
	основными процедурами мышления	+	+	+	+	+	+
Способен использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии и полемики (ОК-16)	философскими методами познания мира	+	+	+	+	+	+
	навыками рефлексии, самооценки, самоконтроля	+	+	+	+	+	+
	различными способами вербальной и невербальной коммуникации	+	+	+	+	+	+

Обучение начинается с материала первого раздела и далее по порядку.

Подготовка к изучению курса философии включает в себя ознакомление студентов с методикой преподавания, программой, планом работы на «лекциях» и «семинарах» и выбор основного учебного пособия. В качестве такого пособия используется учебное пособие С.В. Борисова [1]. Уникальность этого учебного пособия в том, что оно, во-первых, действительно учит философствованию; выполненное в форме полилога, оно позволяет изучать философию «изнутри» (коммуникативно), а не «извне» (информативно), что способствует лучшему пониманию предмета философии, приобре-

тению навыков философствования и, как следствие этого, более глубокому проникновению в суть философской проблематики; во-вторых, содержит необходимый справочный материал, располагающийся по ходу текста в виде маргиналий, а также схемы и рисунки; в-третьих, оно прошло независимую экспертизу и признано победителем Конкурса учебных пособий по философии 2009 г., организованного Институтом философии РАН; в-четвертых, имеет гриф «Рекомендовано Научно-методическим советом по философии Минобрнауки РФ в качестве учебного пособия по дисциплине “Философия” для всех специальностей и направлений подготовки».

Таблица 2. Тематическое планирование дисциплины (на примере 1-го раздела)

Наименования раздела, тем курса и тем самостоятельной работы	Формы организации учебного процесса (в часах)				
	Всего	Лекции	Семинары	Самостоятельная работа	
				Инвариантная часть	Вариативная часть
1	2	3	4	5	6
1. Введение в предмет философии					
1.1. Специфика философского мировоззрения		1		1	
1.2. Предпосылки и основания философской рефлексии		1		1	
1.3. Структура философского знания		1		1	
1.4. Основной вопрос философии и его аспекты		1		1	
1.5. Терминологический минимум и персоналии				1	
1.6. Ясперс К. «Введение в философию»			4		
1.7. Философский форум					1
1.8. Философское эссе					1
1.9. Контрольный тест				1	
Всего по 1-му разделу	16	4	4	8	

Для эффективной работы на «лекции» студенту необходимо следующее: умение слушать рефлексивно, задавать вопросы, организовывать свою самостоятельную работу в соответствии с планом занятий и индивидуальным планом освоения курса. Изучая теоретический материал раздела совместно с преподавателем и другими учащимися, студент должен самостоятельно проверять степень его усвоения, выполняя предложенные преподавателем упражнения для самопроверки. На этом этапе обучения студенту необходимо также выполнить задания на

знание терминологического минимума и персоналий, чтобы лучше подготовиться к контрольной работе.

Подготовка к «семинарам» включает в себя следующее: чтение философского произведения, предусмотренного по плану «семинара»; подготовку уточняющих вопросов, кратких выступлений в соответствии с планом «семинара». На «семинарах» предусматриваются выступления студентов с ответами на вопросы плана и их обсуждением.

В качестве самостоятельных вариативных форм работы для углубленного изучения предмета предполагается участие в дискуссионном философском форуме и написание философского эссе. Участие в философском форуме предполагает предоставление студентом кратких письменных ответов на поставленные про-

блемные вопросы. Философское эссе представляет собой краткое сочинение. Предметом размышления является то или иное высказывание философа. Студенту нужно написать эссе по одному-двум высказываниям из каждого раздела.

Таблица 3. Требования к экзамену

Критерии оценивания	Результаты освоения дисциплины	Итоговая оценка			
		неуд.	удовл.	хор.	отл.
Владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1)	Знать:				
	основные философские категории и проблемы:				
	бытия				+
	познания				+
	человека				+
	ценностей				+
	общества				+
	основные понятия и категории философии в их взаимосвязи с реальными культурно-историческими процессами развития общества			+	+
	роль философии в жизни человека и общества		+	+	+
	структуру философского знания			+	+
	основы картин мира:				
	философской			+	+
научной			+	+	
религиозной			+	+	
Способен анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы (ОК-2)	Уметь:				
	самостоятельно осмысливать окружающую действительность в процессе ее социально-исторического развития		+	+	+
	анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы		+	+	+
Способен логически верно использовать устную и письменную речь (ОК-6)	осуществлять философский самоанализ своих знаний, умений, образа жизни и деятельности		+	+	+
	использовать различные формы и виды устной и письменной коммуникации на родном языке в учебной деятельности		+	+	+
	Владеть:				
	основными процедурами мышления		+	+	+
Способен использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии и полемики (ОК-16)	философскими методами познания мира			+	+
	навыками рефлексии, самооценки, самоконтроля		+	+	+
	различными способами вербальной и невербальной коммуникации		+	+	+

Последним этапом инвариантной части самостоятельной работы с разделом является контрольная работа. Если количество правильных ответов более 60%, можно считать материал усвоенным и студент может перейти к изуче-

нию следующего раздела. Если же правильных ответов менее 60%, изучение данного раздела необходимо повторить.

Процедура зачета или экзамена представляет собой индивидуальное собеседование пре-

подавателя и студента по поводу суммарного рейтинга его работы и в соответствии с самооценкой этой работы самим студентом.

Поскольку современность не может гарантировать учащимся в их будущем стабильной основы их профессиональной деятельности, современное образование не может более плодотворно и иллюзии и формировать пустые и опасные амбиции, однако может ориентировать на изменчивость жизненного процесса и, соответственно, на умение необходимым образом на это реагировать. Цель образования, как и прежде, — подготовить к будущей профессиональной деятельности. Но задачи и средства, предлагаемые к этому, существенно изменились. Прежде стандартной была ситуация, когда человек получал во время учебы профессию и всю жизнь работал в ней. Современные объективные условия свидетельствуют о том, что получение той или иной специальности, как правило, не определяет характер дальнейшей деятельности человека. Сегодня следует исходить из того, что целью образования является не овладение конкретной специальностью, а подготовка человека к будущему активному участию в деятельности разнообразных социальных ин-

ституту. Прежде овладение знанием было самоценным, безотносительно к их непосредственному, утилитарному применению. Теперь знание есть лишь инструмент для его применения, для достижения жизненного успеха. Оно ценно лишь при возможности его непосредственного использования и получения практического результата.

Конструктивистский подход в образовании тем и хорош, что дает не знание как таковое, а формирует определенный тип поведения и связанную с ним типологию мышления «на результат» в его практическом приложении к будущему. Он ориентирован на формирование хорошей привычки к позитивному восприятию действительности, к открытости всем способам деятельности в ней, т.е. на активную жизненную позицию без ориентации на мертвящую любую деятельность предопределенность целей и ограниченность методов и задач.

Список литературы

1. Борисов С.В. Основы философии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010.

MEANS OF DESIGNING AND USING OF CONSTRUCTIVE APPROACH IN PHILOSOPHY TEACHING

Veronica O. Bogdanova, Sergey V. Borisov

Chelyabinsk State Pedagogical University; 69, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia

Formation of the active personality capable to self-training is possible only by means of active forms of education, different trainings which underlie a «constructivist approach» in education. Trainings form ability to study, certain type of behavior and thinking «on result» in its practical appendix to the future. By us ways of designing and application of technology of trainings in philosophy teaching are shown.

Key words: constructivism; philosophy teaching.

УДК 300.312.

ДУАЛИЗМ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Н.С. Катунина

Исследуются специфические уровни духовности человека. Автор полагает, что во внутреннем мире человека можно выделить два уровня духовности: рациональный (сознание) и экзистенциальный (душевная жизнь).

Ключевые слова: духовность; душа; внутренний мир; объект; рациональность; сознание; субъект; уровни; человек; экзистенция.

Традиционно философы выделяют три уровня духовности: личностный, социальный, трансцендентный. Предметом данного исследования выступает внутренний мир человека. Сложность изучения природы духовности личности заключается в том, что в самом субъекте (внутреннем мире человека) возникает деление на субъект и объект. Субъектом познания внутреннего мира выступает сознание человека (рассудок и разум), объектом — сфера бессознательного, в которую включается душевная жизнь. Проблема выделения уровней духовности внутреннего мира человека связана с разграничением сознания и душевной жизни.

Следует сказать, что духовность личности, в соответствии с концепцией сознания в широком смысле, представляется одноуровневой, включает в свое содержание телесно-перцептивные способности, логико-понятийную, эмоциональную и ценностно-смысловую компоненты, явления бессознательного.

В соответствии с этой концепцией чувства и мысли должны возникать одновременно в одном физиологическом органе человека — мозге. Причем допускается, что знание, идеи должны конституировать чувства и личность в целом. Сообразно с этим чувства и мысли человека должны быть психофизиологически качественно однородными, идеальными и тождественными.

Впервые диалектическое различение уровней души и сознания предпринял Гегель [3, с. 126–239]. Душа — своеобразный микрокосм и локализована в телесном образе человека,

проявляется как центр, власть, господствует над миром чувствования. Сознание появляется только в зрелом возрасте человека, как осознание бессознательного и дано нам только в осмысленной форме [3, с. 128–129]. Гегель полагает, что душа проявляется в детстве, отрочестве, а сознание — в зрелом возрасте, разделяя их во времени и в пространстве.

А. Ухтомский отмечал, что сознательная, самоуправляющаяся личность есть редкое и очень труднодостижимое состояние. В человеке господствует дурман страстей. Н.Е. Введенский был прав, когда говорил, что подлинная сознательная, самопонимающая деятельность есть редкое состояние человека — отдельные острова посреди преобладающего «моря стихийного волнующего психофизического ширения» [8, с. 255].

Опыт феноменологического исследования показывает, что существуют «интервалы сознания» — в состояниях аффекта, гипноза, комы, сна. Мышление (рассудок) выключается, становится пассивным и уходит на периферию психологического пространства. Человек в это время эмоционально живет переживаниями чувств. На «разрывы сознания» в период сильного переживания указывает В.Ю. Сухачев: «...феномен у Гуссерля — это данность действительности непосредственного Anschauung, устремленного на что-либо, то есть действительность взгляда Anschauung, содержащая непосредственное знание об этом что-либо и ограниченное горизонтальностью “сознательной жизни”. Однако попытка такого анализа ведет к своего рода эпистемическому сумасшествию:

мы наталкиваемся при анализе *Zebenswelt* на нечто такое, что трудно назвать знанием, а еще трудно назвать, что не столько дано, сколько придано сознанию. Вот именно здесь и начинается неприятный и болезненный процесс: сумасшествие, сход с ума — знание ищут там, где его быть не может, в этих разрывах сознания есть поступок, акция, страсть, ощущение, тело, но ни в коем случае там нет познания, сознания и даже языка» [6, с. 114].

Противоречивость внутренней жизни человека наиболее емко выразил русский философ С. Франк: «В той мере, в какой жить важнее, чем сознать, душевная жизнь есть прежде всего реальная сила, и она лишь производным образом является идеальным носителем сознания. Сознание и жизнь, будучи связанными между собой, в то же время сущностно антагонистичны: чистое сознание есть бездействие, душевная смерть; чистая жизнь, как всемогущая сила есть совершенная слепота сознания» [9, с. 428].

Эти идеи подтверждаются классическими психологическими экспериментами В. Вундта, Вл. Бехтерева с метрономом по определению границ ясного сознания [1, с. 210–214; 2, с. 49–51].

Эксперименты показали, что осознаются чувства, переживаемые с частотой в интервале 0,25–0,5 сек. Остальные чувства протекают бессознательно. Эксперименты Э. Пеппеля свидетельствуют, что из тысячи одновременно ощущений и чувств лишь десять теоретически, а практически семь достигают порога сознания, т.е. частота 990 чувств выше порога восприятия сознания [7, с. 82–89]. Следовательно, человек слышит только то, что произносится с частотой 0,3–0,5 сек. соответственно не видит 25-й кадр. Между переживаемым чувством и его откликом в сознании проходит 3 сек. (см. табл.).

Опыт психологических наблюдений показывает, что люди, обладая знаниями о нравственности, нередко ведут себя безнравственно. Если знания конституируют поведение человека, то лишь частично. Характер взаимосвязи мыслей и чувств можно условно определить как мозаичный, дискретный. Неодновременность существования чувства и его осмысления (отклика в сознании) позволяет выделить душу

как способ организации процесса переживания потока чувств (см. табл.).

Таким образом, во внутреннем мире человека существуют два уровня: сознание, в узком смысле рассудок, разум (функция — мышление, результат — знание) и душевная жизнь. Между тем требует осмысления соотношение рациональности и экзистенциальности, так как рациональность рассматривается в качестве основы духовности человека в концепции сознания в широком смысле, включающем в свое содержание душевное переживание.

Душевная жизнь является содержанием духовности человека и характеризуется экзистенциальностью. Экзистенция — переживание чувств в пограничных состояниях: жизни и смерти, одиночества, свободы, катастроф (экстремальных ситуаций). Экзистенция — ярко переживаемое чувство души, единично и мгновенно, само-бытие-в-мире человека. Чувство — экзистенция, как судьба человека, в точке бифуркации определяет всю дальнейшую жизнь. Исходной клеточкой душевного уровня выступает переживание как живое чувство, «жизненный порыв». Время настоящего длится в течение переживаемого чувства. Определяющее значение настоящего времени жизни чувства — создание будущего как ожидания. Поэтому экзистенциалы: решимость, надежда — направлены на достижение состояния бесстрастия и духовного бессмертия. Примером этому может служить поведение Сократа перед лицом смерти: философ был спокоен, переживал радость встречи с богом [5, с. 7–22].

Время есть форма измерения длительности протекающих процессов. Единицей измерения жизни природы выступает движение тел. Если же измерять длительность событий жизни человека, то масштабом выступает переживаемое чувство. Поэтому экзистенция лежит в основе понимания истории как сферы выбора и ответственности, ожидания и свершения, где человек реализует себя. Из этой «экзистенциальной душевной заброшенности» нельзя вернуться назад или, минуя ее, перенестись в будущее, в отличие от сознания, способного осуществить телепортацию в любой исторический период.

Трансценденция полагает выход экзистенции за свои пределы — контакт с Ничто. М. Хайдеггер определяет Ничто как бытие — присутствие в человеке, данное в переживаемом

мых чувствах души. Если в трансценденции усматривать лишь экзистенцию, направленную на Ничто — смерть или пустоту, то действительно экзистенциализм выступает как философия отрицания, не имеющая содержательного критерия выбора. Только понимание трансценденции как стремления человека обрести себя в Боге дает личности содержательный критерий выбора — чувства веры, любви к Богу и людям.

Выход за пределы себя в трансценденции происходит в рамках внутреннего мира человека. Именно там человек должен найти Бога. Контакт с трансцендентным миром осуществляется в сердце человека — сфере переживания чувства. В данный момент, наряду с сердцем, работает правое полушарие с присущим ему образным мышлением, позволяющим описать контакт с трансцендентным миром с помощью языка символов, знаков, метафор. Объективируя свои знания и чувства в продуктах культуры, человек разрывает цепи одиночества, приобретая духовное бессмертие.

Предстояние человека перед лицом смерти не надо упрощать и доводить до абсурда, трактуя как поиск и стремление к смерти. Речь идет о переживании состояния мгновенности чувств: любви, счастья, радости и хрупкости внутреннего духовного мира. Это состояние напряженности, активности и творческой устремленности к увековечиванию себя в духовных произведениях культуры (искусства, науки и др.). Ощущение хрупкости, мгновенности чувств делает переживания человека глубокими, острыми, подталкивает его к творению добрых дел, покаянию, очищению. Таким образом, в экзистенции и трансценденции доминирует духовная жизнь.

Сознание как уровень духовности человека характеризуется рациональностью; однако сознание необходимо понимать в узком смысле, исключая живое переживание, явления подсознания, сверхсознания как элементы бессознательного. Чувства души отражаются в сознании человека в форме знания, нравственных ценностей. Сознание — идеальная форма отражения, осмысления внутреннего и внешнего мира, индуцированная реальностью форма организации мысленного процесса, акселератор (ускоритель) духовности человека, выступает

субъектом внутреннего мира человека (см. табл.).

Критериям эмпирико-рациональной модели (ЭРМ) удовлетворяет только научное познание. Рациональность сознания в узком смысле шире ЭРМ, так как включает образное мышление, идеалы, ценности.

Представляется интересным выделение видов рационализма: онтологического, гносеологического, этического, теологического. Выделение этического и теологического рационализма позволяет душевную жизнь определить в качестве квазирациональной. Душевная жизнь по своей природе бессознательна, однако есть внутренняя логика возникновения и развития чувств души. Например чувство любви возникает на основе чувств желания, сострадания, заботы и даже, в некоторых случаях, ненависти. Духовный опыт, как показали Платон, Августин, Вл. Соловьев и др., имеет собственный порядок, организацию, уровни, стадии, цели, аксиомы и в этом смысле «рационален». Так, для духовного роста необходимо физическое воздержание, очищение сознания и душевной жизни от негативного.

Расширение «поля рациональности» за пределы классического рационализма происходит на основе «жизненной рациональности», которая позволяет «эмоциональной и экзистенциальной сфере» участвовать в интеллектуальном выборе когнитивных процессов. Можно назвать следующие когнитивные процессы: *репрезентация* — амбивалентный, по природе, феномен одновременного представления — отражения объекта и его замещения — конструирования посредством «образного мышления» (ассоциативно: крик — образ страха — лев), эмоционального понимания душой человека; *конвенция* — обязательное событие коммуникативной по природе, но экстраординарной деятельности в живом творчестве ученого-новатора; *интерпретация* — способ бытия души, которая понимает, переживает столкновение с экзистенциальной реальностью другого в процессе общения. Именно жизненная рациональность экзистенциально-антропологического типа деятельности эмпирического субъекта делает рациональность «открытой» и виртуально углубленной [4, с. 18–20]. Например, «жизненный мир» Э. Гуссерля, как форма первоначальных очевидностей и субъективной донанучной

(допонятийной, довербальной) практики, интерсубъективного опыта; «жизненный порыв» А. Бергсона, как развертывание жизни и основа эволюции всех стадий и форм; «метафизики созерцания жизни» Г. Зиммеля с его «поток жизни» и формами культуры «более-жизнь»; «более-чем-жизнь»; морфология культуры О. Шпенглера, центром изменений которой выступает душа человека; «формы жизни» по Л. Витгенштейну и т.д.

Представляется необходимым конкретизировать жизненную рациональность экзистенциально-антропологического типа. Рациональность — деятельности мышления (рассудка) по законам формальной логики *со-знанием*, а не с чувствами. Мысли представляют собой образ и смысл переживаемых чувств, выраженных с помощью понятий и символов. Мысли идеального отражают чувства, не переживаются разумом, поэтому их жизнь *ир-рациональна*, то есть *бес-сознательна*.

Рациональность — область осознаваемых чувств — переживаемых с частотой, доступной для осмысления. Аффект — состояние душевной жизни, когда интенсивность переживаемых чувств делает невозможным их осмысление — это иррациональное состояние. В «интервалах сознания» есть экзистенция — существование чувства на границе его возникновения и распада, переживание чувства в настоящее мгновение (в интервале 0,003–0,3 сек.) иррационально и бессознательно. Между тем в это мгновение может присутствовать организованность, системность чувств, создавая деятельность души, переживающей эти чувства сердцем и понимающей их посредством «образного мышления» — ассоциативно, метафорически, символически. Поэтому рациональность в сфере душевной жизни мнима — это квазирациональность. Сообразно с этим экзистенциальность в сфере сознания мнима, ибо нет чувств. Идеи, рожденные умом, не умирают в мгновение, как чувство, сохраняются памятью и поэтому относительно вечны.

Все сказанное позволяет сделать вывод — рациональное сознание и нравственная душевная жизнь являются уровнями духовности человека. Рациональность и экзистенциальность — свойства сознания и душевной жизни. Доминантой рациональности выступает разум, мышление. Доминантой экзистенциальности

является душевная жизнь. Рациональность и экзистенциальность — векторы духовности человека — пронизывают уровни сознания и душевной жизни. Квазирациональность характеризует душевную жизнь и духовный опыт. Квазиэкзистенциальность присуща сознанию в пограничных ситуациях: размышления о жизни, смерти, одиночестве, свободе и др. Состояния экзистенциальности возбуждают, интенсифицируют жизнь сознания (инсайт-озарение в момент научного открытия), делают его творческим, свободным, способным на ломку старых парадигм, на открытие новых идей (обоснование гипотез).

На уровне душевной жизни в духовности человека действуют иные критерии рациональности (идеалы, нравственные ценности, нормы), выступающие в качестве цели, аксиом духовной, душевной жизни. Действительно, идеалы и нравственные ценности ограничивают «пространство» духовной, душевной жизни.

Следовательно, состояние рациональности организует хаос сознания. В душевной жизни роль организующего центра выполняет душа человека, а в сознании — разум. В качестве материала для размышления служит таблица. Рациональность духовности человека: гуманистична — нравственна (с позиции добра и зла), эстетична (присутствие прекрасного), ориентирована на социальные и религиозные идеалы. Духовное сознание отражает душевную жизнь и должно соответствовать нравственным чувствам. Рациональность сама по себе нельзя рассматривать в качестве уровня духовности человека. Квазирациональность присуща душевной жизни, а квазиэкзистенциальность — рациональному сознанию. По сути, рациональность выступает в качестве меры и вектора сознания. В своей основе экзистенциальность выступает в качестве меры и вектора душевной жизни. Квазирациональность и квазиэкзистенциальность представляют собой качественно измененную форму рациональности и экзистенциальности. Суть изменения в том, что субъектом рациональности выступает разум, а субъектом квазирациональности — душа. Сообразно с этим субъектом экзистенциальности выступает душа, а субъектом квазиэкзистенциальности — разум. Данное понимание уровней духовности человека и их соотношений с рациональностью и экзистенцией позволяет нетрадиционно рас-

смотреть понятия «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас». Переживание чувств с частотой быстрее 0,25 сек. представляются «вещью-в-себе» — экзистенцией, которую невозможно познать до

конца. «Вещь-для-нас» — переживаемые чувства с частотой 0,25–0,5 сек. — явление, которое можно осознать.

Таблица. Соотношение души и сознания

№	Наименование признака, свойства	Душа	Сознание
1	Понятие	Душа — субстанциальная форма организации процесса переживания внутренних чувств. Мультипликатор (множитель) духовности человека. Идеально-эмоциональная, образно-энергичная, интегративная форма отражения внутреннего и внешнего мира. Субъект и способ интенционального, живого переживания чувств «здесь и сейчас». Субъект и способ конституирования нравственных отношений и смысла жизни человека. Способ регулирования, координации потока чувств, их связей между собой. Центр чувственной власти	Идеальная форма отражения и осмысливания внутреннего и внешнего мира. Субъект мышления. Индуцированная реальностью форма организации мысленного процесса, акселератор (ускоритель) духовности человека
2	Элементы (единицы) содержания	Эмоции, чувства (единство эмоции, образа, нравственного отношения)	Образы, смыслы, понятия, идеи, идеалы
3	Объем понятия	Единичное (индивидуальное)	Всеобщее
4	Формы деятельности	Персональное чувствование, переживание, образное, интуитивное понимание	Обобщение, рациональное мышление, синтетическая способность воображения, интеллектуальная интуиция
5	Место в гносеологическом отношении	Объект	Субъект
6	Краткое определение	Субстанциальная форма организации переживаемых чувств	Рефлексивная, индуцированная форма организации мышления (познания)
7	Характер понятия	Сложное понятие	Сложное понятие
8	Цель	Характер, глубина, целостность (правда) переживаний	Истина (и заблуждение как возможный результат)
9	Структура	1. Единство хронотопа и доминанты чувств 2. Эфферентный и афферентный интегралы и акцептор действия 3. Материальный субстрат сердце, правое полушарие мозга, лимбическая система, периферийная нервная система, кровеносная система	1. Рассудок и разум; самосознание и предметное сознание 2. Рациональное и образное мышление 3. Совокупность образов, смыслов, понятий Ядро: хронотоп и доминанта (смысл эпохи и основная идея мышления (познания)) 4. Материальный субстрат: правое и левое полушарие мозга, периферийная нервная система.
10	Функции	1. Эмоционально-чувственного отражения реальности 2. Интенциональное переживание 3. Конституирование нравственных отношений и смысла жизни 4. Интуитивного мгновенного, образного, эмоционального схватывания смысла событий 5. Способ регулирования потока чувств, эмоций 6. Выбор чувств в сфере эмоциональной памяти, способностей и отбор альтернативных идей	1. Отражение объекта в образах и смыслах, понятиях 2. Созерцания и интеллектуальной интуиции 3. Рационального мышления и синтетической способности воображения 4. Анализ причин душевных болезней, рекомендации по катарсису души и лечению 5. Разработка альтернативных идей и идеалов

11	<i>Пространство</i>	Сердце, правое полушарие мозга, лимбическая система и рецепторы периферии нервной системы, кровеносная система	Оба полушария мозга и рецепторы периферийной нервной системы
12	<i>Время</i>	В интервале от 0,003 сек. до 0,5 сек.	Деятельность мозга в настоящее мгновение предметно связана с пережитыми как минимум 3 сек. назад ощущениям и внутренними чувствами или же с их прогнозированием будущего
13	<i>Направленность во времени</i>	Необратимы (стрела времени: от прошлого через настоящее и будущее)	Обратимы (мыслью можно перенестись в прошлое или в будущее)
14	<i>Период жизни</i>	Мгновение у единичного чувства	Длительность жизни идеи
15	<i>Материальный носитель</i>	Сильные электромагнитные импульсы и слабые сигналы, передающие информацию о чувстве в мозг	Слабые электромагнитные импульсы и сигналы с информацией
16	<i>Механизм функционирования</i>	Эфферентный и афферентный интегралы, акцептор действия, мгновенная реакция	Связь мозга с рецепторами и прием сигналов об ощущениях и чувствах
17	<i>Характер отражения</i>	Прямой и косвенный	Косвенный
18	<i>Отношение к бессознательному</i>	Часть	Противоположность
19	<i>Взаимодействие с сознанием (душой)</i>	Причинно-следственная связь	Отражение чувств и конституирование ценностей и смыслов, идеалов, которые становятся предметом выбора со стороны души (обратная связь)

Список литературы

1. *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности в двух томах. Т.1. Психика и жизнь СПб.: Алетейя, 1999.
2. *Вундт В.* Психология душевных волнений // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С.49–51.
3. *Гегель В.Г.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М.: Мысль, 1997.
4. *Микешина Л.А.* Философия познания. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
5. *Платон Федон.* Собр. соч. в 4-х томах. М.: Мысль. Т.2.
6. *Сухачев В.Ю.* Тематическое и нетематизируемое в анализе Anschauung // Очерки феноменологической философии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С.111–130.
7. *Тернер Ф., Пенпель Э.* Поэзия, мозг, время // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995. С. 74–96.
8. *Ухтомский А.* Заслуженный собеседник. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
9. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.

THE DUALISM MAN'S INNER WORLD

Nadejda S. Katunina

Vladimir State University; 87, Gorky str., Vladimir, 600000, Russia

Specific levels of spiritualisty of the human are researched in the article. Author suggest, that in the inner world of the human 2 spiritual levels can be defined: rational (consciousness) and existential (spiritual life).

Key words: spirituality; the soul; the inner world; an object; rationality; consciousness; subject; level; man; existence.

УДК 316.6

АРХЕОЛОГИЯ КЛИНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО М. ФУКО

И.В. Рязанов

Анализируются сочинения М. Фуко, связанные с проектом истории Безумия. Выделяется процесс становления клинической психиатрии, существенно повлиявший на представления о природе современного человека. Устанавливается специфика методологической практики французского мыслителя, связанная с исследованием маргинальной антропологии.

Ключевые слова: археология; антропология; безумие; дискурс; клиника; психиатрия; мифологема; маргинальное; язык.

*Что знаете вы о том, как сумасшедший
любит разум, как лихорадящий любит лед?
Ф. Ницше*

Медицина XIX в. в археологических сочинениях французского мыслителя М. Фуко рассматривается в качестве следствия эпистемологической реорганизации пространства слов и вещей, поэтому опыт познания безумия в них, как правило, был связан с открытием субъекта. С точки зрения философа, это открытие одновременно медицинское и лингвистическое: «Клинический опыт — это первое в западной истории открытие конкретного индивида на языке рациональности» [4, с. 15]. В силу этого анализ клинического дискурса в творчестве раннего М. Фуко — это в первую очередь анализ института клиники и исследование дискурса как принципа артикуляции в языке. Поскольку медицина как клиническая дисциплина имела рациональную структуру, то ее дискурс во многом был определен клиническим опытом.

В клиническом дискурсе необходимо выделить смысловые пары, позволяющие как проследить становление института клиники, так и провести одновременно анализ самого клинического дискурса. Первая смысловая пара — «Больница–Клиника». Она структурируется у французского мыслителя посредством критики больничных учреждений: «больница как цивилизация является искусственным местом» [4, с. 43]. Такая оценка напрямую связана с институционализацией пространства распределения, т.е. с контролем знания о болезни и приданием

ей социальной формы. Первичный уровень недуга должен быть социальным: например семья — это социальная форма болезни и единство социального и эпистемологического. Подобное совпадение трансформирует медицинское знание в знание политическое. Тем самым генеалогия медицинской мысли археологически будет связана с темой Власти, которая, наряду с Безумием и Сексуальностью, определит все последующее творчество французского мыслителя. В качестве иллюстрации приведем лекционный курс М. Фуко за 1973–1974 учебный год, названный автором «Психиатрическая власть». Именно в нем, по оценке Ж. Лагранжа, будут проанализированы дискурсивные практики психиатрии на уровне их формирования [5, с. 413]. Медицина становится системой знаний о здоровом человеке, т.е. «одновременно об опыте не больного человека и определении идеального человека» [4, с. 88]. Эпистемологическая граница, разделяющая медицину XVIII и XIX вв., с точки зрения французского философа, во многом определяется нормативностью знания о болезни.

Следующая тема, которую мы выделяем, — это критика клиники. Клиника у М. Фуко — это «вид нозологического театра» [4, с. 101]. В медицинской мысли XVIII в. она структурирует пространство болезни таким образом, что больной уже является не субъектом, а транзитным объектом, он пример своей болезни. Клиника — это театральный способ передачи медицинского знания. Ее необходимо рассмат-

ривать как маргинальное явление, поскольку «она образует маргинальную структуру, артикулирующую больничное поле, не имея с ним общей конфигурации» [4, с. 105]. Маргинальный статус клиники в герменевтическом плане есть метод расшифровки и перегруппировки пространства болезни, связанного с языком.

Смысловая пара «Больница–Клиника», таким образом, вычленяет эпистемологический объект, который возникает в пространстве нормы и патологии, а также указывает на биологический и медицинский характер знания о человеке.

Вторая смысловая пара подчинена оптической модели и может быть обозначена как «Клиника–Зрение». Археология клинического взгляда имеет мифологические, феноменологические, онтологические, лингвистические характеристики в общей эволюции медицины XVIII и XIX вв., и каждая из этих составляющих выполняет определенную функцию.

Мифология клинического взгляда посредством традиционной метафоры света и тьмы выполняет хронологическую функцию. В клинике театральным способом передачи становится способом понимания и видения. Мифологема взгляда на физиологию зрения подчиняет архетипу первоначала. Архэ клинической медицины — это «глаз, обладающий сродством со светом, он выносит лишь свое настоящее время» [4, с. 407]. Мифологическая логика воспроизводит единство взгляда и истины каждый раз как в первый раз. Истина клинической медицины связана с мифом об исчезновении болезни и возвращении общества в исходное состояние, неразделенное на больное и здоровое.

Феноменологию клинического взгляда также необходимо рассматривать как перекодировку эпистемологического объекта. Существенным моментом здесь является наложение эпистемологического на социальное пространство. В широком смысле феноменология клинического взгляда — это социально-этическая проблема. Два полюса — Бедность и Богатство, социально контрастные по отношению друг к другу, — образуют феномен клинического опыта. Отныне страдание становится спектаклем, при котором «взгляд врага есть накопление, точно вписанное в товарный обмен либерального мира» [4, с. 138]. Болезнь, таким образом, функционально есть капитализация кли-

нического опыта, возникающего в результате структурной интеграции эпистемологического и социального.

Онтология болезни в клинике полностью покрывается онтологией языка. Положение «болезнь — это язык» у М. Фуко призвано отразить сущность самой болезни. Онтология языка функционально моделирует семиологию болезни на уровне симптомов и знаков. Существенным является то, что симптомы как формы проявления болезни по отношению к языку становятся изоморфными. Это отношение стирает само различие между означающим и означаемым. Например, герменевтический аспект связи симптома и знака основан на первом принципе общей лингвистики де Соссюра, а он, как мы знаем, основан на том, что «языковой знак произволен», и, по замечанию де Соссюра, «этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка» [3, с. 70]. Лингвистика болезни свой синтаксис дескриптивного языка восстанавливает на речевом уровне, а поскольку сознание трансформирует симптом в знак, то сам «знак — это и есть симптом в его исходной истине» [4, с. 149]. Сущность болезни становится полностью выразимой в бытии языка или дескриптивного акта, который, по замечанию Фуко, «захватывает бытие». Модель языка, таким образом, структурирует клинический опыт, а онтология клинического взгляда выполняет семиотическую функцию.

Третья смысловая пара, которую мы можем выделить при исследовании клинического дискурса, — «Видимое–Невидимое». Эта пара руководит всей клинической медициной, поскольку структурирует опыт болезни как патологическую анатомию и как особую оптическую способность клинического дискурса. Эпистемологическая структура клинического сенсуализма определена тем, что клинический взгляд уравновешен отношением Взгляда и Языка, в котором видимое становится словесным, а словесное — видимым. Теперь область клиники не только место встречи врача и больного, но и структура, определенная:

- а) чередованием моментов расспроса и наблюдения;
- в) стремлением к установлению устойчивой формы корреляции между взглядом и речью;
- с) идеалом исчерпывающего описания.

Природа клинического опыта в таком случае будет Взглядом, который слушает и говорит. Смысловой предел патологической анатомии меняет аналитику Взгляда посредством новой модели, которую М. Фуко обозначит как химическую. Клинический взгляд теперь — это взгляд, «сжигающий вещи» и отождествляющий себя с «хорошей чувствительностью». Он становится анатомическим и разграничивает вербальное и невербальное клинического опыта. Анализ, по замечанию философа, отделен от лингвистики и вербального синтаксиса событий и феноменов. Таким образом, болезнь перестает быть совокупностью симптомов, и само тело подчиняется отношению «живое–мертвое». Клиникой анатомический взгляд делает тело больным, а отношение «живое–мертвое» превращает в клиническое. Патологизирование клинического опыта «превращало жизнь в труп и обнаруживало в трупе хрупкую поврежденную жилку жизни» [4, с. 252]. Отсюда сама концептуализация смерти в медицинском знании становилась результатом эпистемологической организации и смысловым пределом Видимого и Невидимого. Клинический образ смерти это дифференцированный образ жизни и способ самого восприятия человека.

Археология клинического дискурса артикулирует пространство недуга, тем самым «исчезает» его сущность, поскольку «болезнь принадлежит пространству до того, как она стала принадлежать взгляду» [4, с. 282]. Таким образом, Пространство–Язык–Смерть образуют смысловое единство клинического опыта. Единство, которое, являясь позитивным с точки зрения истории идей, вместе с тем обращает внимание на дискурсивную археологию такого явления, как человек. Патологическая анатомия — это структура, в которой клинический дискурс занял место философии человека.

Кроме того, генеалогия клинического дискурса невозможна без исследования процесса становления клинической психиатрии. Обратимся к анализу истории психиатрии, которая у французского мыслителя тесно связана как с локализацией опыта безумия, так и с трансформацией безумца в больного. Отправной точкой для начала анализа генезиса психиатрии может служить положение М. Фуко о разрыве безумия и неразумия. Эта археологическая дистанция между истиной и неистинной безумия,

собственно, и определяет логику отношений разума — неразумия и безумия. В таком случае психология и психиатрия являются эпистемологическими формами археологического разрыва, результатом исторических взаимоотношений разума и неразумия. Разрыв, по сути, — это археологическая история разума или способ интерпретации инобытия гегелевского духа. Фуко уравнивает панлогическую систему Гегеля и обнаруживает герменевтические характеристики разума в безумии. Образ племянника Рамо из сочинений Дидро — это не просто вариант вернувшегося безумия, это его герменевтическая реконструкция, обладающая всей полнотой смысла. В самой форме реконструкции выделим два наиболее важных уровня интерпретации. Верхний основан на отношении «язык–сравнение». Это уровень лингвистической интерпретации. Базовым положением здесь является следующая идея де Соссюра: «Реконструкция возможна лишь путем сравнения, и в свою очередь у сравнения нет иной цели, кроме реконструкции» [3, с. 219]. Сравнивая разум и неразумие, Фуко реконструирует интенциональную топикку безумия. Разум изначально «неспособен констатировать безумие, не компрометируя себя отношениями собственности» [6, с. 345]. Имманентность неразумия по отношению к разуму реконструирует последний, но в отчужденной форме. Интенциональный горизонт неразумия — сумасшествие: «...именно тогда, когда разум вступает во владение неразумием, он тем самым отчуждается, становится сумасшедшим» [6, с. 346]. Это отношение почти феноменологическое: неразумие как вещь разума или интенциональный реконструкт, возобновленный и возобновляющий. Сравнение и интеграция — вот два момента, позволяющие реконструировать безумие в качестве лингвистического феномена. Поэтому «язык–сравнение» — это смысловая ось и граница верхнего уровня интерпретации безумия.

Второй уровень интерпретации обоснован отношением «дискурс–репрезентация». Неразумие представляет себя посредством бреда, подчиненного логике герменевтического круга. Бред племянника Рамо — это вопрос о разуме, задающийся из «пучин неразумия», вопрос, разграничивающий бытие и небытие и враждающийся в кругу самотождественности.

«Бред — сердцевина безумия — обретает теперь новый смысл», — подчеркивал Фуко [6, с. 348]. Смысл, который автор «Истории безумия» определит как антикартезианский. Актуализация реконструируемого смысла осуществляется в форме перехода от восприятия к выражению. Предел герменевтичности смысла является в таком случае пределом самоявления и самовосприятия разума. Отныне редуцировать смысл как видимое к самой возможности языка быть видимым становится невозможным. Бред наполняется не только антиантропологическим смыслом, поскольку понятие человека трансформируется в отсутствующую структуру разума. Бред деонтологизирует логос всей метафизической традиции. Это маргинальный аналог Логоса, «загадочная фигура, в которой мы узнаем безумие» [6, с. 350]. Он наполняется смыслом, который воспроизводит космогоническое отношение неразумия и разума. Бред мифологизирует логос таким образом, что дистанция между ними сама создает возможность для мифа быть дискурсом безумия. Таким образом, репрезентация устраняет дистанцию между неразумием и безумием, а последнее реконструирует себя как желание и дискурс. Два уровня интерпретации позволяют обозначить в проекте истории безумия антиисторичность понятия душевной болезни. Безумие структурировано разумом как язык, и в силу своей дискурсивной природы оно лишено языка, оно «обрекает на безумие всех, кто пытается выдержать испытание Неразумием...» [6, с. 352]. Неразумие в силу нашей неспособности дистанцироваться по отношению к нему есть еще и дистанция между языком и дискурсом. Дистанция или археологический разрыв, ставший началом эволюции, сконструированного понятия душевной болезни. Подчеркнем еще раз мифосмысловую функцию археологического разрыва. Миф в истории безумия представляет себя:

- 1) в форме лингвистической реконструкции безумия;
- 2) в качестве скрытого смысла, он обладает герменевтическими характеристиками, т.е. указывает на границу выражаемого смысла;
- 3) как результат деонтологизации логоса и различия между языком и дискурсом.

Вся медиализация безумия направлена на разграничение и космологию неразумия. Его

фантастические образы в сфере воображаемого подвергались процедурам перевода, и неразумие обретало синтаксис языка. Врач не только был «приставлен к неразумию» и наблюдал, но также онтологизировал отношение «язык–болезнь». Если положение «болезнь — это язык» выражает у Фуко сущность самой болезни, то положение «язык — это болезнь» может указывать на археологическую дистанцию различия между языком и дискурсом. Отныне дискурс Неразумия становится хаосом по отношению к смыслу самого Безумия или полной неспособностью Неразумия быть в языке. Идея археологического разрыва построена на логике бинарных оппозиций «язык и дискурс», «Неразумие и Безумие», «Структурированное и Неструктурированное» и т.д. Поэтому задача проекта истории Безумия мыслилась Фуко как указание на противоречие. Безумие встроено в современную культуру как антропологический феномен, обладающий медицинскими характеристиками болезни. Вместе с тем в его общей археологии обозначается археология Языка. Археологическая реконструкция Безумия указывает не только на различие лингвистической и герменевтической реконструкции, но также на предел самой герменевтической модели, когда объектом ее интерпретации становится маргинальное. Основное археологическое противоречие истории Безумия содержится в его герменевтике: «...неразумие сталкивается с болезнью и сближается с ней не в строгих рамках медицинской мысли, а в пространстве фантастического» [6, с. 357]. Смысловым эквивалентом фантастического в истории Безумия будет являться мифологическое, следовательно, логика мифологического пространства определится через синтез неразумия и медицины. Например, в таком культурном явлении как садизм, можно выделить вторичную ремифологизацию. Неслучайно сам автор «Истории Безумия» указывает на образы, которые в творчестве маркиза де Сада играют смыслоопределяющую роль. Такие образы, как крепость, камера, подземелье и т.д., есть не что иное, как архетипы хтонического, того, что лишено голоса и вынесено за границу социального мира. В этом смысле институт изоляции есть своего рода подземный мир пространства Неразумия, а страх перед Неразумием не его психологическая характеристика, а центральная мифологе-

ма, отделяющая хтоническое от космического. Врач в таком случае, выступает в качестве посредника-дивинатора, осуществляющего взаимопереход неупорядоченного и упорядоченного. Поэтому изоляция — это еще и нижний предел смыслоопределения Безумия, поскольку вопрошать неартикулированное Неразумие невозможно. Только в Изоляции Неразумие могло трансформироваться в Безумие, и между ними могла быть проведена граница различия. Безумие маргинально архетипически, поскольку его топос подчинен мифологическому.

Разрыв между Неразумием и Безумием не только пространственный, но и временной. Модель времени, характеризующая эти два феномена, определена смысловой осью «историческое–антиисторическое»: «...время неразумия и время безумия получают разнонаправленные, прямо противоположные векторы» [6, с. 362]. Разнонаправленность времени станет фундаментальной проблемой психоанализа. Понятия архетипа, коллективного бессознательного, инстинкта смерти и т.п. потребуют прояснения временного контекста цикличности Неразумия, с одной стороны, и линейной темпоральности Безумия — с другой. Поэтому соотношение Безумия и Неразумия будет являться ремифологизацией времени, аналогичной мифологеме прасобытия в цикличности мифа. Показательно и то, что опыт Гельдерлина, Нерваля и Ницше М. Фуко возводит в проекте истории Безумия к истокам времен, что является в археологическом смысле деонтологизацией Безумия в языке.

Пространственный и временной разрыв Неразумия с безумием создает условия для формирования понятия сумасшествия, которое в антропологическом контексте метафизически будет обосновано понятием «отчуждение». Между метафизикой отчуждения и медицинским понятием сумасшествия будет существовать структурная диспозиция относительно познания безумия. Герменевтическим архетипом сумасшествия, основанным на стыке медицины и философии, становится понятие человеческой среды, «априорная и конкретная возможность любого безумия» [6, с. 374]. Для XIX в. это понятие будет скрытым смыслом, когда исторический смысл и линейная темпоральность Безумия уступят свое место философии отчуждения. Безумие «лишается всякой исторической

роли в становлении человека и человечества и осмысляется в рамках социальной морали» [6, с. 376]. Тем самым выделяются два полюса герменевтического круга: верхний — это антиисторичность сумасшествия — и нижний — историчность отчуждения. Смысловой осью и границей, разделяющей антиисторическое и историческое, служит человеческая среда, в которой человек оказывается «вне собственной сущности». Таким образом, новый опыт познания безумия связан с тем, что оно станет объектом познания и будет отчуждено по отношению к себе. В целом современное понятие безумия формируется на уровне археологического эмпиризма там, где «люди конкретно переживают свою нищету, и где их неотвязно преследуют фантазмы неразумия» [6, с. 412]. Именно на этом глубинном уровне заложен фундамент «позитивной психиатрии», и именно там происходит разделение безумия и небезумия. Основная мифологема, разделяющая хтоническое и космическое, в таком случае есть праструктура, некий архетип структурного различия.

В этом смысле безумие и небезумие производны от праструктуры, поэтому археологический парадокс Фуко заключен в самой модели, развертывающей смысл различия. С одной стороны, фундаментальное различие и разрыв Неразумия и Безумия, с другой — «медицинское опознание» безумия, которое строится и структурируется по образцу первичной мифологемы. Логику археологического парадокса поясняет использование Фуко понятия структуры, которое применяется в нескольких значениях. Структура как фигура — образ. В этом значении понятие структуры «подвижно», оно находится вне критерия археологического разрыва. В верхней, неархеологической, плоскости структура бессмысленна и полностью находится во власти «свободной метаморфности». Основные формы такой структурности всегда связаны с гуманизацией сумасшествия. Структура как знание — опыт, в этом значении она представлена: пространственным моделированием безумия, выразившемся в стирании границы между изоляцией и медициной. Именно так устанавливаются новые отношения между Безумием и Небезумием, в основе которых лежит сознание собственного небезумия (теперь познание Безумия объективно и нейтрально); социальной маргинализацией Безумия, при кото-

рой оно «проникает» во все виды асоциальной деятельности. Эта структура артикулируется в соответствии с «новыми формами морали». Структура — язык, в этом случае понятие структуры содержит весь объем лингвистического универсума, подчиненного отношению «Взгляд–язык». Это архетип психиатрической лечебницы, в которой безумие будет существовать как зримое бытие, находящееся в границах мира суждений.

Таким образом, как мы видим, использование понятия структуры подчиняется отношению «археологическое–неархеологическое». Сам М. Фуко верхний археологический уровень использования понятия структуры сравнивал с мифом: «...они (врачи-психиатры. — *И.Р.*) вызвали к жизни миф о наконец-то свершившемся объективном и медицинском познании безумия» [6, с. 418]. На нижнем археологическом уровне понятие структуры также наполнено мифологическим содержанием. Археологический смысл мифологизируется таким образом, что безумие в качестве структуры различия имманентно уже различимо в Неразумии. Отсюда мы можем заключить, что в опыте Неразумия безумие выступало в качестве субъекта, а в опыте различия безумия и небезумия оно отчуждено по отношению к себе и трансформируется в объект. Это становится возможным, когда структура археологической реконструкции, помимо трех уровней интерпретации феноменологического, онтологического, семиотического, дополняется уровнем мифологическим. На наш взгляд, Неразумие структурирует безумие на доархеологическом уровне, как некую праструктуру различия, что и позволяет развернуть сам механизм дифференциации на уровне структурно-археологических различий.

Особенно обращает на себя внимание понятие структуры, которое используется в определении различных форм асоциальной деятельности. У Фуко происходит «социализация безумия». Общественное сознание в правовой форме определяет способ познания нового объекта. Речь идет о психологии, именно она «как познание личности человека не может рассматриваться с исторической точки зрения отдельно от форм суждений, выносимых общественным сознанием, соотнесение с ними является для нее основополагающим» [6, с. 442]. Социализация безумия происходит на основе археологи-

ческой модели различия, отныне безумие настолько социально, насколько оно дифференцировано. Открытие его как медицинского явления на археологическом уровне является взаимодополнением двух позитивных процессов. Безумие маргинально по отношению к социально значимой деятельности, но одновременно оно доступно познанию как чистый объект, наделяемый социальным или асоциальным смыслом. Смысловой порог археологической дифференциации «составляет тайный фундамент, на котором покоится опыт безумия в наши дни» [6, с. 451]. Археология безумия в таком случае тождественна Археологии знания, она — своего рода герменевтическая модель для развертывания объективного смысла, направленного на человека. Предел интерпретации такого смысла определяется границами конкретной психологической ситуации. На пороге рождения психиатрической лечебницы как археологической формы познания безумия угадывается первый объект. Так сказать, первый Адам безумия, который стал прототипом открытия всех форм объективного познания современного человека: «...отныне всякий индивидуум, признанный сумасшедшим, будет принудительно и сразу получать статус объекта; отчуждение сумасшествия окажется той истинной, которая образует сердцевину любого объективного познания человека» [6, с. 454]. Отметим высокую степень актуальности этого аспекта изучения наследия М. Фуко в свете формирования в современном мире «вполне нормальных людей» все новых проявлений отчуждения, доходящих, с одной стороны, до социальной аномии, а с другой — до полной потери человеком своей субъективности, «себя внутреннего» [1, с. 36–37; 2, с. 85].

Таким образом, в проекте истории Безумия выделяются ключевые мифологемы, которые в процедуре археологической реконструкции выполняют осевую функцию. Выделим эти мифологемы:

1. Мифологема Первочеловека, у М. Фуко истина безумия равна самому человеку.
2. Мифологема семьи, она выступает моделью для всех социальных отношений и воспроизводится в психиатрической клинике.
3. Мифологема Природы, неотчуждаемое начало в человеке в единстве с истиной и моралью дает сам разум.

4. Мифологема Убежища, уравнивает и группирует остальные мифологемы и, в итоге, «сводит безумие к истине». В этом образе содержится представление о сущности безумия.

Совокупность всех мифологем образует пространство, в котором происходит генезис безумия, подчиненный мифологическому циклу основных типов. В сущности, это и объясняет основную идею «Истории безумия», выраженную автором в положении, что душевные болезни настолько антиисторичны, насколько точно они воспроизводят мифологическую логику позитивной психологии и психиатрии.

В мифологическом пространстве душевных болезней необходимо обозначить границу, которая и определит внутренний микрокосм психиатрической лечебницы. Эта, по словам М. Фуко, «клеточка безумия» определена внешне переходом из мира Отчуждения в мир суждения, а внутренне — равновесием бинарных оппозиций.

Такие пары, как «Семья–Дети», строящиеся вокруг темы отцовской власти и авторитета; «Проступок–Наказание», строящиеся вокруг темы немедленного, сиюминутного правосудия; «Безумие–Беспорядок», строящиеся вокруг темы социально-нравственного порядка [6, с. 496], отражают зеркальное единство психиатрической лечебницы с обществом. Все вместе это и указывает на центральную пару «Врач–Больной», которая воспроизводит сам символический микрокосм Безумия. Все виды отчуждения в сумасшествии скрывают основное, базовое отчуждение, поскольку «врач как средство отчуждения остается ключевой фигурой психоанализа» [6, с. 499]. Поэтому структура психоаналитической ситуации построена на диалектике присутствия центрального персонажа. За больным скрыт врач, отсутствие обнаруживается тотальным присутствием.

Таким образом, в границах психоанализа происходит демифологизация Неразумия, и только на этой основе в психоанализе становится возможен диалог с Безумием. Диалог, который стремится выразить «истину самого человека», и в силу демифологизации язык его уже клинически артикулирован. Голоса Безумия раздаются отныне из локализованной психиатрической лечебницы. В этом пространстве человек, является отчужденным — «теперь он

Чужой относительно себя самого, Отчужденный, Сумасшедший» [6, с. 503]. Он тождествен своей способности быть существом говорящим. Поэтому археология языка будет тождественна пространственной артикуляции Безумия.

В границах психиатрической лечебницы язык сумасшествия онтологизируется, сама природа языка скрывает различие между ним и дискурсом. С одной стороны, онтология Безумия, а с другой — его мифология с дискурсивной деонтологизацией. В силу этого диалог с Безумием становится возможным, поскольку взгляд врача есть онтологическая связь, т. е. своего рода редукция и деструкция к самой возможности языка быть видимым. Отсюда мы можем заключить, что «Логос сумасшествия есть Логос», именно такова исходная посылка диалога с сумасшествием. При всей своей многозначности и перенасыщенной символичности язык безумия пребывает в границах видимого и артикулированного смысла, в силу чего словарь психоанализа структурируется на принципах, которые изначально имеют онтологическое основание и подчиняются герменевтической модели, в которой «Безумие говорит на языке антропологии» [6, с. 503].

Отождествляя археологию языка и археологию субъекта в «Истории безумия», мы вместе с тем подчеркиваем дифференциацию в отношении «Болезнь есть язык» и «Язык есть болезнь». По причине того, что природа Безумия в исследовательском проекте М. Фуко одновременно деонтологизируется и онтологизируется, то она археологически разорвана. Безумие — это дискурс, стремящийся преодолеть разрыв между Неразумием и Безумием, в силу чего он существует для наук, изучающих душевные расстройства, в качестве герменевтической проблемы. Тот или иной способ решения этой проблемы всегда будет определен границами антропологии, поскольку скрытый смысл является следствием трехчленной структуры — человек, безумие и истина. В этой структуре каждый элемент подчинен диалектике «Того же Самого и Иного», сам человек «становится природой для самого себя лишь в той мере, в какой он способен к безумию» [6, с. 512].

Способность к безумию характеризуется Фуко как творческая, имманентно содержащая в себе неразрешимость существования, в силу

чего в археологической структуре безумие и творчество образуют предел интерпретации, а герменевтика скрытого смысла, основанная на онтологии языка и человеческого существования, указывает на отсутствующую структуру дискурса Безумия. Указывает способом, в котором безумию нет места, «где есть творчество, там нет места безумию» [6, с. 524]. Тем самым в творчестве как бы сосуществуют посредством дискурса Безумия и археология субъекта, и археология деонтологизированного Неразумия. История Безумия, таким образом, есть археологическая реконструкция, в которой посредством системы дискурсивных различий обозначается смысловое пространство возможной интерпретации такого маргинального объекта, как безумие.

Список литературы

1. Григорова Я.В. Трансформация труда в современном обществе. Новые формы угнетения // Вестн. Перм. иссл. политех. ун-та. Сер.: Культура. История. Философия. Право. 2012. №5. С.34–39.
2. Коневских Л.А. Современное состояние мира и российского общества // Вестн. Перм. иссл. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2012. № 6. С.81–86.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999.
4. Фуко М. Рождение клиники. Археология взгляда медика. М.: Смысл, 1998.
5. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

THE ARCHAEOLOGY OF CLINICAL DISCOURSE IN THE WORKS OF EARLY MICHEL FOUCAULT *Ivan V. Ryazanov*

Perm State Agricultural Academy; 23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia

Analyzes the works of M. Foucault associated with the history of Madness. Stands out the process of formation of clinical psychiatry, significantly influenced the understanding of the nature of modern man. Set the specifics of methodological practices of the French thinker, connected with the study of the marginal anthropology.

Key words: archaeology; anthropology; madness; discourse; clinic of psychiatry; mythology; marginal; language.

УДК 101.1

ФЕНОМЕН ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

К.Б. Сафонов

Анализируется ответственность как явление современного общества. Рассматриваются философские подходы к рассмотрению данной проблемы, их взаимосвязь с правовыми концепциями. Ответственность индивида исследуется в контексте его социального статуса и профессиональной принадлежности. При этом определенный интерес представляют взаимообусловленность ответственности, доверия и справедливости в современном обществе.

Ключевые слова: ответственность; социальные нормы; социальный статус; правовое регулирование; социальная регуляция; доверие; справедливость.

Любое явление социальной реальности, подвергнутое философскому осмыслению, предстает в качестве определенной парадигмы ценностных ориентаций и установок мотивации как общества в целом, так и составляющих его индивидов. Взаимосвязь с отдельным человеком в данном контексте не случайна, поскольку «“фактом” социальной реальности выступает действие человека, и чтобы познать и оценить этот “факт”, необходимо понять смысл социального действия, поведения человека в его взаимосвязи с деятельностью других людей» [2, с. 192]. Осознавая себя в качестве неотъемлемой части общества, каждый из нас должен любое свое действие соотносить с возможностью способствовать социальному благу. Это будет являться важным проявлением ответственности — одного из столпов, на которых держится стабильность и устойчивое развитие любого общества. Причем ответственность может принимать разные формы — от понимания индивидом возможных последствий собственных действий до необходимой меры участия государства в жизни каждого из нас. Но, в любом случае, ответственность — это социальная категория, проявиться она может только в обществе, и лишь общество способно влиять на ее становление, развитие и проявление в тех или иных ситуациях. Каждый из нас не может не вести себя ответственно, ежедневно находясь в тесном взаимодействии с другими людьми. Иными словами, сформированное чувство и

осознание ответственности есть необходимое условие существования в человеческом обществе. Понимая, что «необходимость, проявляющаяся в качестве социальной нормы — это субъективно присвоенная необходимость, стало быть, изменившая форму своего бытия, ставшая необходимостью для нас» [4, с. 76], мы можем утверждать, что основной социальной нормой для современного общества является ответственность. Правда, не вполне очевидным остается вопрос о тех формах, которые она принимает в конкретном социуме, а также о развитии феномена нравственной ответственности в сопоставлении с развитием других человеческих качеств: «...сейчас мы стали грамотней, чем 50 лет назад, но стали ли мы нравственнее? Стали умнее, но стали ли добрее?» [8, с. 8].

Рассмотрение проблем ответственности уместно начать с четкого определения того, какие точки пересечения она имеет с каждым конкретным индивидом. Нужно разграничить ответственное влияние каждого из нас на жизнь общества и ответное (и, как хотелось бы, тоже вполне ответственное) влияние общества на нас. Какое из этих проявлений ответственности в конечном итоге может и должно оказаться важнее? Может ли одиночный индивид своим безответственным поведением разрушить отлаженную систему социального взаимодействия, разуверить других в необходимости ответственного поведения и, как следствие, вызвать

цепную реакцию? Эти вопросы не имеют четкого и однозначного ответа. Лишь всесторонний анализ обозначенных проблем может позволить приблизиться к пониманию их сущности и специфики в современном обществе.

Когда мы слышим «ответственность», рано или поздно в нашем сознании возникает ассоциация с еще одной социальной категорией — справедливостью. В массовом восприятии две эти категории неразрывно связаны и очень часто понимаются как тождественные и синонимичные. Ответственное поведение обычно оценивается как справедливое. А.В. Прокофьев отмечает, что «концепции справедливости либо выдвигаются теми, либо обращены к тем, кто ощущает или могли бы ощущать чувство глубинного социального дискомфорта» [5, с. 42]. Иными словами, в справедливости заинтересованы, прежде всего, те, кто в данный момент занимает невыгодную позицию в обществе. Рассматривая причины, по которым индивид оказывается в подобном положении, в качестве главной мы можем выделить допущенные нарушения в системе социального взаимодействия, отклонения от выстроенной и отлаженной системы социальных ценностей и норм. Изначально все люди равны. И лишь их попадание в общество приводит к возникновению неравенства. Избавиться от этого неравенства не представляется возможным: не бывает идеальных общественных систем, в любом случае в определенный момент будет допущен тот или иной промах, который нарушит работу отлаженного социального механизма. Конечно, в некоторых обществах сама возможность подобных промахов сведена практически к нулю, в то время как в других почти невозможно их отсутствие. Но, в любом случае, малейший сбой в системе социального взаимодействия, ценностей и норм ведет к возникновению несправедливости. Причиной этого сбоя может стать безответственное действие, предпринятое конкретным представителем общества, отдельной социальной группой, социумом в целом. Рассматривая проблемы справедливости и равенства, мы не должны забывать, что некоторые проявления социального неравенства неизбежны, но это не означает отсутствие необходимости и возможности стремиться к социальному идеалу, построенному на уважении абсолютного равенст-

ва всех и каждого перед ценностями и нормами, существующими в обществе.

А.П. Чирков считает, что «ответственность есть не что иное, как выполнение нормативных требований, а сама нормативность является не переменным свойством ответственности» [9, с. 6]. Исполняя определенные социальные предписания, мы по своей воле оказываемся включенными в систему общественного взаимодействия, построенную на признании ценностей и соблюдении норм. Обусловленность ответственности принятыми в обществе нормами предполагает возможность различной меры ответственности в зависимости от социального положения индивида. Общество неоднородно по своей структуре, и то место, которое каждый из нас в нем занимает, дает определенные права и обязанности, становится причиной привилегий и потерь. Индивиды с различным социальным статусом исполняют в обществе различные роли. От каждой конкретной роли зависит та мера несправедливости, которую мы можем допустить по отношению к окружающим, обществу в целом. Ответственность в конечном итоге представляет собой контрмеру, к которой мы сами должны сознательно прибегнуть, чтобы предотвратить нашу возможную несправедливость или уравновесить уже допущенную. Размер ответственности при этом должен быть адекватен размеру возможной несправедливости, а также вызванных ею последствий. Именно этими соображениями, на наш взгляд, необходимо руководствоваться, анализируя особенности социальной ответственности применительно к основным сферам деятельности.

Основой ответственного поведения в обществе является возможность выбора индивидом возможного образа действия в той или иной ситуации. Следовательно, ответственность должна быть добровольной, к ней нельзя принудить. Любое действие, не наносящее обществу урона или даже приносящее ему пользу, но происходящее не по внутренней потребности индивида, а по принуждению, не может быть охарактеризовано как ответственное. А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян указывают, что «человек ответствен перед самим собой, а перед другими — в той мере, в какой он признает их своими другими, т.е. частью своей суверенности, в какой других он принимает как продолжение себя самого или как таких, которые представитель-

ствуют его, через которых он оказывается представленным» [1, с. 277]. Бесплезно убеждать человека в важности и необходимости ответственного поведения, пока он сам не будет в этом заинтересован. А заинтересованным он может стать только в том случае, когда общество перестанет быть для него абстракцией, начнет восприниматься не просто как совокупность окружающих людей, а как продолжение самого себя, как неотъемлемая часть собственной личности. Признавая социальные ценности и нормы, индивид оказывается интегрированным в их систему. Ведя себя ответственно, он демонстрирует готовность к кооперации с обществом на пути преодоления существующих несправедливости и неравенства, ставит себя на одну доску с другими, благополучие которых может и должно зависеть от избранного им образа действия.

Обсуждая проблемы ответственности, мы часто можем оказаться в области интересов такой сферы науки и общественного взаимодействия, как право. Это не удивительно. Во-первых, теоретическую базу права в значительной мере составляют этика и социальная философия, неотъемлемой частью которых нам видятся концепции ответственности вообще и социальной ответственности в частности. А во-вторых, одним из основных постулатов права является принцип равенства всех членов общества (в случае правовой регуляции социальных процессов этот принцип приобретает форму равенства всех членов общества перед законом). Любая значительная несправедливость, существующая в обществе, может являться следствием того или иного правонарушения. В системе права ответственность принимает форму юридической ответственности, которую можно охарактеризовать как «форму социальной ответственности, проявляющуюся в применении к правонарушителю санкций правовых норм, уполномоченными на то государственными органами в рамках процессуального порядка, строго определенного законом» [6, с. 54]. Данное определение иллюстрирует коренное различие социальной ответственности вообще и юридической ответственности — ее частного случая. Это различие заключается в отсутствии добровольного принятия системы норм в рамках юридической ответственности. Конечно, правосознание индивида должно быть

сформировано на достаточно высоком уровне, позволяющем ему не перейти грань, отделяющую законное поведение от незаконного. Свободная и независимая личность, существующая в рамках современного общества, не может тяготиться необходимостью действовать в рамках существующего правового поля. Но, в любом случае, нормы права обязательны для всех. И каждый, независимо от положения, занимаемого им в обществе, обязан соотносить свои действия с требованиями закона. В этом и проявляется одна из основных функций права — признание всех членов общества равными в свете необходимости уважать существующую правовую систему, учитывать ее положения при производстве каких бы то ни было действий.

Мера ответственности индивида (или социальной группы) перед обществом зависит от занимаемого в нем положения. Среди факторов, определяющих это положение, необходимо особо выделить социальный статус. Во многом он определяется тем социальным слоем, к которому мы можем отнести индивида. Но принадлежность к социальной группе — характеристика, не отражающая особенностей предпринимаемых действий. А нами было отмечено, что социальная ответственность напрямую связана с деятельностью индивида. Таким образом, одним из важнейших вопросов остается выяснение тех видов деятельности, в рамках которых и реализуется социальная ответственность. А.В. Шевчук отмечает, что в современных условиях «труд и профессия становятся осью человеческого существования, определяя положение в обществе, доход, образ жизни, круг общения и т.п.» [10, с. 45]. Поскольку трудовая деятельность является одним из основных факторов, определяющих положение человека в обществе, особенности сферы труда влияют и на практическое воплощение концепций социальной ответственности. Теоретические представления идут рука об руку с практикой. Преломляясь сквозь призму конкретной практической деятельности, наше осмысление той или иной проблемы предстает в виде ее практических воплощений. То же самое происходит и с концепциями социальной ответственности. Личность каждого из нас формируется, в том числе, и в процессе профессиональной деятельности, являющейся сферой приложения

труда и фактором социализации. Одним из важнейших событий в жизни индивида, несомненно, становится выбор профессии, так как это налагает на него особую ответственность в тот момент, когда из рядового члена общества он становится профессионалом, ему открывается закрытая для прочих дверь в мир и корпорацию профессии, живущей по своим правилам и несущей свою меру ответственности перед обществом. С момента вступления в ряды данной корпорации ответственность предстоит разделять и прежде не помышлявшему об этом индивиду.

Каждая конкретная профессия имеет свой потенциал социальной ответственности. Его величина определяется огромным множеством факторов, к числу которых можно отнести важность осуществляемой деятельности для общества, условия ее осуществления, особенности процесса и результата обмена с социумом информацией и технологиями, экономическими и прочими ресурсами. Социальная ответственность профессий играет большую роль в становлении нравственного облика профессионалов. Об этом свидетельствует тот факт, что к числу прочих научных концепций профессиональной этики можно отнести концепции социальной ответственности профессиональной деятельности. Устойчивый нравственный облик профессионала в глазах общества, несомненно, будет способствовать повышению ответственности предпринимаемых им действий, укреплению доверия в социуме. При этом не стоит забывать, что «доверие может возникнуть на базе взаимной ответственности, готовности всех членов сообщества действовать в соответствии с общепризнанными нормами» [7, с. 23]. В данном контексте одной из важнейших задач каждого представителя профессиональной группы становится поддержание высокого уровня собственной ответственности по отношению к обществу во всех его проявлениях — от окружающих коллег, родных и близких до нации в целом. Один безнравственный поступок конкретного профессионала может перечеркнуть все те заделы, которые в течение многих лет создавались его предшественниками, институтом профессии, теми, кто осознавал свою причастность к судьбе общества, необходимость содействия его устойчивому и поступательному развитию.

Анализ проблем ответственности основных сфер деятельности играет важную роль в понимании социальной сущности ответственности. Любой институт общества строится на основе взаимодействия его составных частей, целое есть совокупность многих единичных. Именно поэтому индивидуальная ответственность профессионала, его этика и мировосприятие являются ключом к пониманию ответственности того сообщества, той организации, членом которых он является. Ответственность за судьбу социума, которую осознает индивид, является важнейшим фактором поддержания справедливости — основополагающего принципа жизни общества, зиждущегося на традиции и играющего роль одного из главных интегрирующих элементов общества [3, с. 4]. Мы все существуем в обществе, от которого зависит наше благополучие и которое всецело зависит от нас. Любое безнравственное и безответственное действие способно серьезно нарушить отлаженный процесс социального взаимодействия. Каждый, будучи настроенным на длительное и плодотворное взаимодействие с обществом и всеми его членами, не позволит сиюминутной выгоде поставить под сомнение свою способность к ответственному поведению, поскольку оперативный и тактический успех от данного действия, в конечном итоге, будет сведен на нет возможными стратегическими потерями. Именно поэтому каждый, четко осознавая свое место в обществе, должен действовать ответственно, делая все от него зависящее для установления и поддержания социальной справедливости, приближения нас к всеобщему благоденствию.

Список литературы

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998.
2. Назаров В.Н. Философия в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 2004.
3. Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // Социологические исследования. 2008. №9. С.3–11.
4. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985.
5. Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006.
6. Радугин А.А. Правоведение. М.: Центр, 2003.
7. Романова О.А., Ткаченко И.Н. Социальная от-

- ветственность корпораций: опыт территориального исследования // Экономическая наука современной России. 2001. №2. С.23–36.
8. *Стегний В.Н.* Прогностический подход к образованию // Вестн. Перм. иссл. политех. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2011. №10. С.5–10.
9. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права. Калининград: Калининградский ун-т, 1996.
10. *Шевчук А.В.* О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. №3. С.44–54.
-

PHENOMENON OF RESPONSIBILITY IN THE MODERN SOCIETY:
PHILOSOPHICAL ANALYSIS
Kirill B. Safonov

*Novomoskovsk Institute (branch) of Russian Mendeleev University of Chemistry and Technology;
8, Druzhby str., Novomoskovsk, 301665, Russia*

The article is devoted to the analysis of responsibility as a phenomenon of the modern society. The philosophical approaches to the consideration of this problem and their ties with the legal concepts are considered. The responsibility of an individual is studied in the context of his social status and occupation. The particular interest is shown in the interdependence of responsibility, trust and justice in the modern society.

Key words: responsibility; social norms; social status; legal regulation; social regulation; trust; justice.

УДК 100

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПИСАНИЯ

Е.А. Тимощук

Автор сопоставляет феноменологию с изоморфными стратегиями социокультурного описания — дискурсивным анализом для выработки стратегического консенсуса общественных наук в области стандартов объективного гуманитарного описания.

Ключевые слова: феноменология культуры; дискурс; дискурсивный анализ; методологический изоморфизм; социальный конструктивизм; социокультурные объекты

В.А. Кутырев в своей работе по философии постмодернизма утверждает, что в современном обществе произошел дискурсивный поворот, который он ярко описывает в следующих терминах: «Дискурс — текст, высказывание вместе с социальной практикой, к которой он принадлежит и которую несет в себе. Миллионы людей (в развитых странах большинство) в настоящее время заняты тем, что говорят и пишут — производством дискурсов, их судьба тоже определяется ими. Слово стало делом, особенно у интеллигенции, управленцев, служащих. На защите диссертации достаточно кому-то построить отрицательный дискурс, и соискатель степени не получит ее, провалится. Возникнут реальные жизненные последствия. Изменится место в профессии, роль в семье, в обществе. Руки, предметный труд уступают место языку, мыследеятельности и говорению. Власть реализует себя прежде всего в речевой практике — дискурсе, особенно вооруженном техническими средствами массового распространения. Если перейти от археологии знания к актуальной действительности, то роль дискурса в том, что конструирование его определенного типа продуцирует соответствующие предметы и поведение людей. Что касается информационно-компьютерной технологии, то здесь дискурс ее непосредственный материал и продукт. Компьютерщик живет и действует, “практикует” только в форме текстов-высказываний. Даже любовь редуцируется не к сексу, а обмену посланиями, sms-ками — “дискурсивная любовь”, на чем часто все и конча-

ют. Для компьютерных наркоманов это вообще форма их (не)бытия» [10].

Попытаемся разобраться в том, что же стоит за этим модным понятием. Термин «дискурс» (англ. discourse, лат. discursus) пришел к нам из средних веков, где он означал рассуждение, речь; движение познания от посылок к выводу (как в силлогизме) и таким образом противопоставлялся непосредственному или интуитивному познанию. Выделялось два вида дискурса: 1) последовательный (движение от познанного к непознанному), 2) каузальный (движение от принципов к заключениям) [11]. Один из первых исследователей дискурса в России, Ю.С. Степанов поэтому и выбирает в качестве базового определения следующее: «...последовательность элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.» [19, с. 38].

Таким образом, прежде всего, дискурс — это текст (лат. textus — ткань), который в процессе чтения во внутреннем мире читателя превращается в речь, которая живет своей собственной жизнью [20]. Это вербальная, описательная реальность, которая выявляет и высвечивает себя и языком, и письмом, и речью, и высказыванием, и говорением [9]. Именно в таком значении понятие стало использоваться во Франции в 60-х гг. прошлого века. Если раньше, в 1950-х гг. его узус был «публичное выступление» и не более того, то, когда термин стал на слуху, он вобрал в себя различные оттенки смысла: «текст», «теория», «стилистиче-

ски окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих» [5, с. 92].

Дж. Реали и Д. Антисери в многотомном издании по истории философии используют «дискурс» как синоним «речи, диалога, рассуждения»: сократический дискурс, платоновский дискурс. Аналогично Е.Н. Молодцова противопоставляет дискурсивную философию — созерцательной, а дискурсивно-логическое (рассудочно-дискурсивное), словесно-рефлексивное знание — интуитивному, которое является беспредпосылочным и не записывается знаками. Автор обращается к античному противопоставлению дианои (рассудка) и нуса (ума). Рассудочная деятельность, где слово сражается с другим словом, представляется низшей по иерархии и непригодной для достижения целостности человека [13].

Латинское *discursus* (причастие от глагола *currere* — бегу), видимо, является переводом греческого «дианои» — движение мысли вперед и назад, разум, выговаривающий сам себя у Платона; мыслящая часть души у Плотина. Близкими категориями будут «логос», «диалектикэ», а противоположными — «ноэзис» (интуитивное понимание), невербальная, внелингвистическая коммуникация.

В этом контексте дискурс — это отличительная особенность гуманитарных наук, где доказательство ведется пропозиционно, в отличие от демонстративных естественных наук. Л.П. Киященко называет, поэтому, дискурсивные практики «олитературированием науки», введением в «арсенал средств современной науки представлений о стилях научного мышления, альтернативных точках зрения, научных парадигмах (как коллективной договоренности единомышленников), образов и картин мира, допущений в форме умолчания, символов, метафор и т.д. Вся эта атрибутика гуманитарного знания была и присутствует сейчас в естественнонаучном знании, постоянно нарушая чистоту традиций классического рационализма» [7].

В другой работе Л.П. Киященко исследует границы языка науки и приходит к демаркации логического, аналитического (теоретического) и паралогического (нарративного) дискурсов в науке. «Нарративное знание — одна из форм

коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры» [8].

В более широком смысле дискурс может пониматься как близкий термин для любой устойчивой совокупности высказываний (мнение, интерпретация, концепция, теория), за которыми стоят социальные группы [12]. Можно продолжить ряд близких понятий: тренд, направление, течение; парадигма; дискуссионное поле, рассуждение (например дискурс о модерне — Ю. Хабермас).

Дискурс в социальном контексте — это *ценностное языковое сообщество, полевая формация*, где участники «нащупывают» адекватный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы). Отсюда целый пласт понятий, связывающих знания, интересы, высказывания и власть, политику и описанных во французской философии XX в.: дискурс рациональности как дискурс власти в эпоху Просвещения, властные дискурсивные практики, власть как дискурсивный феномен, коллективный дискурс (Р. Барт), идеологии и дискурсы групп.

Вследствие конкуренции классов и групп образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус-кво. В мире вещей дискурс «склеивает» разнородные вещи в ансамбли, диспозитивы, включающие в себя социальные институты, архитектуру, законы, научные и философские положения; вместе с тем дискурс бессубъектен, здесь нет принципа «кто против кого», он сродни коллективному бессознательному (М. Фуко). Французский историк науки через археологию гуманитарных наук стремится познать, как слово становится делом, а сказанное — вещью, на примере медицины, психиатрии, пенитенциарной системы.

Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение — это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности [15].

Анонимность дискурса растет по мере типизации высказываний, удаления от ситуации «здесь и сейчас» (Т. Лукман). Высказывания, разделяемые с другими людьми, составляют интерсубъективную реальность, что объективирует дискурс для его участников. Через серийность, типизацию, анонимность дискурсивные формации институализируются, становятся социокультурной тканью, опредмечиваются. Опредмечивание (объективация) процессов мышления в продукты человеческой деятельности, которые становятся понятны как производителю, так и другим людям в качестве элементов их общего мира, является точкой пересечения марксизма и феноменологии [23, с. 82].

В филологии Ц. Тодорова дискурс — это зафиксированные в них ментальные структуры, в отличие от «материального» текста. Дискурс тогда относится к акту высказывания (вербализуемому значению), а текст — к высказыванию (фиксированному тексту).

Э. Лакло рассматривает дискурс как политическую артикуляцию коллективной идентичности; социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а, скорее, присутствует нетопологическая смысловая тотальность. Каждый элемент дискурсивно-социального порядка не имеет внешних детерминаций, его место зависит от отношений в дискурсивном комплексе: реляция конституирует социокультурное бытие, которое становится подвижным, зависящим от обстоятельств [27].

Аналогичную трактовку предлагает А.П. Огурцов, называя дискурс целостной системой, включающей в себя способ мышления, теоретическую систему, поведенческие практики, навыки познания, регулятивы профессиональной деятельности [16].

Дискурс, образующий социальное поле присутствия, может быть выстроен вещами, графикой (математический дискурс [3]), но не обязательно языком: «...всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным; фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат» [2, с. 73]. Этим дискурс-поле отличается от дискурса-ткани, который существует как «вербальный текст, отличный от других форм воплощения текстового

сознания: графических, живописных, пластических, музыкальных, числовых и т.д.» [6].

Поэтому в социальном контексте дискурс изоморфен понятию «net society», в котором информация, идеалы, ценности, знания, ресурсы распределяются между удаленными участниками коммуникации, не образующими дискретных топосов: «...дискурс — это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест», это граница контакта языка и реальности, лексики и опыта [21, с. 48, 55]. Дискурс разорван не только в пространстве: это рассредоточенная во времени смысловая конструкция.

Сетевое общество генерирует множество коллективных идентичностей, нуждающихся в поддержании, внутри- и межгрупповой артикуляции. Дискурс не существует «ради самого себя, но во всех своих употреблениях стремится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными» [1, с. 324]. Например технодискурс — это язык замкнутый на технике, способствующий ее распространению, критикующий любое радикальное отступление от технократической мысли; определенный функциональный тезаурус и свои проблемы (Д. Жанико).

Конвергенция и дивергенция дискурса есть постэффект его социальности. С одной стороны, он выступает организованной когерентной (сцепленной) конструкцией терминов, определений, идеалов, образующих замкнутую непротиворечивую систему, претендующую на полноту описания некоей области реальности.

С другой стороны, дискурс знаменует рассредоточение семантического единства, эксфолиацию бытия языков культуры (отсюда бесчисленные дискурсы власти, закона, церкви, криминологии, позитивизма, психиатрии и т.д.) [22]. Множественность дискурсов коррелирует с многоуровневостью идентичностей и социокультурных ролей. Идентичности активируются дискурсом и, напротив, дискурсы формируют идентичности. Идеологии порождают монодискурсы, силой вытесняющие инаковость (военный коммунизм, национал-социализм). Поэтому структура дискурса противоречива: в нем есть индивидуализированные акторы: (авторы, основатели) и есть анонимные передаточные звенья.

Дискурс может быть связан не только с акторами, но и со структурами. В символическом интеракционизме П. Бурдьё он образует круг культуры и культурной репрезентации и связан с символическим конструированием смысловых порядков. Подведем итог функциям дискурса:

- интегрирующая;
- идентификационная;
- социализирующая;
- политическая;
- институциональная (языки и практики семьи, школы, вуза, армии, трудовых коллективов);
- познавательная-образовательная (профессиональные языки);
- символическая (маркировка социального пространства).

Мы выяснили, что термин «дискурс» имеет два основных значения: 1) микроанализ языка, языковая прагматика, как используется язык в каких-то контекстах, 2) нарратология знания, вышедшая из объема неких первичных текстов.

Дискурс — это не только социокультурная телесность, языковой материализм (В.А. Кутырев), он стал также методологией. Сегодня предложено несколько видов дискурсивного анализа. Обратимся к понятийному аппарату философии постмодернизма, разработанному французской школой (Р. Барт, М. Фуко, М. Пеше, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, П. Серио):

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА — методология исследования дискурсивных феноменов на основании моделирования механизмов социокультурной детерминации дискурсивных практик, при этом лингвистический и идеологический анализ дискурса должны быть жестко дистанцированы друг от друга.

ДИСКУРС — вербально артикулированная форма объективации содержания сознания индивидов, социальных групп, классов; процессуальность социальной системы.

ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМАЦИЯ — идеологическая материальность текста, влияние классовых интересов на смыслопорождение; состоит из высказываний, текстов, идеальных фигур, накопления текстов, текстуального поля.

ДИСКУРСИЯ — сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения.

ДИСКУРСИВНОСТЬ — процессуальность и креативность смыслопорождения в социо-текстуальных формациях.

ДИСКУРСИВНЫЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ — трансформации, которым подвергаются в разных дискурсивных сферах основные эпистемические сущности (знание, мнение, вера, факт) и процедуры (верификация, истинностная оценка и т.п.).

ЗАБОТА ОБ ИСТИНЕ — термин для описания интенциональности и плюральности истины, процессов ее производства и легитимации, социокультурных механизмов контроля и ограничения дискурсивных практик (воля к истине).

ИНТЕРДИСКУРС — внешние по отношению к дискурсивной практике невербальные процессы, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних.

ИНТРАДИСКУРС — феномен конституирования семантически значимой дискурсивной целостности посредством интериоризации и имманентизации исходно внешних по отношению к ней дискурсивных элементов.

НОМИНАЛИЗАЦИЯ — метод выявления компонентов текста, системы механизмов и приемов введения имен в текстовую ткань, реконструкция текстовой памяти в виде имен, напоминающих о предложениях, которые были или могли быть произнесены до текста, вне текста или даже независимо от него, восстановление трансформаций, которые претерпел дискурс.

ОЗНАЧИВАНИЕ — символическое насилие, которое мы совершаем над вещами, выражение с помощью языковых средств интересов социальных групп и классов, диссеминация и деконструкция текстов.

ПИСЬМО — характеристика современного дискурса как конца нарратива и начало письма, гарантом присутствия которого является телесность.

ПОРЯДОК ДИСКУРСА — конкретно-историческое состояние дискурсивной среды, включает в себя модальности дискурса, дискурсивные ритуалы (квалификация, коммуникативная позиция, жесты и поведение), принадлежность к дискурсивному сообществу, распределение и циркуляцию дискурсов, социальное присвоение и закрепление на макроуровне общества (система образования).

ПРЕКОНСТРУКТ — определение места языка для фиксации феномена дискретного акта представленности того или иного дискурса (дискурсивного ряда) в другом дискурсе (дискурсивном ряду).

ТРАНС-ДИСКУРСИВНОСТЬ — преодоление доминирующего дискурса, выход за рамки преконструктов.

ЭРОТИКА ТЕКСТА — процесс самоорганизации текста, функционирование языка по отношению к самому себе, парафразические отношения, реализующиеся внутри матрицы смысла, присущей данной дискурсивной формации, и приводящие к устранению автора как генератора текста [17].

Таким образом, социолингвистическое направление французской школы изучает определенные социальные закономерности функционирования текстов в обществе.

Существует также семиотико-лингвистический метод — критический дискурсивный анализ (КДА), с помощью которого исследуется идеологическая функция языка [26]. Голландский исследователь Ван Дейк на основании изучения газетных новостей, речей ученых, парламентских дебатов, корпоративных нарративов демонстрирует, как дискурс становится частью воспроизводства тех или иных идеологий. КДА выделяет микро- и макроуровни социального порядка, а также предлагает следующую матрицу для изучения: индивиды — группы, социальные акты — процессы, структуры — контексты, личное — общественное знание.

Ю. Хабермас также связывает дискурс с прагматикой речи: это политика знания, управление определенной нормативной лексикой: власть, доминирование, идеология, контроль СМИ, экспертократия, класс, раса, гендер, этнические меньшинства, черные, беженцы, терроризм, дискриминация. Некоторые формы описания действительности с точки зрения дискурсивного анализа являются мифологема-

ми (дискурсемами), гипостазирующими реальность: тоталитарная секта, промывка мозгов, зомбирование, гипноз и т.п.

Мы живем в эпоху, когда следует, помимо научных фактов, выделять еще дискурсивные и медийные факты. Конечно, в этом случае «фактуальное» знание размывается, подменяется дискурсивной, интересубъективным процессом смыслопорождения. Если научный факт — это точный, объективный фрагмент реальности, истинность которого может быть доказана, медийные и дискурсивные факты зачастую не могут быть верифицированы, в силу: 1) уникальности события и невозпроизводимости в других условиях, 2) большого постпиаара, не оставляющего шансов на иную трактовку событий, 3) их лингвистического характера (поэтому авторы Википедии при описании таких фактов вынуждены воспроизводить все дискурсы на эту тему).

Процедуры формирования медийного и дискурсивного факта значительно отличаются от перцептивных и материально-практических фактов, в достоверности которых можно удостовериться при помощи наблюдения и эксперимента. Дискурсивно-медийный факт (дискурсема), однако, может быть подвергнут измерению и сравнению, благо для этого сегодня в Интернете существуют хорошие инструменты (Гугл трендс, например), способные фиксировать силу и эффект факта по степени упоминания, цитирования, обращения, комментирования. И, конечно, дискурсема обладает таким свойством, как общественное признание, в этом и заключается их главная убедительность.

Итак, дискурсема (дискурсивно-медийный факт) — это фрагмент социокультурной действительности, обладающий следующими признаками: 1) артикулированность, 2) дискретность, 3) интересубъективность. При этом особенность медиафакта заключается в том, что он опосредован техническими средствами, что может накладывать отпечаток на восприятие истинности (*media is the message*). Например, при медиатизации факта о захвате марсианами Кремля восприятие истинности и социальное постэффект последовательно растут: а) высказывание на интернет-форуме, б) заметка в бульварной газете, в) сообщение на радио «Эхо Москвы», г) главный репортаж в новостях «Первого канала».

Р. Келлер, современный немецкий исследователь дискурса, предлагает соотнести герменевтический анализ и дискурс [25]. Первое, что должно быть сделано — это ограничение дискурса. Для этого выбираются критерии ограничения: место, время, издание, автор и т.п. В то же время мы должны найти связь с другими дискурсами и посмотреть, есть ли интердискурсивность. Далее необходимо структурировать наше изучение текстов. С одной стороны, нужно уменьшить количество материала, с другой — увидеть, как он будет связан с другими. Кроме того, следует определить то, что является ключевым текстом, т.е. тем, с которым другие всегда соотносятся. В своей идентификации этот текст занимает особое место. Так, ключевым текстом к пониманию адорновской эстетики является его совместная работа с М. Хоркхаймером «Диалектика просвещения». Главной для социологии знания является книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966). Для фундаменталистов важно последнее письмо Мухаммеда Аттахы, написанное до того, как он совершил нападение на башни в Нью-Йорке.

Ключевой текст формирует герменевтический круг: с его помощью можно интерпретировать другие тексты, а они, в свою очередь, не могут быть поняты без него. Следует учитывать то, какова роль говорящего в тексте (политик, юрист, врач). Социология знания помогает эмпирически реконструировать ситуативные процессы негоциации, а также артикуляции индивидуальности, понимание формообразования знания на индивидуальном уровне.

Р. Келлер предлагает следующие этапы анализа дискурса: 1) выделение ключевых понятий, 2) постановка уточняющих вопросов, 3) построение базы взаимозависимых значений количественными методами, 4) интерпретация значений в помощью качественных методов, 5) работа с границами контекстов — демаркация и ценностная характеристика [18].

Дискурсивный анализ обнаруживает много общего с социальной феноменологией в части следующих атрибутов:

1) артикулированность (дискурс должен быть озвучен, чтобы быть);

2) серийность (дискурс — это многократные речевые и социальные практики);

3) типизация высказываний (утверждения должны быть согласованными (О.М. Сметанина называет это «стереотипизация» [18]);

4) селективность (групповое мышление осуществляет ценностную выборку из множества утверждений для профилирования своих интересов; дискурсы могут существовать, потому что редуцируют сложность [24, с. 20]);

5) репрезентативность (иерархия дискурсов, доминирующие и миноритарные дискурсы);

6) интересубъективность (договорная концепция истины);

7) модальность (дискурс способен нести дополнительную информацию);

8) автопоэтичность, фрактальность (дискурс — это система, которая воспроизводит сама себя);

Можно выделить также некоторые феноменологические акциденции дискурса:

1) анонимность (при наличии ключевых текстов масса людей, повторяющих эти мантры, действует неосознанно, как коллективное бессознательное);

2) медийность (сегодня не достаточно только выразить мнение, важно еще его воспроизвести через технические средства);

3) креативность (например, философия превращается в бесконечные потоки импровизации великих гуру, выторговывающие новые оттенки смысла, маркирующие пространство, — марка «Деррида» ничем не отличается от марки «Форд») [4, с. 11];

4) подвижность, динамичность (например, интернет-форумы).

Дискурсивная стратегия, как и социокультурная феноменология, позволяет универсализировать субъективный мир и представить его как объект научного изучения. Культура — это и производство, и продуцирующая сила и конечный продукт производственных отношений. Ее полное понимание если и возможно, то только как самоконструирующегося процесса, где значительное место занимает овеществление дискурсов, материализация речевых высказываний и волеизъявлений социальных групп (см. рис.).

Этот процесс походит на этапы институализации в социологии, однако не все дискурсы доходят до формализации. Допустим, новое религиозное движение может дойти до этапа институализации, а интернет-форум по организа-

ции флешмоба — остаться на уровне социальных практик.

ЭТАПЫ ОПРЕДЕМЧИВАНИЯ ДИСКУРСА

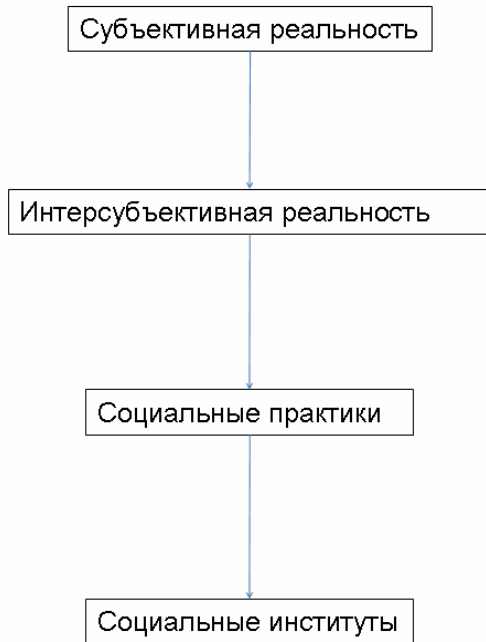

Рис. Опредемчивание дискурса

Социокультурная феноменология не может постулировать возвращения к самоданному и самоочевидному миру вещей, т.к. ее объекты, как и в дискурсивном анализе, многозначны, динамичны и активны. Их сближает стремление к беспредпосылочному познанию мира, радикальное очищение предмета познания от многочисленных наслоений, различение общественных процессов и модусов их восприятия (мифологических, религиозных, философских, научных, политических и пр.).

Социальная феноменология и дискурсивный анализ имеют важную методологическую функцию, т.к. дают нам адекватный способ познания общественной динамики. Мы можем говорить о политиках-рептилиях, инопланетянах, детях-индиго, плачущей иконе Сталина и при этом оставаться научными. Социальные науки не могут отмахиваться от дискурсов, табуируя их как ненаучные. Напротив, нас должно очень интересоваться то, кто говорит, что говорит, кому говорит и с какой целью. Само по себе высказывание уже является дискурсивным и медийным фактом. При этом социокультурная феноменология уточняет, что в этом случае мы име-

ем дело не с регулярно воспроизводимым природным явлением, а с фактом особого рода, имеющим следующие признаки: 1) интенциональность, 2) коммуникативность, 3) выражение интересов группы.

На основе дискурсивных методик мы предлагаем феноменологический анализ — список вопросов, поставленный к дискурсу, медийному продукту, художественному произведению, позволяющий прояснить содержание мышления социокультурных групп:

- 1) кто говорит и какова его позиция в тексте?
- 2) для какой целевой аудитории?
- 3) каково послание? с каким ключевым текстом (нарративом, мифом) соотносится говорящий?
- 4) какая лексика используется и какие гештальты вызывает? в каком экстралингвистическом контексте существует дискурс?
- 5) какие средства передачи дискурса используются? как осуществляется диссеминация?

б) какая социальная группа объективирует содержание своего сознания через дискурс?

Феноменологический анализ предлагает строгую описательную процедуру для дискурсивных и медийных объектов, и в этом актуальное значение социокультурной феноменологии. Дискурсивный анализ находится в русле феноменологической стратегии и означает строго фактологический подход, предполагающий редукцию предрассудков обыденного или узкоспециального сознания по отношению к социокультурным явлениям. Последнее не менее важно — необходимо «преодолеть разрыв между научными абстракциями и тем повседневным миром, в котором живут люди» [14, с. 11].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Барт Р. Мифологии // Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
3. Гутнер Г. Онтология математического дискурса. URL: www.philosophy.ru/gutner/ont.htm (дата обращения: 29.08.2012).
4. Дахин А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Нижний Новгород, 2011.
5. Деррида Ж. О грамматологии. Москва, 2000.
6. Ибатуллина Г. Слово Покаянной исповеди и

- текстовое сознание. URL: www.philosophy.ru/library/ibatul/ibatul.html (дата обращения: 04.09.2012).
7. *Киященко Л.П.* В поисках исчезающей предметности: (Очерки о синергетике языка). URL: www.philosophy.ru/iphras/library/kiyaschenko (дата обращения: 31.08.2012).
8. *Киященко Л.П.* Мифопоэзис научного дискурса. URL: <http://iph.ras.ru/page47850562.htm> (дата обращения: 31.08.2012).
9. *Кругликов В.А.* Незаметные очевидности. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/kruglikov.html (дата обращения: 28.08.2012).
10. *Кутырев В.А.* Философия постмодернизма. URL: www.philosophy.ru/library/kutyrev/postmodernphil.html (дата обращения: 31.08.2012).
11. *Латино-англо-русский* словарь философских терминов // <http://www.philosophy.ru/library/aquino/vocabularium.html> (дата обращения: 28.08.2012).
12. *Мамчур Е.А.* Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности. URL: www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm (дата обращения: 03.09.2012).
13. *Молодцова Е.Н.* Пограничные территории науки. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/granitsy/molodcova.htm (дата обращения: 04.09.2012).
14. *Ненашев М.И.* Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. 2010. №2. С.6–11.
15. *Неретина С.С.* Автор и дискурс. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm (дата обращения: 14.09.2012).
16. *Огурцов А.П.* Благо и истина: линии расхождения и схождения. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/ogurzo (дата обращения: 04.09.2012).
17. *Постмодернизм.* Энциклопедия. Минск, 2001.
18. *Сметанина О.М.* Язык и образовательная политика (выступление) // Диалог мировоззрений: современное образование в поле научных и религиозных традиции. Нижний Новгород, 2011.
19. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и Наука конца 20 века. М., 1995.
20. *Тищенко П.Д.* Аналитика научного дискурса. URL: www.philosophy.ru/iphras/library/philnauk.html (дата обращения: 03.09.2012).
21. *Фуко М.* Археология знания. М., 1996.
22. *Фуко М.* Дискурсия и человеческое бытие // Фуко М. Слова и вещи. URL: www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html (дата обращения: 29.08.2012).
23. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.
24. *Шубрт И.* Парадоксы коллективной памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Нижний Новгород, 2011.
25. *Keller R.* Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. Wiesbaden, 2008.
26. *Principles of Critical Discourse Analysis* (Dijk T. van), *Discourse Critical Discourse Analysis* (Fairclough N.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (Wodak P.R., Meyer M.), *Text, Context, Pretext Critical Issues in Discourse Analysis* by (Widdowson H.G.), *Discourse: A Critical Introduction* (Blommaert J.), *Critical Discourse Analysis and Language Cognition* (O'Halloran K.)
27. *Townshend J.* Discourse theory and political analysis: a new paradigm from the Essex School? // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2003. Vol.5 (1). P.129–142.

DISCOURSE ANALYSIS AS A PHENOMENOLOGICAL STRATEGY
OF SOCIO-CULTURAL DESCRIPTION
Elena A. Timoschuk

*Vladimir branch of Nijniy Novgorod State Linguistic University;
73, Lenin av., Vladimir, 600036, Russia*

Phenomenological methodology is a promising tool for the analysis of cultural text and such is a discourse analysis. Author takes discourse as a language-value formation, which articulates and negotiated it's identity, interests, cognition, models of behavior. The paper develops the topic of genesis, meaning and typology of discourse analysis and it's isomorphism with phenomenology.

Key words: phenomenology of culture; socio-cultural objects; discourse; discourse analysis; social constructivism; negotiation of socio-cultural objects status.

УДК 316.772.5

THE PHILOSOPHICAL GROUNDS OF THE PROBLEM OF RECOGNITION AND UNDERSTANDING OF THE TEXT BY ARTIFICIAL SYSTEMS*

M.V. Zhigaltsova

The philosophical grounds of the problem of recognition and understanding of the text by artificial systems are discussed in the article. Author suggests that creation systems that can recognize texts and understand our speech by man is possible and rightfully. However, author believes that the human should be careful with heuristic abilities in such system, because any system that can make decision without human is dangerous potentially.

Key words: artificial intelligence; text recognition, optical character recognition.

«The book seems to us as a “wheel of knowledge and imagination”. It cannot be stopped by any technological revolution». That was proclaimed by philosopher U. Eco and script writer J. Carriere in their work «N’esperez pas vous debarrasser des livres» [1]. Why is it impossible to get rid of the books even now, when we use e-books? Is it possible that the system will understand texts as good as we can? Can the system do it better than we? These questions are really important for the future of mankind.

The introduction to the artificial systems and technologies of the text recognition

Cybernetics is the science about the information transfer in different systems. There is a technology of the text recognition in the context of this science. Such a technology is implemented thanks to the artificial intelligence. This trend appeared in 1956 in the USA at the Stanford University [5].

Artificial intelligence is not only about robotics and gaming system. It is also about the creation of the technologies of the text recognition.

However, the recognition of the text does not mean its understanding. For example, let’s examine Japanese poem hokku:

Where is it? The wind that is painted cherry petals.

It disappeared traceless. They say: the earth is covered with snow.

There is still something, you can admire!

Naturally, computer will recognize this text but it will not understand it. It must understand Japanese culture and philosophical implication. It must read between the lines in other words. It means that the understanding is impossible.

However, some troubles can arise during the semantic interpretation. For example, «The wind that is painted cherry petals». Such a metaphor will

* Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», Соглашение № 14.В37.21.0510, проект «Развитие теоретико-методологических исследований по философии языкового сознания» Работа представлена в качестве материала на XV Международную научно-практическую конференцию студентов, аспирантов и молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, психологии, социологии и политологии» (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 29–30 ноября 2012 года).

not be understood by the computer because the wind is actually colorless. Moreover, it cannot be traceless. Thus computer will not understand metaphorical lines. To make such an understanding possible, we have to create the system that has a large knowledge base and abilities to semantic interpretation and syntactic analysis, i.e. heuristic abilities.

The first attempt to create such system was in 1929 in Germany. It was Gustav Tauschek's machine [3]. Now there are many optical character recognition programs. The most well-known are «ABBY FineReader» and «CuneiForm». These are standard programs that are available for all PC users. They are written standard programming languages, like C or C++. However, we will examine more complicated systems that can understand human speech and even generate the answer. For example, such robots like ASIMO or KATE.

How can we make it possible?

If we want to create the system that can apprehend, process and use the information that is transferred in the human speech, we have to create the system that has all the cognitive markers that all the humans have. Everyone who lives in human society has cognitive base, i.e. the essential knowledge that is characteristic of all the people who live in the same society. For example, the child who was brought up in the European society knows what the television is. However, the child who was brought up in the Maori tribe in New Zealand has never seen a TV. Obviously, this child does not know what the television is.

Everyone has a range of concepts. For example, truth, good or love. There is no exact definition of these ideas. However, these ideas are used by us so often. Talking about other concepts, we have to notice that these concepts are the reflection of our ethnic view and bricks for «the house of the truth of being» building according to M. Heidegger [2]. Concepts are the empirical result of our life activity. Also they have our personal appraisal.

If we want to create the system that can exist in the human society as good as human can, we have to create the huge knowledge base and put as much information as possible into there. Computer can understand us until we will talk only within the framework of its knowledge base. Also we have to

use clearly structured sentences with a perfectly correct grammatical structure. Is it possible in our daily speech? Of course, no. We use expressive means of language, metaphors, similes and epithets. Sometimes these expressive means of language are clear only to us ourselves. Moreover, how can the system understand such ideas like love or friendship? How can the system make moral choice? There will be always the limits of its functioning.

For example, «SHRDLU» was created in 1968–1970 in the US. This system worked with geometric figures [4]. The system could distinguish different geometric figures. All in all, it's functioning was really successful. Another example is PC Friend ECC Eliza. This system is available for download. Friend ECC Eliza simulates psychotherapist. Eliza can ask questions about your problems. However, if you want to talk about something else, something that is not connected with psychotherapy, Eliza will ask you to change the topic of the conversation.

Perspectives

Why do we need the systems that can recognize texts and understand our speech? Certainly, it will optimize our activity and help us. However, there is philosophical problem. Is the creation of such system rightfully? We think that it is rightfully. The development of such systems can really improve our life. Until these systems are limited its subject area, they cannot seize the world and threaten human. We should be careful with heuristic abilities in such system. To our point of view, this area must be restricted. The system that can make decision without human is dangerous. Moreover, there is another side. As much we know about human brain, as easier it is to control and rule over the people.

We still do not know whether it is possible to create the system that is identical to human or not, because we still do not know all the things about us or our consciousness. We all can understand some people; probably it is the highest point of our abilities.

Literature

1. *Carrière J., Eco U. N'esperez pas vous débarrasser des livres.* Bernard Grasset. Paris, 2009.

2. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967.
  3. *Optical character recognition* [E-resource]. URL:http://en.wikipedia.org/wiki/Optical_character_recognition (date of use: 20.07.12).
  4. SHRDLU [E-resource]. URL: <http://hci.stanford.edu/winograd/shrdlu/> (date of use: 25.07.12).
  5. STAIR: STanford AI Robot [E-resource]. URL: <http://stair.stanford.edu/> (date of use: 17.07.12).
-

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ И
ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА ИСКУССТВЕННЫМИ СИСТЕМАМИ
Мария Викторовна Жигальцова

*Пятигорский государственный лингвистический университет;
357500, Пятигорск, пр. Калинина, 9.*

Обсуждаются философские основания проблемы распознавания и понимания текста искусственными системами. Автор утверждает, что создание систем, которые могут распознавать тексты и понимать нашу речь, возможно и оправданно. Однако автор полагает, что человеку следовало бы быть более осторожным в отношении эвристических способностей таких систем, поскольку любая система, которая может принимать решения без человека, потенциально опасна.

Ключевые слова: искусственный интеллект; распознавание текста; оптическое распознавание символов.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ

Д.Г. Трунов

Отношения между людьми нуждаются в структурировании. Структурирование происходит по правилам коммуникативных моделей, в основе которых лежат многообразные метафоры, которые заимствованы из разных сфер жизни и которые можно эксплицировать из описания межличностных отношений. В статье рассматриваются наиболее распространенные метафорические модели, структурирующие взаимоотношения между мужчинами и женщинами: война, деловые отношения, торговля, механистические метафоры и др.

Ключевые слова: структурирование; коммуникативные модели; гендерные отношения; метафоры; прототипические модели.

Передо мною человек. Мне хочется с ним общаться, а потому мне важно знать, что с ним происходит, о чем он думает, что чувствует, как относится ко мне, к тому или иному событию, что собирается делать и пр., — это знание имеет для меня коммуникативное и экзистенциальное значение. Одновременно с этим, я не могу проникнуть в его мысли. Я не знаю, чего от него ждать. Я могу лишь предполагать, догадываться, придумывать. Однако мои фантазии уводят меня далеко, поэтому мне нужна дорога, маленькая тропочка, идя по которой, я не забреду в опасную для меня чащу леса, леса чужих мыслей и желаний.

Потребности общаться с другим часто сопутствует нечто противоположное этому стремлению — чувство *тревоги*, связанное с неопределенностью и непредсказуемостью. Быть может, отношения с *другим полом* более всего кажутся исполненными какой-то непонятной опасности. Если однополые партнеры-собеседники еще как-то знакомы (по некой интуитивной аналогии), то другие — люди другого пола — это представители совершенно иного мира, у них другая жизнь, другая психология. Если «чужая душа — потемки», то душа

противоположного пола — таинственный мрак, вызывающий одновременно и страх, и желание.

Приблизиться к этому желанию и при этом успешно избежать насыщенных экзистенциальной тревогой спонтанных отношений «Я–Ты» [1] позволяет внешнее *структурирование*, или *формализация*, межличностных отношений, т.е. создание некоей канвы, в пределах которой будет протекать ситуация общения. Человеку, по словам Э. Фромма, нужна «система координат», некая карта социального мира; иначе «он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно»; это «точка опоры», которая дает возможность человеку ориентироваться в пространстве социальной коммуникации и позволяет ему классифицировать все впечатления, обрушивающиеся на него [4, с. 200].

По каким же правилам строить отношения с другим человеком? Поскольку правила, безусловно, необходимы. В этом вопросе невозможно довериться случаю. Человеку нужна уверенность в том, что не будет никаких неприятных неожиданностей, только так от общения можно получить удовольствие и радость. Чем же тогда осветить темную область межличностных отношений, полную неопределенности и риска?

Как ее упорядочить, как разметить координаты? Откуда для этого взять пример или шаблон? Скорее всего, ни один из этих вопросов обычно не осознается и не вербализуется. Усвоение образцов, моделей общения с противоположным полом происходит естественным образом и постепенно — посредством языка. Самые обыденные слова и выражения формируют образ человека другого пола, определяют впечатление о том, как с ним надо общаться («обращаться»).

Анализ некоторых общеупотребительных фигуративных высказываний (тропов, фразеологизмов), описывающих межличностные ситуации, дает возможность реконструировать метафоры, положенные в основу межличностных стратегий. Функция метафоры в контексте социальной коммуникации состоит в том, чтобы обеспечить человека координатной сеткой, или схемой, помогающей упорядочить ситуацию общения. Метафора (греч. *methaphora* — перенесение, от *metha* — пере-, через-, *phoro* — несу) — это *условная* реальность, «образная концептуализация», перекидывающая мостик к *безусловной* реальности. Впрочем, эти тонкости обычно не осознаются носителями языка-дискурса, а метафорическая модель отождествляется с действительной моделью мира. Метафорическая формализация (структурирование) межличностных отношений контролирует проявление живой, спонтанно заявляющей свое право на существование человеческой сущности (экзистенции), позволяет овладеть ситуацией общения и чувствовать себя в ней уверенно.

Практически любая социальная коммуникация опирается на некую *прототипическую ситуацию* (греч. *prototypon* — прообраз, модель), т.е. на *метафорическую модель*. Человеку на помощь приходят не только различные житейские типологии, основанные на явных метафорических проекциях (гороскопы, сонники и пр.), взаимоотношения людей пронизывает гораздо более глубокая символика. Заимствованные из различных сфер человеческого опыта, например из профессиональной деятельности, где отношения между участниками достаточно формализованы, где для каждого из них предназначена определенная роль, такого рода иносказательные схемы (модели) привносят свои специфические правила и законы, которые, воплощаясь в сфере межличностных от-

ношений, чаще всего успешно «работают» в новых условиях.

Глобальная укорененность иносказания в языке дает основание предполагать об иносказательном характере человеческого мышления. Американский лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон утверждают, что метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути»; благодаря ей иносказание «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [2, с. 387].

Так, «схемы-модели», рожденные в одной области знаний, *переносятся* в другие области человеческого опыта, где они выполняют функцию метафорических моделей, обладающих некоторым эвристическим потенциалом, позволяющим понять одно явление через другое. По мнению М. Минского, аналогии дают возможность увидеть какой-нибудь объект или идею «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой [3, с. 291–292.].

Ниже будут рассмотрены некоторые метафорические модели, которые можно эксплицировать из повседневных выражений, описывающих межличностные отношения.

В основу, пожалуй, одной из самых популярных моделей отношений между мужчинами и женщинами положена *метафора войны*. Участники общения выступают здесь как представители противоборствующих лагерей, а отношения между ними описываются военными терминами. Цель отношений, предусмотренных этой моделью, — «завоевать» друг друга (или, как минимум, «покорить сердце»). При этом средства на «любовном фронте» выбираются соответствующие: «напирать», «пленить», «защищаться» и пр.

Другая модель-метафора, скорее всего, напротив, пытается упорядочить взаимоотношения между представителями разных полов. Межличностные отношения здесь структурируются по образу и подобию *деловых отношений*. В этой модели ярче всего проступает мечта человека о спокойном, неотягощенном неожиданными счастьем в личной жизни. Пове-

дение участников общения опирается на категории «прав» и «обязанностей», на понятия «долга» и «ответственности». Слова и выражения, описывающие такие отношения, заимствованы в основном из *юридической сферы*. Обычные знаки внимания (а тем более признания в любви) здесь равносильны подписанию «контракта», предполагающего обязательства как с одной, так и с другой стороны. Воплощением этой модели является институт брака — для многих людей «гарант» счастья и стабильности. Однако и аномалии гендерных отношений также могут описываться через юридические метафоры: «Она украла у меня 10 лет жизни»; «Он убил во мне женщину».

Близкая к предыдущей метафорическая модель описывает взаимоотношения между мужчинами и женщинами как *торгово-экономическое взаимодействие*. Исходя из этой модели участники общения предстают друг перед другом как продавцы («Какая мне от этого выгода?»), покупатели («Что мне это будет стоить?»), инвесторы («Я вложил(а) в нее(него) столько сил, а толку никакого!»). В основе «гендерной торговли» лежит взаимовыгодный обмен ресурсами (эмоциональными, поведенческими, телесными и пр.), поэтому эту модель можно также назвать метафорой обмена.

Перечисленные выше метафорические модели пришли из разных сфер человеческого опыта — главным образом из профессиональной деятельности, — где отношения между участниками достаточно формализованы, где для каждого из них предназначена определенная роль. Воплощаясь в сфере отношений между противоположными полами, эти модели приносят с собой свои специфические правила и законы, которые успешно «работают» в новых условиях. Любопытно, что некоторые прототипические коммуникативные ситуации уже ушли в прошлое (или встречаются весьма редко и только в некоторых культурах), но прекрасно работают в гендерных отношениях, например: «хозяин/хозяйка и раб», «господин/госпожа и слуга».

Кроме упомянутых метафорических моделей, которые взяты из других — не гендерных — отношений, можно обнаружить и другие метафоры, заимствованные вообще не в коммуникативной, а предметной сфере.

Следующая метафора является, пожалуй, наиболее *архаичной* из всех. Эта метафора коренится в анатомических различиях между мужчиной и женщиной, а именно в различиях между их половыми органами и теми функциями, которые они выполняют в половом акте. Согласно *анатомической метафоре*, мужчина (как и его фаллос) должен быть крепким, напористым, активным, проникающим; а женщина (следуя ее анатомии) — податливой, мягкой, пассивной, принимающей.

В основе следующей модели, не являющейся, впрочем, специфической для гендерных взаимоотношений, лежит известная метафора *«человек — машина»*. Партнер по общению здесь представляется как механизм, которым можно «управлять», надо только знать соответствующие «кнопочки»: нажми и получишь результат. Механизм может быть грубым, вроде автомобиля, тогда речь идет о «рычагах», а может быть тонким, вроде компьютера, тогда говорят о «программировании». Дейл Карнеги, например, прославился тем, что провозгласил универсальным рычагом для всех людей «чувство собственной значимости». Ярким примером реализации механистической метафоры является понятие «манипуляция» (лат. *manus* — рука).

Механистическая метафора генетически связана с метафорой *«отношения — это предмет-вещь»*. Благодаря этой метафоре взаимоотношения *субстантивируются*, т.е. превращаются в *вещи*, самые разнообразные по своему «качеству», например: «Эти отношения для меня дороги»; «Наши отношения прогнили насквозь»; «Он полностью разрушил все то хорошее, что между нами было»; «У нас очень прочные/непрочные отношения»; «Я хочу восстановить наши отношения». В качестве предмета-вещи могут выступать не только взаимоотношения, но и сами партнеры по общению. *Партнеры-вещи* могут «идеально подходить друг другу», «составлять единое целое», а могут быть «несовместимы». Свойства человека-вещи чаще всего крайне редуцируются, полностью исключаются такие атрибуты личности, как «активность», «свобода», «внутренний мир» и пр., напротив, человек (его чувства и поступки) приобретает свойства, которыми мы обычно описываем предметы, теперь его (человека!) можно «использовать», «бросать» и пр.

Видимо, к этой же метафорической модели можно отнести известное обращение «дорогая»/«дорогой». Апогеем модели «другой — это предмет-вещь» является метафора «творец и его творение». При этом современным Пигмалионом может быть как мужчина, так и женщина: «Я его создала».

Вероятно, все метафорические модели в той или иной степени отражают реальность — иначе им не было бы места в дискурсе гендерных отношений, — однако согласимся, что ни одна из них не может претендовать на полную эквивалентность отражаемому (репрезентируемому). Метафора акцентирует внимание лишь на некоторых аспектах взаимоотношений и игнорирует остальные теоретически и практически возможные.

Прикладное значение темы коммуникативных метафор-моделей заключается в том, что

она всегда встречает живой интерес. Это прекрасный повод для рефлексии по поводу своих представлений об отношениях с противоположным полом, о целесообразности и ограничениях, связанных с той или иной моделью, и, наконец, — для размышлений о том, что же такое «настоящие отношения».

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С.387–341.
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–304.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

THE METAPHORICAL MODELS OF RELATIONSHIP BETWEEN MEN AND WOMEN *Dmitry G. Trunov*

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Human relations need structuring. Structuring happens by rules of communicative models at the heart of which the diverse metaphors borrowed from different spheres of life lie and which it is possible to explicate from the description of the interpersonal relations. In article the most widespread metaphorical models structuring relationship between men and women are considered: war, business relations, trade, mechanistic metaphors, etc.

Key words: structuring; communicative models; gender relations; metaphors; prototypical models.

УДК 159.9.072

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОТ ВЫРАЖЕННОСТИ УСТАНОВКИ НА АЛЬТРУИЗМ/ЭГОИЗМ*

А.А. Гайворонская

Рассматривается резульативная сторона социально-психологической адаптации студентов в зависимости от степени выраженности установки на альтруизм/эгоизм. У лиц с преобладанием установок на альтруизм получены высокие значения по таким шкалам социально-психологической адаптации, как принятие других, внешний контроль и ведомость. У лиц с преобладанием установок на эгоизм проявились следующие особенности социально-психологической адаптации: положительное отношение к себе в сочетании с критичным отношением к другим, склонность к доминированию.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация личности; социальные установки; альтруизм; эгоизм.

Исследование социально-психологической адаптации личности является одной из актуальных проблем современной науки. С точки зрения социально-психологического подхода адаптация понимается как сложный и многомерный процесс вхождения личности в социальную группу, усвоение ею сложившихся норм, отношений, занятие определенного места в структуре отношений между ее членами [3].

На успешность/неуспешность социально-психологической адаптации личности влияет множество различных факторов. Наиболее распространенной классификацией факторов, детерминирующих процесс социально-психологической адаптации, является дихотомическое деление факторов на внешние и внутренние, где под внешними факторами понимают условия социальной среды, а под внутренними — индивидуально-психологические возможности человека. Важность последних трудно переоценить, поскольку одни и те же внешние воздействия по-разному преломляются через внутренний мир личности. Решающее значение среди индивидуально-психологических характеристик личности имеют ее диспозици-

онно-установочные характеристики, включая социальные установки на альтруизм/эгоизм.

В психологическом словаре **альтруизм** (от лат. alter — другой) *определяется как система ценностных ориентаций личности, проявляющихся в актах заботы, милосердия, самоотречения, мотивом которых являются интересы другого человека или социальной группы.* Термин «альтруизм» введен французским философом О. Контом как противоположный понятию «эгоизм» [1]. Эгоизм (от лат. ego — я) — ценностная ориентация субъекта, характеризующаяся преобладанием в его жизнедеятельности своекорыстных личных интересов и потребностей безотносительно к интересам других людей и социальных групп. Проявлениям эгоизма присуще отношение субъекта к другому человеку как к объекту и средству достижения своекорыстных целей [1].

По мнению Н.В. Кухтовой, в альтруизме проявляется чувство симпатии, ориентированность на оказание помощи другому человеку. Основной движущей силой альтруистического поведения считается желание улучшить благополучие другой

* Исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Просоциальное поведение мигрантов и принимающего населения в условиях межкультурного взаимодействия», проект № 12-26-04000 а(м).

личности, не ожидая никакой награды. Центральная идея альтруизма — идея бескорыстия [2]. Другими словами, альтруизм находит свое выражение в бескорыстном поведении, осуществляемом ради других людей и не способствующем повышению приспособляемости самой совершающей это поведение личности.

В этой связи целью нашего пилотажного исследования стало изучение *результативной стороны* социально-психологической адаптации личности относительно социальных установок на альтруизм/эгоизм.

Исследование проводилось на базе Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова, специальность «Социальная работа», студенты 1 курса (50 человек), в возрасте от 17 до 20 лет, средний возраст молодых людей $M = 17,9$ лет, стандартное отклонение

$SD = 0,58$. Все испытуемые были отобраны на основе рандомизированного отбора. Женщины и мужчины были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы).

Методы исследования

Для выявления испытуемых с разными социальными установками, а именно с преобладанием установок «альтруизм» и «эгоизм», мы использовали методику диагностики личностной установки «альтруизм/эгоизм» [4]. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированная А.К. Осницким, помогла нам выявить количественные показатели эффективности социально-психологической адаптации [4].

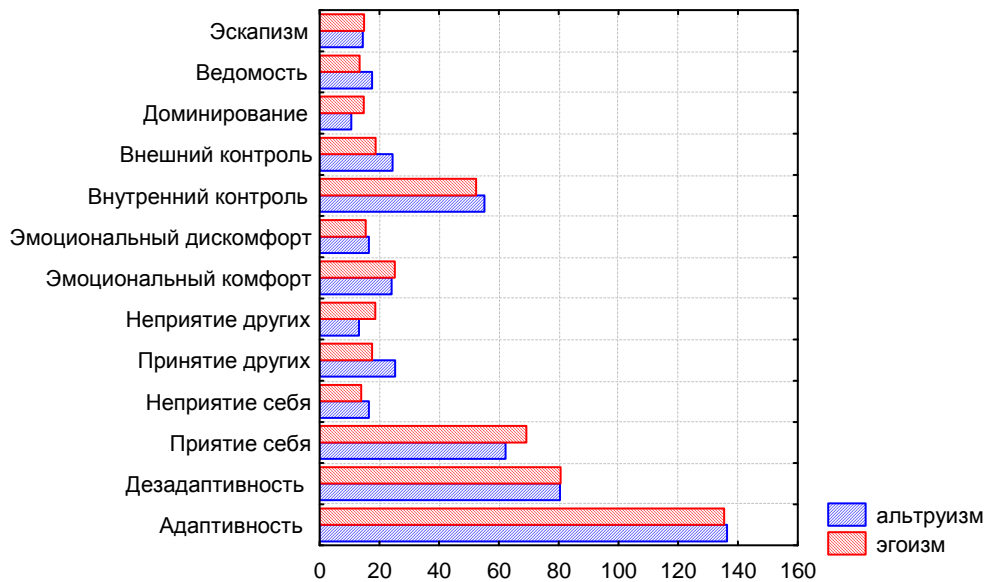

Рис. Показатели социально-психологической адаптации студентов с социальными установками на альтруизм и эгоизм

Описание и анализ результатов пилотажного исследования

В результате диагностики степени выраженности личностной установки «альтруизм–эгоизм» испытуемые разделились на две группы. К первой группе были отнесены лица с преобладанием установки на альтруизм (27 чел. или 54%). Вторую группу составили лица с преобладанием установки на эгоизм (23 чел. или 46%). Полученные данные указывают на небольшое преобладание в выборке испытуемых с альтруистической установкой, что, вероятно, в некоторой степени, обусловлено будущей специальностью испытуемых — социальная работа, которая напрямую связана с оказанием социальной помощи и социально-психологической поддержки людям, в них нуждающимся.

Далее мы исследовали уровень социально-психологической адаптации в каждой из выделенных групп. Для подтверждения различий в показателях социально-психологической адаптации от социальных установок на альтруизм и эгоизм был использован критерий Колмогоро-

ва-Смирнова. При этом значение *Asymp. Sig.* (Асимптоматический двусторонний уровень значимости) больше 0,001, что свидетельствует о наличии достоверных различий в эмпирических распределениях.

В данной таблице представлены показатели социально-психологической адаптации студентов в зависимости от преобладания у них социальных установок на альтруизм или эгоизм (рис.).

Как видно из данных рисунка, по большинству показателей социально-психологической адаптации, а также по обобщенным показателям *адаптивность* и *дезадаптивность* исследуемые группы практически не отличаются друг от друга. Однако можно отметить превышение средних значений в группе студентов с доминированием альтруистической установки по таким показателям, как *принятие других*, *внешний контроль* и *ведомость*. Это означает, что данных лиц отличает более высокий уровень дружелюбности к окружающим людям, к миру; принятие других, одобрение их жизни и отношения к себе в целом. Показатели шкал «ведомость» и «внешний контроль», вероятно, означают, что для тех, кто способен к совершенному альтруистическим поступкам, очень важно произвести на других впечатление и получить их одобрение.

В то же время у студентов с эгоистической установкой получены более высокие средние значения по следующим показателям социально-психологической адаптации: *принятие себя*, *непринятие других*, *доминирование*. Согласно методике, показатель *принятие себя* выражает позитивную самооценку и доверие к себе; самодостаточность, успешность (может, и за счет других), желание быть таким, какой есть, без учета мнения окружающих и, как следствие, *непринятие других* (другой показатель). Одновременно с этим показатели по шкале *стремление к доминированию* отражают степень стремления человека к доминированию в межличностных отношениях, говорят о склонности подавлять человека и чувствовать превосходство над ним. Иными словами, выражают самоуверенность, самодовольство, стремление к прагматически ориентированным взаимоотношениям с другими людьми.

Таким образом, проведенное нами исследование особенностей социально-психологической адаптации студентов в зависимости от преобладания у них социальных установок на альтруизм или эгоизм позволяет сделать следующие выводы:

1. Преобладание в диспозиционной структуре личности установок «альтруизм» или «эгоизм» не оказывает существенного влияния на обобщенные показатели социально-психологической адаптации *адаптивность*, *дезадаптивность*, а также на такие показатели, как *эмоциональный комфорт*, *эмоциональный дискомфорт*, *внешний комфорт* и *эскапизм*.
2. В то же время у лиц с преобладанием установок на альтруизм получены более высокие значения по таким шкалам социально-психологической адаптации, как *принятие других*, *внешний контроль* и *ведомость*. Это можно объяснить тем, что альтруистическое поведение, с одной стороны, предполагает безоценочное и безоговорочное принятие других, а с другой стороны, поддерживается общественным мнением и социальными нормами, выполняющими в данном случае роль социальных регуляторов альтруистического поведения, что в свою очередь должно способствовать эффективности социально-психологической адаптации личности в обществе.
3. Доминирование в диспозиционной структуре личности социальных установок на эгоизм обуславливает следующие особенности социально-психологической адаптации студентов: *положительное отношение к себе в сочетании с критичным отношением к другим*, *склонностью к доминированию*, что, вероятно, в определенных случаях может снижать успешность социально-психологической адаптации личности в группе.
4. Учитывая малочисленность выборки и пилотажность исследования, можно говорить не о строгих закономерностях, а всего лишь о тенденциях, показывающих роль социальных установок «альтруизм/эгоизм» в процессе социально-психологической адаптации личности и нуждающихся в более

тщательной проверке и эмпирическом подкреплении.

Список литературы

1. *Большой психологический словарь* / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ, 2009.
2. *Кухтова Н.В.* Содержательные и динамические характеристики личности школьников подросткового возраста с просоциальной направленностью: монография. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010.
3. *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы* / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007.
4. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002.

SPECIFICS SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
FROM EXPRESSIVENESS OF INSTALLATION ON ALTRUISM/EGOISM
Aleksandra A. Gayvoronskaya

Smolensk humanitarian University; 2, Herzen str., Smolensk, 214014, Russia

In article the productive party of social and psychological adaptation of students depending on degree of expressiveness of installation on altruism/egoism is considered, namely, at persons with prevalence of installations on altruism high values on such scales of social and psychological adaptation, as acceptance of others, external control and the sheet are received. At persons with prevalence of installations on egoism the following features of social and psychological adaptation were shown: the positive relation to in a combination to the critical relation to another, tendency to domination.

Key words: socio-psychological adaptation of personality; attitudes; altruism and egoism.

УДК 159.922.73+364.043.4

ОСНОВАНИЯ МЕТОДИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫМИ ДЕТЬМИ И ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ

В.Л. Чечулин, Е.А. Соромотина, Е.А. Пузракова

В соответствии с авторской интерпретацией теории кризисов развития (связанной с определенной структурой отражения действительности в сознании, обуславливающей структуру психологических возрастов), описана организация последовательных уровней вторичной адаптации дезадаптированных подростков. Исследованы особенности применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям.

Ключевые слова: кризисы развития личности; разрешение кризисов; вторичная адаптация подростков; принудительные меры воспитательного воздействия.

Введение

Методики работы с дезадаптированными детьми и несовершеннолетними правонарушителями имеют общие основания с психологическими представлениями о нормативном развитии личности и отклонениями от него.

Общая иерархическая структура сознания человека имеет основания в определенной 6-уровневой структуре отражения действительности, о чем свидетельствует наличие шести психологических возрастов в развитии личности. Эта 6-уровневая система проявляется как в организации социально-информационных систем и системы образования [9; 13], структуре научно-инновационного цикла [14], так и в структуре системы права [10], с тем отличием, что если у упомянутых выше структур определяющими уровнями являются достигнутые уровни обобщения (виды абстрактной деятельности), то в системе права структурирование связано с наличием ненормативной, деструктивной деятельности, пресекаемой посредством правоохранительной системы [15]. Структура сознания человека определяет и некоторые особенности организации социальной работы. В плане социальной работы, профилактики правонарушений, восстановления адаптирован-

ности подростков позитивным моментом этой структуры является не только систематизация видов отклоняющегося поведения, но и соответствующая им систематизация видов нормализующего конструктивного влияния семьи и социума, способствующая преодолению особенно первых недоразрешенных кризисов развития личности, восстанавливающая нормативное направление развития личности. Это восстановление является залогом по адаптации дальнейшей успешной социализации, а также условием предотвращения рецидивов у несовершеннолетних правонарушителей.

1. Психологические основания методики

Описание отражения действительности в сознании предполагает, что этому отражению подлечит и само сознание, как часть действительности, и само описание действительности (включающее и описание сознания, и описание самого описания), тоже как часть действительности. Схематично отражение действительности в сознании человека изображено на рисунке [12], при последовательном отражении наблюдается шесть стадий обобщенности понятий (что на практике соответствует шести психологическим возрастам). Усложнение представлений о себе и об окружающем мире связано с

Чечулин Виктор Львович — старший преподаватель кафедры прикладной математики и информатики; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; chechulinvl@mail.ru.

Соромотина Екатерина Алексеевна — выпускница кафедры социальной работы; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

Пузракова Екатерина Алексеевна — выпускница кафедры социальной работы; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

достижением определенного уровня самоосознания (соответствующего ему уровня абстрактности, обобщенности понятий). Эти уровни являются психологическими возрастами, а переходы между ними сопряжены с определенными кризисами развития, при переходе на следующий уровень обобщенности понятий и представления о себе. Кризисы развития впервые

описаны Выготским [1; 2], а уровни развития прослежены Пиаже [7] и Кольбергом. Каждому психологическому возрасту свойственен определенный уровень самоосознания и меры ответственности, или, в иных терминах, преобладающим является определенный вид деятельности.

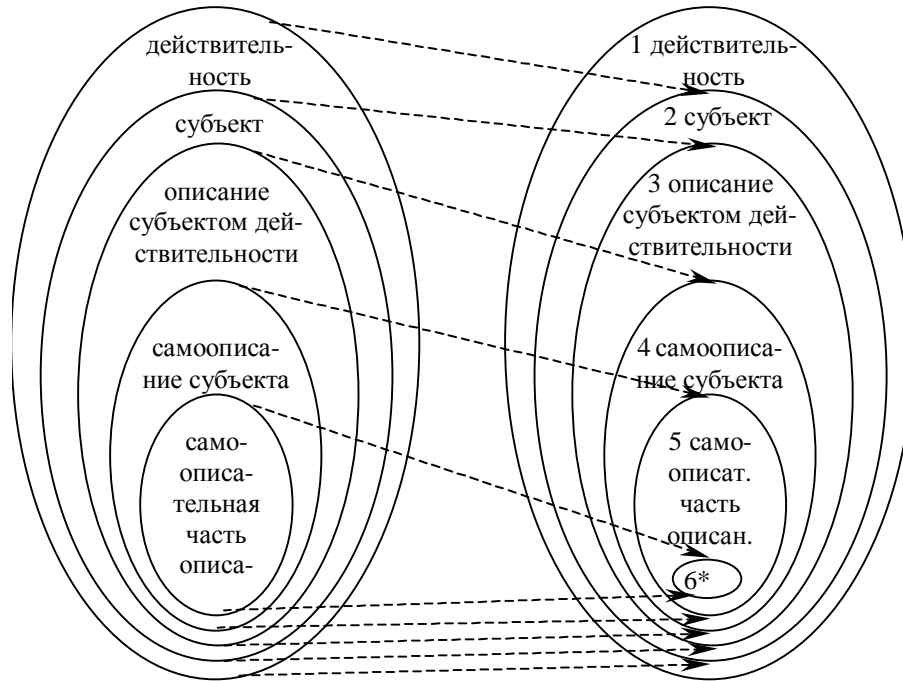

Рис. Схема отражения мира в самоосознании

6* — самоописание субъекта в самоописательной части описания мира.

При переходе на новый уровень самоосознания, при нормативном разрешении кризиса достигается следующий уровень обобщенности представлений о себе и понятий, т.е. поведение предыдущих и достигнутого уровней является сознательным (подконтрольным сознанию) — сознание (самоосознание) играет главную роль в отношении выполнения обобщения. В случае же ненормативного разрешения кризиса наблюдается незавершенность обобщения (частичная или полная), при этом внимание сосредотачивается на чем-то внешнем по отношению к самому человеку и поведение в этом плане не полностью подконтрольно сознанию, но стихийно определяемо внешними факторами, — таким образом, имеются предпосылки для ненормативного, отклоняющегося поведения. В слабой форме, подчиненной нормативному развитию, эти тенденции проявляются и в отдельные моменты самого кризиса в виде так называемого «негативизма» в поведении [2; 6].

Нормативное развитие в целом во многом способствует благополучному разрешению кризисов влиянием окружающей социальной среды.

Указанные на рисунке возможные отклонения в развитии, соответствующие определенным психологическим возрастам, обнаруживаются методом интроспекции непосредственно, а также (при анализе психологии правонарушений) прослежены в литературе для уровней самоосознания 1–5 (см. также работы Кольберга [8]):

1-е — сосредоточенность сознания на внешних вещах, оценка их выше ценности себя как субъекта;

2-е — сосредоточенность сознания на собственной субъектности (эмотивно мотивированное поведение), без признания ограничений собственной субъектности наличием иных субъектов;

3-е — выбор авторитетов, иных, чем долженствующий авторитет родителей;

4-е — произвольная (деструктивная) правилосообразность, особенность, поведения;

5-е — неспособность сохранить наличную общественную структуру связей, окружающую личность, определяемую местом в обществе, занимаемым личностью.

Выделенные в [3] пять десоциализирующих акцентуаций (отвергаемых ценностей) при исследовании психологии отклоняющегося поведения несовершеннолетних (до 18 лет) правонарушителей совпадают по содержанию с кризисными состояниями развития.

В более ранних исследованиях отклоняющегося поведения [5] также обозначены те же самые ветви непреодоленных кризисов развития, а именно: 1) «неадекватное опредмечивание потребности», 2) несознание значения своих действий «преимущественно из-за недостаточного опосредования действий процессом осознания их мотивов и последующей смысловой оценкой», 3) групповая зависимость, «слабое развитие волевой регуляции поведения», ориентация на других (зависимость от ложного авторитета), 4) обвиняемые в противоправных действиях, способные «в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими», развитие их «соответствовало нормам среднего и старшего школьного возраста», — четвертого психологического возраста.

Таким образом, из подтверждений практического психологического анализа видно, что недоразрешенные кризисы развития личности являются основой для возможности отклоняющегося, дезадаптивного и противоправного поведения.

Поэтому преодоление этих недоразрешенных кризисов развития возможно только последовательно, от низших к высшим, в системе нормализующих, конструктивных влияний семьи и социума, способствующих возвращению соответствующих психологическим возрастам уровней деятельности под контроль сознания самого субъекта («возвращению субъекта из критического состояния в самого себя»).

2. Повторная адаптация подростков

В соответствии с гносеологическими основаниями отражения действительности в сознании человека в возрастном развитии человека наблюдается шесть последовательных психологических возрастов, перемежающихся кризисами развития [1; 15]. Нормативное развитие свя-

зано с разрешением кризисов и подчинением следующего уровня обобщенности поведения сознательному регулированию. На начальных этапах развития велика нормализующая роль семьи и социума. При дезадаптации ребенок лишается компенсирующих, нормализующих механизмов влияния, помогающих преодолеть, разрешить кризисы развития, поэтому его поведение скатывается в сторону отклоняющегося и ненормативного, что в дальнейшем может повлечь асоциальное, преступное поведение [15]. Поэтому при социализации дезадаптированных детей важно последовательно содействовать разрешению кризисов развития, формируя при этом определенные уровни морального поведения, соответствующие достигаемым по разрешению кризисов психологическим возрастам. Наиболее важно преодоление первых кризисов развития. По ступеням, следующим из схемы кризисов развития [15], основные этапы работы с детьми таковы:

а) Восстановление и формирование навыков самообслуживания.

1. Преодоление страха в общении с детьми, установление эмоционального контакта.

2. Восстановление первичных навыков самообслуживания (сопровождается чувством удовольствия от сытости и т.п.).

б) Восстановление и формирование навыков организации собственной деятельности во времени.

3. Подчинение внешнему порядку, расписанию (достигаемое при круглосуточном пребывании в адаптационном центре).

4. Формирование правилосообразного поведения, необходимого для первичного профессионального обучения и дальнейшей социальной адаптации.

(Дальнейшие этапы выходят за рамки деятельности адаптационного центра, но приводятся для полноты картины).

в) Культурная адаптация и создание семьи, выполняемые самостоятельной личностью.

5. Самостоятельное усвоение норм и ценностей, культурно скрепляющих общество.

6. Создание семьи, воспитание следующего поколения.

В соответствии с этими основаниями, связанными с особенностями развития личности, и строится работа по адаптации детей в социальных реабилитационных центрах [16]. Приведем пример описания конкретной программы по-

этапного возвращения ребенка в социум, который доказывает, что вышеуказанные теоретические выкладки имеют определенное практическое применение. Например, в фонде ЦЭС «Защита» работа с дезадаптированными (безнадзорными) детьми и подростками строилась в соответствии со следующими этапами:

Первый этап предполагает проведение уличной социальной работы, в ходе которой сотрудники знакомятся с детьми и подростками на улице, производят первичную оценку потребностей, информируют их о видах и местах получения помощи, по необходимости оказывают медицинскую помощь и психологическое консультирование, а также распространяют информационно-профилактическую литературу, адаптированную к данной возрастной группе.

Самое главное на данном этапе — это привлечение детей к участию в дальнейших мероприятиях, установление с ними первичного контакта. Необходимо максимально расположить к себе ребенка, вызвать его доверие, снять напряжение и страх перед общением с посторонними людьми, которыми являются сотрудники. Основная цель данного этапа — привлечение детей в дневной центр.

Второй этап — это работа с детьми и подростками в дневном центре. Дневной центр работает с 12:00 до 18:00, и ребята, соответственно, могут провести в нем только это время. Часы работы центра выбраны с учетом особенностей дезадаптированных детей и подростков (например, у детей, занимающихся бродяжничеством, «сбит» режим дня, и они привыкли спать до обеда и т.д.).

В дневном центре ребята, в первую очередь, могут удовлетворить свои базовые, первичные потребности: поесть, вымыться, выстирать свою одежду. Следует особо выделить, что в центре подросткам прививаются положительные установки на самообслуживание и основные навыки, например, ребята сами стирают свою одежду (загружают в стиральную машинку и учатся ее включать), сами приводят одежду в порядок по мере необходимости, делают уборку в центре в конце дня.

Следует особо отметить, что на данном этапе очень важно укрепить доверительные отношения с подростком, установить причины его асоциального поведения, постараться снизить уровень агрессии и т.д. Нельзя проявлять

излишнюю настойчивость или заставлять что-то делать.

Установление контакта, сближение ребят с сотрудниками происходит через общую совместную деятельность. В центре постоянно что-нибудь мастерят, рисуют, лепят, играют в настольный теннис, бадминтон, другие игры. Потом из поделок устраивают выставки. Более того, сотрудники выявили закономерность, что те ребята, которые не хотели ничего делать, впоследствии испытывали серьезные проблемы с трудоустройством: ни на одном рабочем месте они не задерживались дольше трех месяцев. Поэтому все творческие занятия в центре имеют большую практическую значимость.

Самое главное направление деятельности центра — это формирование активной жизненной позиции подростка, чтобы он являлся субъектом, а не объектом деятельности. Работа ведется таким образом, чтобы подросток мог сам изменить свою жизнь, а не занимал иждивенческую позицию. Например, подросток сам занимается оформлением своих документов в сопровождении прикрепленного к нему социального работника или воспитателя. Подростку содействуют в решении его проблем, но не решают их за него. Данное направление продолжает реализовываться и на протяжении третьего этапа.

Необходимо отметить, что ребята приходят в дневной центр сами, так, один из главных принципов работы — это добровольное участие ребенка в программе.

Третий этап — пребывание подростков в круглосуточном центре (приюте). В данном центре подростки начинают постоянно проживать после того, как они примут участие в первых двух программах. В круглосуточный центр, как правило, попадают подростки, которые осознали необходимость изменения своей жизни и готовы приложить определенные усилия для этого. При этом проживание в приюте становится возможно только при определенных условиях: например, при полном отказе от токсических веществ, наличии желания возобновить обучение в школе, отказе от бродяжничества. Во время пребывания в круглосуточном центре решаются вопросы о дальнейшем устройстве подростка — восстанавливаются или подготавливаются необходимые документы, изучается социальное окружение подростка,

восстанавливаются утраченные социальные связи.

Основная цель данного этапа — восстановление утраченных способностей к проживанию в определенном режиме, способностей к подчинению организованному временному порядку. Как говорилось выше, у дезадаптированных подростков наблюдаются определенные трудности с планированием собственного времени. В рамках данного этапа предполагается поиск наиболее оптимальных вариантов проживания для каждого подростка.

Вышеназванные три этапа являются подготовительными для **четвертого этапа** — восстановления сознательно контролируемого правилосообразного поведения, необходимого для получения начальной профессиональной подготовки и дальнейшей социализации.

Итогом работы по прохождению всех трех этапов является «возвращение» подростка в социум, создание условий для дальнейшей реализации его возможностей и формирование способностей и мотивации для реализации этих возможностей.

Данная программа реализовывалась в г. Перми с 1993 г., за этот период она показала свою эффективность, так как 80 % детей и подростков, принявших в ней участие, стали полноценными членами общества и больше не возвращались к асоциальному поведению.

Описанная программа вполне соответствует проанализированным выше психологическим особенностям развития личности. При прохождении последовательных уровней адаптации эти уровни естественным образом соответствуют нормализующим влияниям в психологическом развитии личности. Попытка произвольного изменения содержания уровней адаптации не дает сопоставимого уровня психологического комфорта адаптируемым.

3. Особенности применения принудительных мер воспитательного воздействия

Недоразрешенность кризисов развития создает предпосылки для отклоняющегося и противоправного поведения [15]. При этом, поскольку правонарушение обусловлено кризисом развития, то несовершеннолетний правонарушитель не в состоянии преодолеть (разрешить) кризис самостоятельно. Требуется нормализующее воздействие, создающее условия для возвраще-

ния внимания и контроля действий внутрь сознания самого развивающегося субъекта. При этом уровни нормализующего воздействия соответствуют как определенным кризисам развития (психологическим возрастам), так и определенным уровням морального поведения [8] (Кольберг). Наиболее важно преодоление первых кризисов развития. По ступеням, следующим из схемы кризисов развития [15], основные этапы работы с детьми таковы:

а) Принудительное воздействие в системе наказаний.

1. Подавление спонтанной агрессивности.

2. Пресечения получения удовольствия за счет страданий других.

б) Восстановление правилосообразности.

3. Ограничительные меры и передача под надзор.

4. Возмещение ущерба.

(Дальнейшие этапы выходят за рамки принудительного воздействия, но приводятся для полноты картины).

в) Восстановление ценностной ориентации.

5. Восстановление принятия культурных и социальных норм.

6. Ориентация на создание семьи и воспроизводство следующего поколения.

В соответствии с этими основаниями, связанными с особенностями развития личности, и выстраивается правоприменительная практика в части назначения мер принудительного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям. Специалисты практики также указывают на необходимость воспитательных (нормализующих поведение) мер воздействия для исправления несовершеннолетних правонарушителей. Действующая правовая система РФ предусматривает достаточно широкий спектр таких мер принудительного воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

В соответствии с российским уголовным законодательством целями уголовного наказания являются восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Именно необходимость исправления дефектов социализации несовершеннолетнего правонарушителя, предупреждения его дальнейшего криминального поведения, а также снижения негативного влияния криминальной среды в пенитенциарных учреждениях вызвали к жизни такую альтернативу традиционному

уголовному наказанию, как принудительные меры воспитательного воздействия.

Понятие принудительных мер воспитательного воздействия определено статьей 90 Уголовного кодекса РФ, в соответствии с которой «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия». Согласно данной статье несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Кроме того, ст. 92 УК РФ для несовершеннолетних, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, предусмотрена такая принудительная мера воспитательного воздействия, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием.

Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 года № 7 указывает на воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, на их профилактический характер. Как указано в [18], применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия не рассматривается судом как достойная альтернатива обычному порядку судопроизводства. Если судьи выносят обвинительный приговор и назначают несовершеннолетнему условную меру наказания, то страдает именно воспитательная направленность уголовного процесса. При этом игнорируется то, что сами несовершеннолетние осужденные такой итог судебного разбирательства воспринимают как некое общественное прощение содеянного ими, влекущее для них не воспитательный, а формальный характер наказания. В результате значительное количество несовершеннолетних совершает повторные преступления до истечения срока условного

осуждения. Таким образом, принудительные меры воспитательного воздействия по сравнению, например, с условным наказанием как раз и выполняют ту воспитательную профилактическую роль, которую должен получить несовершеннолетний правонарушитель за совершенное преступление.

Важным основанием применения такой альтернативы уголовному наказанию является признание судом возможности исправления несовершеннолетнего правонарушителя путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. По [18] формирование убеждения о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, о целесообразности такого решения может быть основано на совокупности различных данных, содержащихся в материалах уголовного дела:

- о личности несовершеннолетнего и условиях его жизни и воспитания, указывающих на отсутствие необходимости изоляции его от общества и ближайшего окружения;
- об обстоятельствах совершения преступления, свидетельствующих о совершении противоправных действий под влиянием случайно сложившейся или тяжелой жизненной ситуации;
- о позитивном посткриминальном поведении несовершеннолетнего (предпринятых им лично действиях по устранению причиненного вреда, оказанию помощи в расследовании преступления и т.д.).

В [4] также отмечается важность глубокого изучения мотивов совершения преступления для эффективного использования воспитательного воздействия на несовершеннолетних, так как мотив преступления непосредственно связан с личностью и ее особенностями, склонностями и интересами. В мотивах выражается не просто какая-то отдельная черта личности, а в определенном смысле весь человек, все характерные для него свойства и особенности. Таким образом, изучение мотивов преступного поведения несовершеннолетних важно для верного выбора методов воспитательного воздействия на отдельных несовершеннолетних, а также для решения наиболее общих задач профилактики преступности среди несовершеннолетних.

Роль социальной работы при применении принудительных мер воспитательного воздей-

ствия заключается в дальнейшей работе с несовершеннолетним правонарушителем и его семьей. Для наиболее оптимального эффекта и результата применения данных воспитательных мер важно не только назначить несовершеннолетнему конкретные воспитательные меры, ограничив их определенным временным сроком, но и проводить дальнейшее социальное сопровождение и реабилитационную или коррекционную работу с несовершеннолетним и его семьей для предотвращения совершения подростком повторных правонарушений. Как уже было сказано, изучение мотивов совершения преступления несовершеннолетним позволит специалисту по социальной работе наиболее эффективно составить индивидуальную программу реабилитации для конкретного подростка, понять то, почему несовершеннолетний совершил правонарушение, какие обстоятельства толкнули его на это, на какую сторону проблемы в первую очередь должен обратить внимание специалист по социальной работе.

Как, например, отмечается в [17]: для того чтобы следователи инициировали, а судьи назначали принудительные меры воспитательного воздействия более интенсивно, а эффект от их применения носил бы действительно ресоциализирующий и воспитательный характер, на местном уровне должна развиваться сеть социальных служб и учреждений социальной сферы, способных осуществлять социальное сопровождение несовершеннолетних и предоставить возможности для применения предлагаемых принудительных мер воспитательного воздействия.

Учитывая материалы, изложенные в [17], представляется, что институт принудительных мер воспитательного воздействия может быть дополнен, развит и модернизирован. Например, целесообразность и эффективность такой принудительной меры воспитательного воздействия, как возложение обязанности загладить причиненный вред потерпевшему, был бы значительно выше, если бы удалось наполнить ее восстановительным содержанием. Назначение такой меры более необходимо, когда сам потерпевший не возражает против проведения примирительной встречи либо, по крайней мере, опосредованно готов принять извинения и согласен на возмещение ущерба, причиненного несовершеннолетним. При этом возмещение ущерба может быть достигнуто не только пу-

тем денежной компенсации ущерба потерпевшей стороне, но и осуществлением определенных физических работ по заглаживанию вреда. В данном случае с помощью восстановительных (ювенальных) технологий — например, проведения примирительных встреч несовершеннолетнего с потерпевшим. Тем самым мы не только сможем нормализовать отношения между ними, но и дать подростку понять, осознать и прочувствовать всю моральную и юридическую ответственность за совершенное им преступление.

Подводя итог, отметим, что принудительные меры воспитательного воздействия в союзе с социальной работой призваны выполнять воспитательную и профилактическую роль в предотвращении совершения несовершеннолетними повторных преступлений наряду с реальными мерами уголовного наказания. Несомненный плюс назначения принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетнему заключается не только в их роли, но и в том, что они не влекут никакой судимости для несовершеннолетнего и не подвергают его негативному воздействию криминальной среды, в которой подросток может оказаться, получая реальный срок наказания за совершенное преступление. Другими словами, принудительные меры воспитательного воздействия направлены на конструктивное разрешение соответствующего кризиса развития личности.

Заключение

Мы показали, что последовательность стадий вторичной адаптации несовершеннолетних совпадает с последовательностью разрешения первых кризисов развития личности. Таким образом, описанная в пункте 2 методика вторичной адаптации подростков опирается на общегносеологическую последовательность развития личности, учитывая основные свойства последовательности формирования правилосообразного поведения.

Необходимость принудительных мер воспитательного воздействия для предотвращения рецидивов, указываемая многими авторами, имеет психологические основания, поэтому систематизация и процедуры применения, а также аппарат контроля за исполнением решений, назначаемых судом, подлежат дальнейшей конкретизации в рамках совершенствования го-

сударственных структур социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Список литературы

1. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: дисс. ... канд. психол. наук. Ин-т психологии РАН. М., 2004.
2. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. М.: Эксмо, 2003. С.41–190.
3. *Зайцев А.Г., Зайцев Г.К., Дмитриев М.Г., Белов В.Г.* Стереотипы функционирования психики и тенденции личностного развития воспитанников колонии для несовершеннолетних // *Вопр. психологии.* 2007. №1. С.117–125.
4. *Зядова Д.З.* Мотивы преступлений, совершаемых школьниками // *Воспитание школьников.* 2005. №1. С.34–38.
5. *Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г.* Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // *Психологический журнал.* 1988. Т.9. №6. С.113–117.
6. *Першина Л.А.* Возрастная психология. М.: Академ. проект, 2004.
7. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. М.: Питер, 2003.
8. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: пер. с англ. СПб.: Питер, 2006.
9. *Чечулин В.Л.* К системному анализу структуры промышленной информационно-технологической системы // *Инфоком-2: сб. тр. междунар. конф. при СевКав ГТУ. Ставрополь,* 2006. С.177–181.
10. *Чечулин В.Л.* Основные составляющие философии права // Развитие и реформирование государственной муниципальной службы в России на современном этапе: материалы регион. науч.-практ. конф. при Уральской академии госслужб. Пермь, 2008. С.165–167.
11. *Чечулин В.Л.* К описанию исторического формирования психосоциальной структуры самосознания // *Ментальность, общество, экономика: проблемы развития России: материалы междунар. науч.-практ. конф. при ОрГТУ (Россия). Орел,* 2007. С.198–202.
12. *Чечулин В.Л.* О непредикативном определении понятия личности в психологии // *Проблемы и перспективы развития Верхнекамского региона: материалы регион. конф. при ПГУ БФ. Березники,* 2006. С.108–112.
13. *Чечулин В.Л.* Структурирование системы образования // *Университет в системе непрерывного образования: материалы междунар. науч.-метод. конф. при ПермГУ. Пермь,* 2008. С.59–60.
14. *Чечулин В.Л.* О гносеологических основаниях 6-стадийного научно-инновационного цикла // *Инновации РАН – 2008: материалы науч.-практ. конф. РАН. Н.Новгород,* 2008. С.51–52.
15. *Чечулин В.Л.* О гносеолого-психологических основаниях философии права // *Философия права.* 2010. №1. С.101–106.
16. *Чечулин В.Л., Пузракова Е.А.* Психологические основания в методике вторичной адаптации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении // *Будущее психологии: материалы межвуз. конф. Пермь,* 2010. Вып.3. С.67–69.
17. *Шиловская А.Л.* Принудительные меры воспитательного воздействия: оценка состояния и перспективы развития. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. (Серия «Методы работы с несовершеннолетними правонарушителями»).
18. *Эстерлейн Ж.В.* Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в отношении несовершеннолетних // *Вестн. Перм. ун-та. Серия Юридические науки.* 2008. Вып.6(22). С.342–356.

THE BASES OF SOCIAL WORK'S TECHNIQUE
WITH THE DE-ADAPTED CHILDREN AND JUNIOR OFFENDERS
Viktor L. Chechulin, Ekaterina A. Soromotina, Ekaterina A. Puzrakova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Accordingly with authors interpretation of theory crises of development (linked with a certain construction of reality reflection in the consciousness, which structure of psychological ages), the organization of consecutive levels of secondary adaptation of the de-adapted children is described. Features of application of coercive measures of educational influence to junior offenders are researched.

Key words: crises of personality development, permission of crises, secondary adaptation of children and teenagers, coercive measures of educational influence.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.324

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ
В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА****Л.В. Логинова**

Рассматриваются тенденции и противоречия развития социальной сферы российского общества, раскрываются значение и место социальной сферы в инновационном развитии человеческого потенциала общества, предлагаются направления совершенствования социальной политики российского государства.

Ключевые слова: социальная сфера; средний класс; дифференциация доходов; социальное расслоение; социальные услуги; социальная политика.

Создание эффективного социального государства предполагает повышение благосостояния общества, улучшение условий хозяйственной и социокультурной деятельности, планомерный переход к высокоразвитому обществу. Между тем в России действующая социально-экономическая система далеко не полностью отвечает интересам общества ввиду недостаточного роста реальных доходов и уровня жизни, а также углубления дифференциации доходов населения. Данные обстоятельства усугубляются явлениями мирового экономического кризиса, охватившими и российскую экономику. Все большая часть российского общества выражает недовольство социальной ситуацией в стране. Это связано с тем, что для социальной сферы России характерен ряд деформаций, обуславливающих конфликт интересов как в системе «богатые–бедные», так и в триаде «общество–государство–бизнес». Выделим данные деформации.

Первый тип деформации — деформация структуры российского общества, обусловленная чрезмерно высокой степенью социального расслоения. В экономически развитых странах структура общества по уровню доходов предполагает, что наибольшую его часть составляет средний класс, получающий средние доходы, а доля населения с очень низкими и очень высо-

кими доходами мала (на графике получается так называемый «холм» доходов). В России такого среднего класса практически нет, и на графике вместо одного холма доходов видна структура с двумя «холмами». При этом уровень развития российского среднего класса значительно ниже по сравнению со средним классом развитых стран и не только по материальному благосостоянию, но и по уровню образования и культуры. Если учитывать западные стандарты, то в России около 80% населения является бедными и только 5% богатыми (долларовые миллиардеры). Социологические исследования показывают, что только 2,4% опрошенных людей оценивают свой уровень материального положения как высокий (материальных затруднений нет). К категории людей со сравнительно высоким уровнем материального положения относят себя 16,6%, хотя и им некоторые покупки не по карману. Средним свой уровень доходов считают 56,9% респондентов. При этом у них денег хватает только лишь на основные продукты и одежду. У 15,2% опрошенных граждан денег не хватает даже на продукты и одежду [18, с. 11].

По данным официальной статистики, число бедных граждан в нашей стране составляет почти 23 млн чел. [24, с. 50]. По информации Всероссийского центра уровня жизни в нашем

обществе в состоянии хронической бедности находятся более 40 млн человек [8, с. 50].

По данным Госкомстата РФ к концу 2009 г. 13% россиян находилось за чертой бедности [25]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) относит к проживающим за чертой бедности 40% россиян, тогда как, например, израильтян — 20%, испанцев — 19,9%, а американцев — 12,3%. Среди Западноевропейских стран самые высокие показатели бедности демонстрируют Литва и Польша (21%), а самые низкие — Швеция и Чехия (9–10%) [10]. При этом российская бедность имеет свою специфику. В отличие от других стран, в России более 65% бедного населения — это трудоспособные граждане, а российские семьи с детьми подвержены наибольшему риску попадания в низкодоходную группу населения, сползания в низшую страту.

Деформация структуры российского общества связана со *вторым типом деформации* — деформацией структуры доходов и способов их образования. В структуре доходов россиян преобладают заработная плата (64,9%) и социальные выплаты (18,9%), а на другие виды доходов приходится незначительная доля: доля доходов от предпринимательской деятельности — 9,8%, доходов от собственности — 4,5% [24, с. 23].

Деформация структуры доходов населения обусловлена несправедливой системой начисления заработной платы и налогов, о чем свидетельствуют такие показатели, как индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) и коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения).

Показатели расслоения россиян — одни из самых высоких среди показателей экономически развитых стран. Например, в США индекс концентрации доходов составляет 0,408; Китае — 0,415; Великобритании — 0,360; Канаде — 0,326; Франции — 0,327; Германии — 0,283; Финляндии — 0,269; Дании — 0,247 [10]. В России данный показатель в 2010 г. составил 0,420, тогда как в 2006 г. — 0,410. Следовательно, дифференциация доходов в России нарастает.

О высокой степени несправедливости в распределении доходов свидетельствует и ко-

эффициент фондов, который в нашей стране составил в 2010 г. 16,5 раза [24, с. 24].

Усугубление проблемы неравенства в обществе наблюдается в динамике доходов от собственности, поскольку поступление наиболее высоких доходов на душу населения обеспечивает именно рост доходов от собственности, а не рост заработной платы. Анализ прироста доходов бедных и богатых в расчете на 100 руб. прироста ВВП на душу населения показывает, что бедные получают прирост на 5 руб., а богатые — на 200 руб., т.е. разница между богатыми и бедными составляет 40 раз [26, с. 54].

Система оплаты труда и налогов в обществе обуславливают возможности для эффективной и более полной реализации социального потенциала, состояние социально-трудовых отношений. Известно, что низкий размер заработной платы ограничивает возможности работающего населения по удовлетворению жизненных потребностей как личных, так и членов семьи (в сбалансированном, полноценном питании, приобретении товаров первой и не первой необходимости, жилья, услуг здравоохранения, образования, культуры). Как результат — падение качественных показателей социального потенциала (таких как семейное благополучие, уровень здоровья, образования, профессионализма). Но проблема заключается не только в низком уровне доходов основной массы россиян, но и в том, что закрепляется определенная модель жизни — «от зарплаты до зарплаты». Для данной части российского общества характерно привыкание к жизни на грани выживания, они не видят смысла бороться за свои права, ведут крайне пассивный образ жизни.

Для повышения благосостояния общества, сокращения бедности, обеспечения населения качественными социальными услугами в среднесрочной перспективе совокупные бюджетные расходы на душу населения в России намечено повысить. Но повышение расходов государства на социальные цели не приводит к адекватному росту уровня жизни населения вследствие сохранения прежнего механизма перераспределения доходов, а также увеличения тарифов на энергоносители, услуги ЖКХ, возрастающей стоимости медицинской помощи и образования, инфляции.

Рост доходов бедных слоев населения не решает проблему социального неравенства. В стране пока не институционализированы источники повышения доходов работающего населения. Зарплата остается для большинства россиян единственным источником дохода. Поэтому страх перед будущим из-за ситуации на работе испытывают часто более 16% работающего населения, а 39% испытывает его иногда [3, с. 23].

Все эти обстоятельства усугубляются глубокой социально-экономической дифференциацией регионов, обусловленной неравномерностью в доступе к финансовым ресурсам и соответственно возможностей в проведении местной социальной политики и обеспечении социальных гарантий местному населению. В этой связи уровни заработной платы работников бюджетной сферы, размеры тарифов в жилищно-коммунальной сфере существенно различаются по регионам (62 субъекта Федерации имеют дотационные бюджеты) [15, с. 105].

По расчетам социологов, если в Москве и Санкт-Петербурге нуждающимся является каждый четвертый житель, то уже в областных центрах — каждый третий, в малых городах — каждый второй, а на селе почти 65% жителей. Об этом свидетельствуют и данные на 2010 г. Центральной военно-врачебной комиссии Министерства обороны РФ, согласно которым ежегодно вследствие недоедания отсрочки от службы получают 50 тыс. призывников [1, с. 38]. Преобладающая часть призывников — это жители малых городов и сельской местности.

Социальные характеристики бюджетного института нельзя оценить положительно, так как рост расходов на ЖКХ, здравоохранение и образование обусловлен лишь необходимостью компенсации тех диспропорций, которые возникли в связи с недофинансированием территориальных бюджетов. Эти диспропорции существовали и раньше, но после передачи полномочий по исполнению данных функций на региональный и муниципальный уровни они усилились [16, с. 172].

Следовательно, в России произошла институционализация механизмов распределения доходов, действующих в пользу малочисленного богатого населения (10–20%). Таким образом, ущемляются интересы большинства (примерно

80% населения страны), что не отвечает интересам развития социального потенциала. Это свидетельствует о том, что фактически в современных условиях углубления неравенства на фоне финансового кризиса большинство общества, причем малоимущего, оплачивает «безответственное» поведение высокодоходной части населения, сконцентрированной прежде всего в финансовом секторе.

Разумеется, чрезмерная уравнивательность доходов в обществе является нежелательной, так как это уничтожает стимулы к более высокопроизводительному труду, снижая возможности для более полной реализации социального потенциала общества. Дифференциация оплаты труда является необходимым механизмом стимулирования трудовой активности, но в разумных пределах. При слишком высоком уровне неравенства в обществе нарастает чувство социальной несправедливости, происходит рост социальных возмущений [7, с. 183].

Чтобы не допускать этих крайностей, необходима сбалансированная, взвешенная государственная политика регулирования доходов. В западноевропейской практике удается сдерживать углубление неравенства благодаря перераспределению доходов в обществе. Например, во Франции с помощью политики перераспределения доходов удается снизить уровень бедности с 25 до 7%, а в Дании — с 17 до 4% [17, с. 54].

Растущая деформация структуры общества по доходам вызывает конфликтность интересов между разными группами людей в нашем обществе. Как острую и очень острую оценивают степень конфликтности между богатыми и бедными 50,2% респондентов [22]. Социологи отмечают, что особенно большое недовольство в обществе вызывает слишком глубокий разрыв в доходах между богатыми и бедными: 47% опрошенных россиян обеспокоены углублением неравенства. Причем замечено, что свое неодобрение выражают не только беднейшие слои населения, но и те, кто считаются обеспеченными (с ежемесячным душевым доходом свыше 10 тыс. руб.). Среди них около 70% выразили мнение, что дифференциация доходов в стране неоправданно велика. Проблемой нарастающего социального неравенства в различной степени обеспокоены до 90% тех, кто, будто

бы, должен от этого процесса выигрывать [2, с. 15].

На фоне деформации структуры российского общества и системы распределения доходов происходит снижение доступности качественных социальных услуг (здравоохранения, образования). В России расходы на социальные нужды составляют менее 40% всех расходов бюджета. Крайне низка доля расходов на здравоохранение — всего 5% в бюджете расширенного правительства, доля расходов на образование — около 8%. В 2006–2011 гг. произошло сокращение количества бюджетных мест в высших учебных заведениях на 15%. Министерство образования и науки РФ планирует дальнейшее сокращение бюджетных мест. При этом сокращается количество учреждений образования в целом по стране, а в сельской местности по сравнению с 1970-ми гг. их количество уменьшилось в два раза.

Между тем в экономически развитых странах мира проводится противоположная политика по расширению бесплатного образования. Так, в США бесплатно обучаются 85% детей; в Германии — 98% детей (родители оплачивают только стоимость учебников); в Японии с 2010 г. 12-летнее школьное обучение стало полностью бесплатным. В России же наблюдается коммерциализация не только вузовского образования, но и школьного обучения. Так, предполагается, что из средств бюджета будут финансироваться только дисциплины, включенные в образовательный стандарт. Хотя исследования показывают, что коммерциализация образования опасна для государства стагнацией [1, с. 37].

Таким образом, социально-экономические деформации российского общества снижают жизненные шансы малообеспеченных групп общества, так как «индивид из низших классов имеет меньше шансов на получение образования. В результате недостаточного образования он имеет недостаточные возможности для получения дохода. Последнее, в свою очередь, снижает его шансы на улучшение своей позиции в классовой системе и, что еще хуже, на то, чтобы дать адекватное образование своим детям» [6, с. 180].

Наблюдается отставание и по абсолютным значениям государственных расходов на душу населения в год. Например, на образование в

Дании выделяется 2738 долл. на душу населения в год, в Швеции — 2072, Австрии, Франции и Бельгии — около 1500, в Германии и Нидерландах — около 1300, в то время как в России — 220 долл. Расходы на социальную защиту в России составляют примерно 25% совокупных правительственных расходов и чуть больше 9% ВВП [11, с. 53].

Другой причиной усугубления положения в социальной сфере является несостоятельность программ реформирования в здравоохранении, в образовании и науке, ЖКХ. При этом подходы к реформированию продолжают оставаться предметом острых дискуссий. Надо признать, что национальные проекты не дают ожидаемых улучшений, что теперь списывается на кризис. Действительно, «за последние два десятилетия успешно не решена ни одна заявленная государством реформа» [4, с. 96]. Многократные попытки последних лет за счет государственного финансирования проектов по разработке инновационных технологий обеспечить рост производительности труда пока не дали положительного результата. В современной России в условиях инфляции, расширения платных услуг со стороны здравоохранения, образования, размер зарплаты остается на уровне, который не обеспечивает даже простого воспроизводства трудовых ресурсов.

Третий тип деформаций наблюдается в области обеспечения населения услугами учреждений культуры и отдыха. Одновременно со снижением доходов населения, ростом стоимости услуг учреждений культуры и отдыха происходит уменьшение их доступности для основной массы россиян. Расходы населения на товары не первой необходимости, отдых и культуру неуклонно снижаются, уменьшается и воспитательное влияние культурной сферы на молодое поколение. За последние два десятилетия была практически утрачена привычка посещения музеев, театров, библиотек. Общее количество посетителей учреждений культуры уменьшилось с 11 млн. человек (1995 г.) до 6 млн. 300 тыс. человек (2009 г.) [19].

Выборочное обследование культурных потребностей российской молодежи в возрастной группе 15–29 лет, осуществленное в 2009 г., выявило, что никогда не посещают театров 46,8% опрошенных молодых людей; делают это от случая к случаю — 45,8%; совсем не посе-

щают музеев — 45,9%; никогда не были на выставках и вернисажах — 59,8% [19].

В результате деформировался процесс социализации молодого поколения, что находит отражение в воспроизводстве его физических, духовных и нравственных сил. Происходит ухудшение психического здоровья, утрачиваются нравственные критерии поведения. Среди молодого поколения усиливаются пессимистические настроения. Так за период с 2007 г. по 2009 г. индекс уверенности потребителя среди молодых людей уменьшился с 3 пунктов до -15; индекс изменения ожидаемого количества безработных — с -19 до -37; индекс изменений личного материального положения — с -1 до -19 [19].

Данные социальные ожидания увеличивают социальную напряженность, снижают уровень отзывчивости и мотивацию в улучшении результатов своего труда.

Выявленные социальные деформации неизбежно приводят к социальным коллизиям, которые находят выражение в расширении девиантного поведения среди населения, разрастании различных асоциальных групп (бомжи, алкоголики, наркоманы, преступники).

Вместе с тем предпринятые социальные проекты «Ночь музеев», «Ночь библиотек» и т.п. свидетельствуют об огромной потребности населения, в том числе и молодого, в данных учреждениях.

Итак, экономические достижения страны пока не оправдывают социальных ожиданий большинства населения, так как обеспечивают реализацию интересов лишь небольшой части общества. Основная часть населения, составляющая трудовой потенциал общества, проигрывает от проводимых социально-экономических модернизаций. В России, несмотря на экономический рост, значительная часть общества выражает недовольство социальной ситуацией в стране, что подтверждается данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2006 гг., проведенного Институтом социологии РАН [9].

Все эти факты свидетельствуют о снижении жизненных шансов для развития человеческого потенциала не только у низкодоходных групп населения, но и у среднедоходных. Как верно заметили П. Бергер и Б. Бергер, «даже сегодня

остается справедливым, что факт рождения кого-то на различных уровнях стратификационной системы произвольно детерминирует шансы прожить до определенного возраста. Причины таких различий обнаружить нетрудно. Более высокая страта в обществе наслаждается гораздо лучшей пищей, обладает паттернами жизни, в большей степени благоприятствующими здоровью, и (что очень важно) имеет доступ к лучшему медицинскому обслуживанию... Люди из низших страт обществ чаще болеют, обладают меньшими возможностями для предотвращения болезни и излечения от нее и потому с большей вероятностью умирают раньше» [6, с. 176].

По продолжительности жизни Россия занимает 117-е место в мире. Сохраняется высокая смертность: с 1999 г. коэффициент смертности рос и его пик пришелся на 2003 г. (16,4), а к 2007 г. он составил 14,7, т.е. вернулся к уровню 1999 г. [23, с. 100]. В России заметна стабильная тенденция уменьшения численности населения. Только за последние 15 лет численность населения России сократилась на 5,5 млн человек (со 148,3 млн человек в 1995 г. до 142,8 млн человек по состоянию на 1 мая 2011 г.). Подобные процессы происходят и в большинстве экономически развитых стран. Так, прогнозируется, что за 2025–2030 гг. население ЕС без учета мигрантов уменьшится на миллион человек (с 469 млн до 468 млн) [12, с. 42].

Данные обстоятельства способствуют выработке новых подходов в демографической политике как важнейшему механизму сохранения и накопления социального потенциала. Процесс институционализации этой политики сопровождается дискуссией о действенности таких инструментов социальной поддержки семьи, как пособия на несовершеннолетних детей, материнские пособия, гибкие формы занятости, предоставление субсидий и ссуд на жилье, расширение услуг по уходу за детьми. В качестве основных способов решения проблемы предлагается поддержка семьи и иммиграция. Например, согласно прогнозам, в США за 2025–2030 гг. численность населения возрастет на 25,6% — главным образом за счет латиноамериканских мигрантов [12, с. 42].

Особенно показателен в области демографической политики опыт Швеции и Бельгии,

где достигнуты самые высокие уровни рождаемости среди стран Еврозоны.

Так, в Швеции стержневым компонентом демографической политики является гендерная политика, противодействующая дискриминации женщин на рынке труда, что создает условия для экономической независимости женщин, находящихся в браке. Кроме того, здесь большое внимание уделяется поддержке молодых семей за счет достаточно высокого размера стипендий студентов и механизмов льготного кредитования. Интересен опыт Бельгии, правительство которой, помимо снижения налогов, выплаты субсидий на жилье и обучение детей, в рамках демографической политики производит выплату пособия, размер которого зависит от возраста ребенка. Так, пособие на детей до 14 лет в 3 раза больше, чем пособие на детей до 4 лет. В случаях, когда ребенок учится, пособие продолжает выплачиваться до 25 лет.

Данный положительный опыт по поддержанию уровня рождаемости и проведению семейной политики следует учитывать и России.

Для ускорения преобразований в базовых сферах жизнедеятельности общества здравоохранения, образования, жилищной сферы, сельского хозяйства реализуются национальные проекты по их системной модернизации. В результате общие расходы федерального бюджета на социальную сферу увеличиваются. Тем не менее, социальные расходы расширенного правительства в России в 1,5–2,0 раза меньше, чем в странах — членах ЕС. При этом в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. предусмотрено достижение высоких показателей общественного развития. Предполагается достижение к 2020 г. следующих целевых ориентиров [13]:

1) достижение уровня доходов и качества жизни россиян уровня социальных стандартов, характерных для экономически развитых стран. Это найдет выражение в высоком уровне личной безопасности, доступности услуг здравоохранения, образования, жилищной обеспеченности, широком доступе к культурным благам;

2) увеличение валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности до более 30 тыс. долларов США;

3) охват высшим и средним профессиональным образованием населения 60–70% (2007 г. — около 50%);

4) средний уровень обеспеченности жильем — около 30 кв.м на человека (или около 100 кв. м на среднестатистическую семью);

5) снижение доли населения, проживающего в местах с неблагоприятной экологической обстановкой, до 14% (43% в 2007 г.);

б) снижение уровня смертности от насильственных причин в два раза;

7) снижение уровня абсолютной бедности до 6–7 %, а относительной бедности (или малообеспеченной части населения) — до 15%;

8) увеличение среднего класса до более 50% населения за счет увеличения количества занятых в экономике знаний, технологий и обеспечении развития самого человека;

9) снижение дифференциации населения по уровню доходов до 12 раз (16,8 раз в 2007 г.);

10) стопроцентный охват бедного населения государственными социальными программами.

К концу 2012 г. планируется осуществить первый этап заявленных государством мер. Однако рассмотренные деформационные тенденции социального развития вызывают сомнения относительно достижения к 2020 г., заявленных ключевых показателей. Анализ социальных проблем в России показывает, что институт социальной политики пока остается неэффективным, так как не отвечает интересам формирования среднего класса, а дифференциация общества по доходам углубляется. Требуется кардинальное изменение системы распределения доходов и снижение бедности. Однако реализация мер по борьбе с бедностью по-прежнему остается только продолжением неэффективной государственной перераспределительной политики бюджетных средств, зависящей от наполняемости бюджета, а не от запросов и ожиданий населения. При этом в целом механизм формирования бюджета «сверху» ограничивает возможности реализации социальной политики «снизу», так как бюджеты регионов и муниципальных образований крайне дефицитны. Средства, выделяемые государством в рамках национальных программ, весьма ограничены. Они должны быть лишь дополняющим механизмом к отдельным направлениям реализации социальной политики.

Для устранения деформаций социальной системы российского общества, прежде всего, следует создать условия для развития и эффективной реализации человеческого потенциала. Этим целям отвечает модернизация института социальной политики государства по следующим направлениям: система оплаты труда, налогообложение доходов, социальная защита и социальное страхование, формирование механизма диалога с гражданским обществом. Кроме того, необходима децентрализация региональной политики.

Первое направление: модернизация системы оплаты труда в целях обеспечения роста доходов работающего населения и повышения роли высококвалифицированного труда, предполагающее установление бюджетных обязательств государства в виде нормативов минимальной оплаты труда и минимальной доли расходов государственного бюджета в социальной сфере.

Проблема низкой оценки труда в России во многом связана с заниженным уровнем минимального размера оплаты труда (МРОТ). Наша страна является единственной среди европейских государств, где МРОТ ниже прожиточного минимума (ПМ). При этом согласно Трудовому кодексу РФ (ст. 133) МРОТ не может быть меньше прожиточного минимума. В 2008 г. объявлено, что данная проблема решена, так как МРОТ приравнивали к прожиточному минимуму (на тот момент к уровню IV квартала 2007 г., который составлял 4330 руб.). Но в настоящих условиях эта норма не соблюдается. Уже за I квартал 2011 г. величина прожиточного минимума в целом по стране **в среднем на душу населения составила 6473 руб., для трудоспособного населения — 6986 руб.,** а величина МРОТ — 4611 руб. (с 1 июня 2011 г.).

Кроме того, еще в 2007 г. из Трудового кодекса РФ была исключена норма, запрещающая устанавливать размер оклада на уровне ниже МРОТ. Поэтому по действующему законодательству в минимальные на сегодняшний день 4611 руб. включены и дополнительные надбавки. В результате такой политики многие работающие граждане имеют такую заработную плату, на которую с трудом можно было прожить даже в 2008 г. При этом механизм индексации МРОТ не предусмотрен. В условиях инфляции происходит массовое обеднение рабо-

тающего населения страны, что отрицательно сказывается на социальном потенциале страны.

В этих условиях на законодательном уровне требуется пересмотр методики определения размера МРОТ. Например, показателен опыт западноевропейских стран, где МРОТ привязывают к прожиточному минимуму и к величине средней заработной платы по стране. В европейских странах МРОТ составляет 50% и более от средней зарплаты. В соответствии с Европейской социальной хартией во многих странах этого региона минимальная зарплата вышла на уровень 1,5–2,5 ПМ [20, с. 24].

Учитывая рекомендации МОТ (Конвенция МОТ № 102 (1952 г.) «О минимальных нормах социальной защиты»), необходимо довести соотношение минимальной и средней заработной платы в России в соотношении не менее 50%. При этом необходимо ввести в практику общественное обсуждение и законодательное установление нормативов минимального уровня оплаты труда в бюджетной сфере. Повышению цены труда будет способствовать модернизация экономики на основе распространения новейших технологий, обеспечивающих переход на инновационный путь развития с новым качеством человеческого капитала.

Второе направление: мероприятия социальной направленности в области налогообложения доходов, предусматривающие отмену подоходного налога с минимальной заработной платы; законодательное установление нормы обязательного ежегодного соответствия стандартного налогового вычета из заработной платы на уровне не ниже минимальной заработной платы; освобождение прожиточного минимума от налогообложения; активное использование налоговых льгот.

Третье направление: модернизация института социальной защиты предполагает создание интегрированной многоуровневой системы социальной защиты (государственные органы — местные органы власти — предприятия — общественные организации), действенной на всех уровнях, с четким определением прав, ответственности и функций каждого. Принципами института социальной защиты должны стать: законодательное определение и разграничение финансовой ответственности между работником, работодателем и государством не на основе государственной благотворительности, а как

совокупности государственных гарантий, предоставляемых каждому и обеспечивающих соблюдение прав человека; организация системы социальных гарантий на основе страховых выплат вместо налоговых; соотнесение страховых тарифов с наступлением страховых случаев; налаживание действенных механизмов контроля сбора и расходования страховых средств.

Важным условием успешности реализации этого направления социальной политики выступает обновление региональной политики государства. В новой региональной политике принципами взаимодействия федеральной власти с региональным сообществом должны стать: децентрализация властных отношений, направленная на развитие самостоятельности, поддержание творческой инициативы региональных сообществ, содействие их социокультурному разнообразию.

Необходимость децентрализации подтверждают различные исследования. Так, по данным Независимого института социальной политики, в настоящее время в регионах только 20% составляют бюджетные (государственные и муниципальные) инвестиции, а остальные — частные. Поэтому государство уже не может в приказном порядке планировать специализацию экономики регионов, определять, куда вкладывать бизнесу деньги. Кроме того, «именно на местном уровне управления имеется реальная возможность отслеживать ход преобразований, оперативно оценивать результаты, вносить предложения в государственные органы об изменениях соответствующих мероприятий» [5, с. 134].

Следовательно, стратегия социального развития регионов может получить успешную реализацию в ситуации преодоления линии правительства на централизацию в проведении региональной политики. Для этого на смену сверхцентрализованному режиму с преобладанием федеральных интересов, инициатив и ресурсов должен прийти децентрализованный порядок, ориентированный на интересы регионов и основанный на инициативных их собственных действиях. Учитывая, что «источники и факторы экономического роста связаны не столько с развитием крупных корпоративных структур, сколько с местечковой креативностью, местной творческой обстановкой и инновационной деятельностью» [21, с. 65], возника-

ет необходимость более активного включения регионов в модернизацию страны. Как отмечают социологи, в каждом из регионов «население располагает значительным человеческим потенциалом, который, однако, лишь в небольшой части преобразуется в активный социальный и культурный капитал. Это сдерживает переход России к инновационному экономическому росту и современному качеству жизни населения» [14, с. 29]. Таким образом, новая региональная политика государства должна строиться на основе принципа «снизу–вверх». В то же время нужны кардинальные изменения по бюджетно-налоговой децентрализации. В региональных бюджетах должна оставаться большая доля финансовых средств, собираемых территориями, что будет активизировать действия региональных властей по выработке собственных программ развития, учитывающих местные проблемы, задействовать их потенциальные внутренние возможности на повышение уровня благосостояния населения.

Четвертое направление: нормализация механизма обмена информацией между институтами государственной власти и гражданского общества. Этой цели отвечают меры по повышению информационной открытости государственных ведомств, а также институционализация социальной экспертизы и социального контроля с наделением их широкими правами. Институт оценки социальных нововведений, учитывающий то, как их реализация скажется на межотраслевых связях, какие будет иметь социальные последствия, какова будет реакция тех или иных субъектов интересов. Для этого необходимо введение механизма анкетных опросов.

Итак, от государства требуется проведение политики в области социальной сферы адекватной общественным ожиданиям и требованиям времени, а степень решения правительством задач развития человеческого потенциала выступает для населения критерием оценки его деятельности в социальной сфере. Интересы общества требуют, чтобы государственная социальная политика осуществлялась в целях роста благосостояния народа, расширения возможностей для каждого человека реализовывать свой личностный потенциал, вести здоровую, полноценную и творческую жизнь.

Список литературы:

1. Автономов А. С., Гаврилова И.Н. Социальная политика: на чьей стороне ее новации? // Социол. исследования. 2011. №5. С.35–39.
2. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социол. исследования. 2007. №9. С.3–17.
3. Аникин В.А. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социол. исследования. 2006. №12. С.15–26.
4. Антипов А.Г. Препятствия на пути модернизации «архаичного» российского общества // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып.3. С.96–104.
5. Бельский В., Кулакова Н., Самойлова Н. Об оптимизации российского экономического пространства // Вопр. экономики. 2007. №6. С.133–141.
6. Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно ориентированная социология. М.: Академ. Проспект, 2004. С.25–388.
7. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социальная политика как механизм развития социального потенциала российского общества // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2012. №1. С.180–186.
8. Галюгина А.А., Бобков В.Н. Основные показатели доходов и уровня жизни населения России в III квартале 2011 года // Уровень жизни населения регионов России. 2011. №10 (164). С.49–59.
9. Динамика социально-экономического положения населения России: по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2006 гг.». М.: Институт социологии РАН, 2008.
10. За чертой бедности. Мировая статистика. URL: <http://statistika.ru> (дата обращения: 10.08.2012).
11. Кадомцева С. Социальная политика и ее население // Экономист. 2006. №7. С.48–58.
12. Калинин М.Ю. Инновационные подходы социальной и демографической политики: Швеция, Швейцария, Бельгия, Австрия // Международное публичное и частное право. 2010. №4. С.41–48.
13. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. №1662-р.
14. Лапин Н. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. №7. С.28–38.
15. Логинова Л.В. Региональная политика как механизм реализации интересов регионального общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. №1. С.102–106.
16. Логинова Л.В., Фиглин Л.А. Проблемы управления региональным развитием России // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2012. №2. С.171–177.
17. Люблинский В. Особенности трансформации социальной политики в начале XXI в.: опыт развитых стран и проблемы России // Человек и труд. 2010. №11. С.52–67.
18. Мнения о прошлом, настоящем и будущем России: Выборочный социологический опрос населения РФ. М.: РАГС, 2007. URL: <http://www.rags.ru/?q=node/1254> (дата обращения: 10.08.2012).
19. Молодежь в России 2010. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2010.
20. МРОТ фокусирует множество проблем, связанных с зарплатой // Человек и труд. 2010. №6. С.18–27.
21. Плясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопр. экономики. 2008. №9. С.50–65.
22. Самоидентификация Россиян: Выборочный социологический опрос экспертов. М.: РАГС, 2007. URL: <http://www.rags.ru/?q=node/1030> (дата обращения: 19.08.2012).
23. Сорокин Д. Воспроизводственный вектор российской экономики: 1999–2007 годы // Вопросы экономики. 2008. №4. С.94–109.
24. Статистическое обозрение. 2011. №2(77).
25. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 19.08.2012).
26. Шевяков А. Влияние социальной политики на положение отдельных групп населения // Экономист. 2008. №9. С.54–64.

SOCIAL-ECONOMIC DEFORMATION IN DEVELOPMENT RUSSIAN SOCIETY

Larisa V. Loginova

Saratov State Academy of Law; 1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia

In article are considered trends and contradictions of the development of the social sphere russian society, open importance and place of the social sphere in innovations development of the human potential society, are offered directions of the improvement social politicians russian state.

Key words: social sphere; average class; differentials income; stratification society; social facilities; social policy.

УДК 316:61

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ КАК ПРЕДМЕТ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

А.О. Барг, Н.А. Лебедева-Несебря

Приводится типология социальных факторов риска здоровью, выделяются факторы микро- и макроуровня. Приводится пример методики и инструментария эмпирического исследования распространенности микросоциальных факторов риска здоровью работающих граждан. На основе результатов пилотажного исследования проанализированы основные проблемы применения инструментария, даны рекомендации по совершенствованию эмпирического изучения социальных детерминант здоровья.

Ключевые слова: фактор риска; оценка риска; здоровье; здоровый образ жизни.

Здоровье представляет собой сложный многомерный феномен, имеющий гетерогенную структуру, сочетающий в себе качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого бытия [1]. Формирование здоровья как на индивидуальном, так и на популяционном уровне обусловлено действием множества факторов различной природы — экзогенных и эндогенных, объективных и субъективных, находящихся, тем не менее, в неразрывной связи и взаимодействии.

В зависимости от направленности воздействия, все факторы, детерминирующие здоровье человека, разделяют на факторы устойчивости или, факторы антириска (укрепляющие здоровье), и факторы риска (ухудшающие здоровье). Факторы устойчивости повышают сопротивляемость человека факторам риска. Предполагается, что эффективность факторов антириска является для индивидуального и общественного здоровья более высокой, чем устранение привычных факторов риска [2]. Факторы риска — факторы различной природы, провоцирующие или увеличивающие риск ухудшения здоровья человека (развития определенных заболеваний, преждевременной смерти

и пр.); влияние факторов риска проявляется при определенном воздействии.

Определение социальных факторов риска диктуется содержанием категории «социальное», под которой понимается специфические характеристики взаимодействия индивидов как членов определенного общества. Социальное проявляется на уровне личности, выражаясь в совокупности приобретенных индивидом в процессе социализации социальных качеств (статусов, ролей, ценностей, норм, установок и пр.), на уровне группы — во взаимодействии интересов и целей и их разделении, на уровне институтов — в устойчивых практиках, организующих общественную жизнь, и, наконец, на уровне общества в целом — в деятельностном взаимодействии людей, воспроизводящем, «творящем» общество. Следовательно, социальные факторы риска здоровью могут проявляться на различных уровнях (в соответствии с уровнями существования социального). На микроуровне социальными факторами риска здоровью будут выступать поведенческие особенности индивида, обусловленные его интегрированностью в социальные структуры (интегрированные в процессе социализации

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-16-59016).

Барг Анастасия Олеговна — старший научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков; Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения; 614045, Пермь, ул. Монастырская, 82; an-bg@yandex.ru.

Лебедева-Несебря Наталья Александровна — кандидат социологических наук, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков; Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения; 614045, Пермь, ул. Монастырская, 82; natnes@list.ru.

ценности и нормы, усвоенные социальные роли и пр.), на институциональном уровне — специфика функционирования социальных институтов, их существующие явные и латентные эу- и дисфункции, на социетальном уровне — социальное расслоение, особенности социально-экономической, социокультурной и социально-политической подсистем общества. Какие-то из данных факторов напрямую определяют вероятность наступления нежелательного события (прямые факторы риска), какие-то — влияют на возникновение негативных последствий, опосредованно выступая условиями формирования факторов риска.

Эмпирическое изучение распространенности социальных факторов риска здоровью в определенной социальной группе (или в обществе в целом) требует определения внутренней структуры социальных факторов риска здоровью, их операционализации и выделения переменных, характеризующих их состояние и в определенной степени динамику.

Специалистами ФБУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-16-59016) было проведено пилотажное социологическое исследование, направленное на апробацию метода и инструментария изучения подверженности работающего населения микросоциальным факторам риска здоровью. Исследование проводилось в апреле–июне 2012 г. на одном из предприятий нефтегазовой отрасли Пермского края, метод — раздаточное анкетирование на рабочем месте, объем выборки — 360 человек, способ отбора респондентов — стихийный.

При построении выборочной совокупности ставилась задача представления определенных групп, выделенных по признакам, значимым для восприятия инструментария исследования (формализованного вопросника для самозаполнения). К указанным признакам были отнесены: а) уровень образования респондентов (высшее (в том числе незаконченное), среднее специальное и ниже среднего специального образования), б) возраст респондентов, в) пол респондентов. Структура выборочной совокупности представляет собой следующее. Большинство опрошенных (72%) — мужчины, 28% — женщины. К возрастной группе 18–25

лет относилось 12% опрошенных, 24% респондентов были в возрасте 26–35 лет, 31% принадлежали к возрастной когорте 36–45 лет, доля опрошенных в возрасте от 46 до 55 лет составила 30%, люди 56 лет и старше приняли участие в опросе в 3% случаев. Доля опрошенных, отказавшихся указать свой возраст, составила менее 1%. Что касается образования, то 52% опрошенных имели высшее или неполное высшее образование. Среднее специальное и начальное специальное образование было у 36% респондентов, среднее общее или ниже — у 12%. Каждая типическая группа представлена достаточным числом респондентов (не менее 30) [См. об этом: 4], исключение составили опрашиваемые в возрасте 56 лет и старше, что закономерно, так как объектом исследования выступило работающее население, среди которого группа предпенсионного или пенсионного возраста закономерно находится в меньшинстве.

Инструментарий исследования представлял собой набор вопросов, сгруппированных в семь тематических блоков. Первый блок вопросов являлся вводной частью и был направлен на изучение субъективных оценок и объективных показателей здоровья, пять следующих блоков характеризовали подверженность респондента конкретным факторам риска здоровью (нарушение требований личной и бытовой гигиены, неадекватная двигательная активность, нарушение режима и рациона питания, аддиктивное и вынужденное поведение, безответственное медицинское поведение). Заключительный блок был посвящен оценке социального самочувствия и настроения работающих граждан.

Вводные вопросы определяли степень объективности оценок респондента в отношении собственного здоровья. Учитывалось и действительное состояние здоровья, которое характеризовалось такими показателями, как частота заболеваемости острой респираторной вирусной инфекцией, гриппом, наличие хронических заболеваний и т.п. Кроме того, респонденту предлагалось оценить соответствие его образа жизни принципам здорового, что при анализе может интерпретироваться как осознанность подверженности тем или иным поведенческим факторам риска здоровью и адекватность субъективных оценок. Например, если отвечающий говорит о том, что ведет полностью здоровый образ жизни, но при этом в дальнейшем демон-

стрирует несоответствие своих поведенческих практик требованиям самосохранительного поведения, это позволяет сделать вывод о неадекватной оценке респондентом своего образа жизни.

С помощью второго блока вопросов изучалось медицинское поведение респондента, включавшее такие компоненты, как прием лекарственных препаратов (по назначению врача или без него), обращение к врачу (в случае острого недомогания или для профилактических осмотров), посещение узких специалистов (стоматолога, гинеколога (для женщин)), самоконтроль основных маркеров здоровья (артериальное давление, вес, уровень сахара и холестерина в крови и т.д.), вакцинация, способ прохождения лечения, в случае назначения такового (полностью или не до конца).

Третий блок посвящен исследованию группы факторов, относящихся к гигиеническому поведению. Режим сна и бодрствования выражался через такие показатели, как количество часов сна и время отхода ко сну. О режиме труда и отдыха респондента информация складывалась из определения наличия и регулярности перерывов во время рабочего дня, форм проведения повседневного досуга, длительности и регулярности отпуска, форм проведения отпускного периода (активный или пассивный отдых). Соблюдение правил личной гигиены характеризовалось посредством выяснения регулярности мытья рук перед едой, после посещения туалета, частоты чистки зубов, частоты приема ванны, душа и т.п. Гигиенические аспекты сексуального поведения респондента определялись вопросами о наличии постоянного полового партнера, присутствии в жизни отвечающего случайных половых контактов, количестве половых партнеров в год, привычках использовать средства контрацепции.

Аддиктивное и вынужденное поведение (потребление алкогольных напитков и табачных изделий) анализировалось в четвертом блоке вопросов. Относительно практик употребления спиртных напитков рассматривались такие показатели, как частота потребления алкоголя и количество разового приема в зависимости от вида продукции. Что касается курения, выяснялось наличие данного вида поведения, и если таковое присутствовало, то определялись регулярность и стаж курения, количест-

во выкуриваемых сигарет в день, марка и сорт сигарет, которые обычно курит респондент. Кроме того, обязательным компонентом подверженности воздействию никотина является изучение такого показателя, как пассивное курение, поэтому в данном блоке задавались вопросы о частоте и длительности нахождения респондента рядом с курящими людьми даже в том случае, если сам он не курит.

Анализ режима и рациона питания предполагал учет следующих показателей: соблюдение трехразового режима питания, потребление пищи перед сном и всухомятку, качество воды, используемой для питья и для приготовления еды, присутствие в рационе необходимых для нормального функционирования организма продуктов, наличие или отсутствие в рационе вредных для здоровья продуктов. Этому был посвящен пятый блок вопросов.

Характеристики двигательной активности опрашиваемых выявлялись в шестой группе вопросов. Элементы, составляющие данный вид поведенческих практик респондентов таковы: наличие или отсутствие спорта в жизни, регулярность и частота занятий физкультурой и спортом, длительность занятий (в часах), совершение прогулок на свежем воздухе (их частота и длительность), совершение утренней зарядки.

Заключительный седьмой блок вопросов был направлен на измерение общей удовлетворенности опрашиваемых их профессиональной деятельностью, отношениями в коллективе и семье, анализ эмоционального состояния и настроения, что является необходимым для определения контекстов жизнедеятельности респондентов, важных для оценки среды формирования и изменения их здоровья. Субъективное благополучие в целом и удовлетворенность жизнью, в частности, могут также выступать маркерами психологического и, отчасти, социального здоровья и качества жизни.

В процессе проведения полевого этапа исследования и последующего анализа результатов были выявлены некоторые недостатки предложенного инструментария, связанные, в основном, с восприятием вопросов анкеты респондентами и, соответственно, с правильностью заполнения опросного листа. Первая группа проблем касается работы опрашиваемых с вопросами комбинированного типа. На-

пример, вопрос об измерении основных маркеров здоровья, представленный в табличной форме, при заполнении анкеты часто пропускался респондентами. Формулировка вопроса следующая: «В течение последних 6 месяцев медицинские работники или Вы сами (родственники, друзья) измеряли артериальное давление, уровень сахара в крови, уровень холестерина в крови, частоту сердечных сокращений, вес, рост, окружность талии, окружность бедер?». Доля неответов составила 19% по показателю артериального давления, 36% — по измерению уровня сахара в крови, 85% — по измерению уровня холестерина, 46% — по частоте сердечных сокращений, 23% — по весу, 26% — по росту, 57% — по окружности талии и 66% — по окружности бедер. По строкам в таблице перечислялись маркеры здоровья, по столбцам — утвердительный и отрицательный ответы, а также вариант «затрудняюсь ответить». Предполагалось, что респондент должен сделать выбор по каждой строке. Анализ результатов показал, что часто ответы даются не по каждой строке таблицы или таблица заполняется частично. Еще один момент, который ухудшает качество данных, полученных из таких вопросов, — это смещение ответов, т.е. респондент путается и дает два ответа в одной строке, тогда как полагает, что отмечает варианты для разных пунктов. В итоге указанные недостатки стали очевидны и в других вопросах подобной формы. Например, в вопросе «Часто ли Вы употребляете эти алкогольные напитки?», где в таблице по строкам были представлены виды алкогольной продукции, а по столбцам — частота потребления, и в вопросе «Как часто в ваш рацион питания включаются следующие продукты?» (строки — продукты, столбцы — частота потребления).

Вторая группа проблем связана с чувствительными вопросами, затрагивающими личное, интимное пространство респондента. Исследования показывают, что даже вопросы социально-демографического блока часто полагаются опрашиваемыми как «индивидуально острые и вызывают чувство неловкости и смущения» [3, с. 112]. В задачи данного исследования входило изучение сексуального поведения — темы, которая подавляющим большинством граждан считается крайне деликатной и недопустимой для обсуждения в ходе социологических опро-

сов [3]. Анализ результатов проведенного пилотажного исследования показал, что вопрос «Сколько, примерно, разных половых партнеров в год у Вас бывает?», был проигнорирован 43% респондентов, указавших ранее, что у них бывают случайные половые связи. Кроме того, следует предположить определенное смещение в итоговых данных о сексуальных отношениях опрошенных, поскольку, как показывают специальные исследования, имеется прямая связь между остротой восприятия темы и уровнем искренности ответов респондентов [5, с. 50].

Указанные недостатки инструментария следует учитывать при проведении социологического исследования, направленного на изучение подверженности различных групп населения социальным факторам риска здоровью. В целом же, методика позволяет охарактеризовать основные поведенческие практики, связанные с образом жизни человека и влияющие на его здоровье, распространенность отклонений от самосохранительного поведения или приверженность ему в различных группах работающего населения, появляется возможность определить основные типы поведения людей относительно их здоровья.

Важным аспектом в изучении воздействия социальных факторов риска на здоровье является их количественная оценка. По результатам данного исследования говорить об оценке социальных рисков здоровью нельзя, скорее они позволяют описать качественные характеристики выраженности и распространенности факторов. Для получения возможности оценки риска представляется целесообразным дополнить инструментарий вопросами, способствующими получению данных об уровнях факторов риска, связанных с образом жизни. Количественная оценка риска может осуществляться для следующих факторов риска, связанных с образом жизни: курение (в т.ч. пассивное), злоупотребление алкоголем, нарушение питания и нарушение двигательной активности, так как, по мнению экспертов ВОЗ, накоплено достаточно данных, доказывающих обусловленность негативных эффектов для здоровья воздействием этих факторов образа жизни, и существуют определенные критические значения выраженности фактора, которые позволяют производить расчет и оценку риска.

Список литературы

1. *Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001.
2. *Ефименко С.А.* Риски и рисковое поведение пациентов в сфере здоровья // Социология медицины. 2007. №1. С.7–12.
3. *Мяжков А.И.* Статистические стратегии чувствительных измерений // Социол. исследования. 2002. №1. С.111–121.
4. *Степанов В.Г.* Определение необходимого объема выборки // Статистика. Часть 1. Учебный курс. М., 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook007/book/index/index.html?go=part-010*page.htm (дата обращения: 30.07.2012).
5. *Bradburn N.M., Sudman S.* Improving Interview Method and Questionnaire Design. San-Francisco: Jossey-Bass, 1979.

**SOCIAL RISK FACTORS FOR HEALTH
IN A FOCUS OF EMPIRIC SOCIOLOGICAL RESEARCH**
Anastasia O. Barg, Natalia A. Lebedeva-Nesevrya

*Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies;
82, Monastyrskaya str., Perm, 614045, Russia*

The typology of social risk factors for health is presented in the paper; the factors of micro and macro level are identified. An example of the methodology and tools of empirical study of the prevalence of social risk factors for the health of the working population is given. The main problems of application of the instrument are pointed out on the basis of the results of the pilot study analyses, the recommendation on the improvement of the empirical study of the social determinants of health are given.

Key words: risk factors; health risks; social factors; healthy lifestyle.

УДК 316.624

САМОУБИЙСТВА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЕМ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ*

Н.А. Лебедева-Несебря, Д.А. Кирьянов

Представлены результаты анализа взаимосвязи учетной распространенности злоупотребления алкоголем и самоубийств на территории Пермского края. Произведена оценка вклада суицидов в показатели ожидаемой продолжительности жизни населения региона. С использованием корреляционно-регрессионного анализа осуществлена оценка влияния распространенности наркологических расстройств в муниципальных образованиях Пермского края на частоту самоубийств.

Ключевые слова: девиантное поведение; злоупотребление алкоголем; суицид; смертность

Суицидальное поведение представляет собой важнейшую проблему современного общества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в среднем ежедневно в мире около 30 тыс. человек заканчивает жизнь самоубийством. На каждого человека, совершившего самоубийство, приходится свыше 20 человек, пытавшихся покончить с собой [2]. При этом примерно половина самоубийц совершали ранее хотя бы одну суицидальную попытку [9], что позволяет считать самоубийства одной из основных предотвратимых причин преждевременной смерти.

Общепринятым сегодня считается предложенное ВОЗ разделение стран по показателю распространенности суицидов на три группы: с высоким (свыше 20 суицидов в год на 100 тыс. населения), средним (10–20 самоубийств в год на 100 тыс.) и низким (до 10 самоубийств в год на 100 тыс. населения) уровнем [7]. По данным Росстата [5], в 2011 г. уровень самоубийств в России составлял 21,4 случая на 100 тыс. населения, что маркирует Российскую Федерацию как страну с высоким уровнем самоубийств.

Ситуацию с распространенностью самоубийств в Пермском крае можно назвать более напряженной, нежели в целом по России. Так, показатели смертности населения по причине суицидов в регионе устойчиво превышают среднероссийские значения: в 2008 г. в Пермском крае на 100 тыс. населения приходилось 45,1 самоубийств, в 2009 г. — 45,5, в 2010 г. — 43,3 суицидов. Всего в 2010 г. по причине самоубийства в регионе умерли 1141 человек [6].

Преобладание мужской суицидальности над женской является типичным и отмечалось еще в работах Э. Дюркгейма [4]. В Пермском крае соотношение мужчин и женщин среди самоубийц постоянно увеличивалось в сторону «сильного» пола как по всем возрастам в целом, так и по трудоспособному населению. Если в 1992 г. это соотношение по всем возрастам в целом равнялось 4,4:1, а по трудоспособным возрастам — 5,2:1, то в 1999 г. соотношение было 5,0:1 и 6,2:1 соответственно, а в 2009 г. уже 6,4:1 и 6,9:1 соответственно.

В возрастной структуре самоубийств в Пермском крае в настоящее время выделяются два периода — 25–29 лет и старше 60 лет, — на

* Статья подготовлена в рамках НИР «Оценка и прогнозирование рисков развития социокультурных ресурсов регионов, обусловленных потреблением алкоголя», выполняемой в соответствии с планом фундаментальных исследований и прикладных научных исследований в области образования (проект № 6.4216.2011).

Лебедева-Несебря Наталья Александровна — кандидат социологических наук, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков; Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения; 614045, Пермь, ул. Монастырская, 82; natnes@list.ru.

Кирьянов Дмитрий Александрович — кандидат технических наук, заведующий отделом математического моделирования систем и процессов; Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения; 614045, Пермь, ул. Монастырская, 82; kda@fcrisk.ru.

которые приходится сверхсмертность. Их наличие определяет смертность среди мужчин. Среди женщин возрастные различия выражены в гораздо меньшей степени.

В отличие от многих западных стран, в России уровень самоубийств в сельской местности выше, чем в городах. Этот факт часто объясняется связью проблемы самоубийств в России с социально-экономическим кризисом переходного периода. Многие исследователи относят факт повышенного уровня самоубийств на селе на счет большей социальной дезадаптации сельского населения, искажения его возрастной и семейной структуры, неполной занятости, распространения алкоголизма [1].

В Пермском крае преобладание среди самоубийц жителей сельских районов также ярко выражено. Однако если до 2004–2005 гг. разница в частоте самоубийств среди сельских и городских жителей нарастала (в 1992 г. отношение смертности по причине самоубийств в сельской местности к смертности по данной причине в городах равнялось 1,4:1, а в 2005 г. уже достигало 2,5:1), то в последние годы наблюдается сглаживание различий.

Результаты анализа распространенности суицидов в разрезе муниципальных образований Пермского края, проведенные путем ранжирования стандартизированных коэффициентов смертности (в качестве стандарт-населения взята половозрастная структура населения Пермского края в целом), показывают стабильное «лидерство» территорий Коми-Пермяцкого автономного округа. Отчасти причиной тому являются этнические культурно-психологические особенности населения. Факт принадлежности к угро-финским народностям (удмурты, карелы, венгры и др.) повсеместно сочетается с повышенным уровнем самоубийств [8].

Наименьшие показатели стандартизированного коэффициента смертности от самоубийств стабильно наблюдаются в краевом центре — г. Перми. Одни из самых низких показателей распространенности суицидов зафиксированы на достаточно развитых в социально-экономическом аспекте территориях — городах Березники, Краснокамск, Кунгур, Чайковский, Чусовой.

Важно определить степень влияния такой причины смерти, как самоубийства, на показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ). ОПЖ зависит от повозрастных показа-

телей смертности. Если из общего количества случаев смертности во всех возрастах вычесть смертность от суицидов, то разница лет ОПЖ, рассчитанной при смертности от всех причин, и ОПЖ, рассчитанной по возрастным показателям смертности за исключением смертности от суицидов, и будет оценкой вклада суицидов в показатели ожидаемой жизни населения. На территориях Пермского края этот вклад значителен — от 0,5 до 2,6 года.

Решение задачи увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения региона, снижения смертности от предотвратимых причин, в частности суицидов, требует определения факторов, способствующих распространению указанной деструктивной практики.

Целью настоящего исследования являлось установление влияния распространенности злоупотребления алкоголем на уровень самоубийств в Пермском крае.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили данные статистического учета показателей, систематически собираемых государственными органами и учреждениями. Использовались статистические данные, представленные в формах федерального статистического наблюдения №37 «Сведения о больных алкоголизмом, наркоманиями, токсикоманиями» и №11 «Сведения о заболеваниях наркологическими расстройствами».

Оценка влияния распространенности наркологических расстройств в муниципальных образованиях Пермского края на частоту самоубийств проводилась на основе анализа статистических зависимостей между показателями. Основным инструментом исследований причинно-следственных связей был корреляционно-регрессионный анализ. В качестве входных переменных использовались а) показатели смертности от самоубийств и б) показатели распространенности заболеваний, связанных с употреблением психоактивных веществ. В качестве критерия, характеризующего наличие и силу связи между показателями, использовался коэффициент корреляции Пирсона. Оценка значимости коэффициента корреляции проводилась на основе критерия Стьюдента. В качестве критерия достоверности коэффициента корреляции использовался квантиль распределения Стьюдента с $n-1$ степенями свободы порядка 0,95 [3]. Оценка наличия корреляционных связей сопровождалась построением простых линейных регрессионных моделей, свиде-

тельствующих о характере связи между переменными. Для получения более обоснованных выводов относительно закономерностей зависимости между самоубийствами и заболеваниями, связанными с употреблением психоактивных веществ, оценка корреляционно-регрессионных связей проводилась в двух пространственно-временных срезах: а) анализ зависимостей между показателями, наблюдаемыми в различных муниципальных образованиях Пермского края в фиксированном году (2009 г.); б) анализ зависимостей между показателями, наблюдаемыми в динамике за период с 2000 по 2009 г. Указанные срезы исследований позволяют проанализировать и параметризовать различные гипотезы относительно наличия или отсутствия зависимостей.

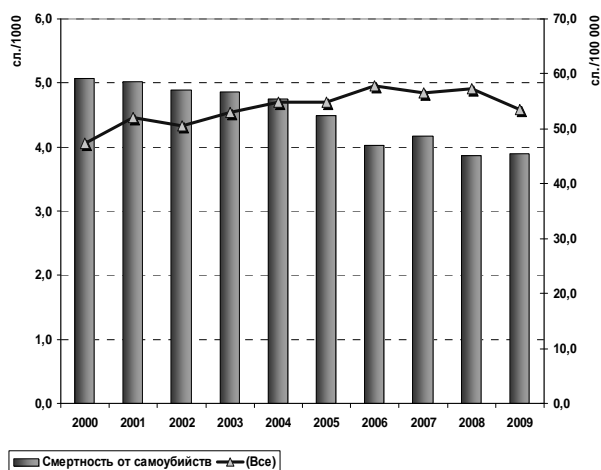

Рис. 1. Динамика самоубийств и распространенности зависимости от психоактивных веществ (всех), Пермский край

Результаты. Анализ зависимостей между показателями, наблюдаемыми в различных муниципальных образованиях Пермского края в фиксированном году (2009 г.), позволил установить наличие достоверной ($p \leq 0,05$) отрицательной корреляционной зависимости ($r = (-)0,35$; $p = 0,026$) между уровнем самоубийств и распространенностью заболевания хроническим алкоголизмом третьей стадии.

Анализ зависимостей между показателями, наблюдаемыми в динамике за период с 2000 по 2009 г., позволил установить наличие достоверных ($p \leq 0,05$) для Пермского края в целом связей.

Во-первых, обнаружена отрицательная корреляционная зависимость ($r = (-)78$; $p = 0,008$) между уровнем самоубийств и распространенностью зависимости от психоактивных веществ (рис. 1).

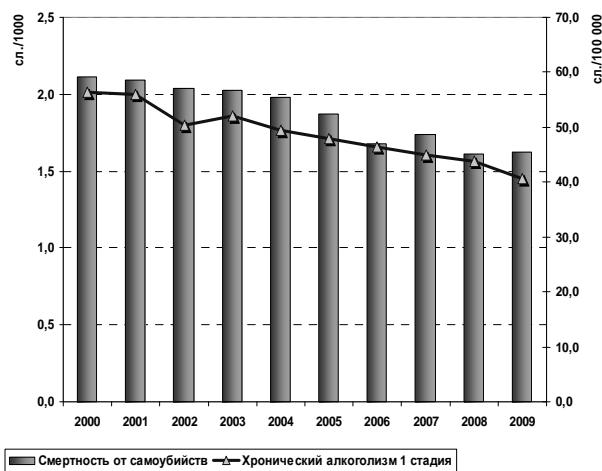

Рис. 2. Динамика самоубийств и распространенности алкоголизма первой стадии, Пермский край

Во-вторых, установлена положительная корреляционная зависимость ($r = 0,94$; $p = 0,000$) между уровнем самоубийств и распространенностью алкоголизма первой стадии (рис. 2).

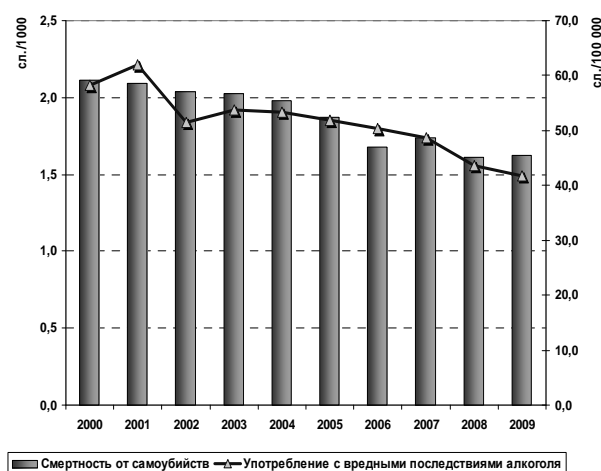

Рис. 3. Динамика самоубийств и распространенности употребления с вредными последствиями алкоголя, Пермский край

В-третьих, обнаружена положительная корреляционная зависимость ($r = 0,88$; $p = 0,001$) между уровнем самоубийств и распространен-

ностью употребления алкоголя с вредными последствиями (рис. 3).

В-четвертых, установлена положительная корреляционная зависимость ($r = 0,66$; $p = 0,037$) между уровнем самоубийств и распространенностью психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя.

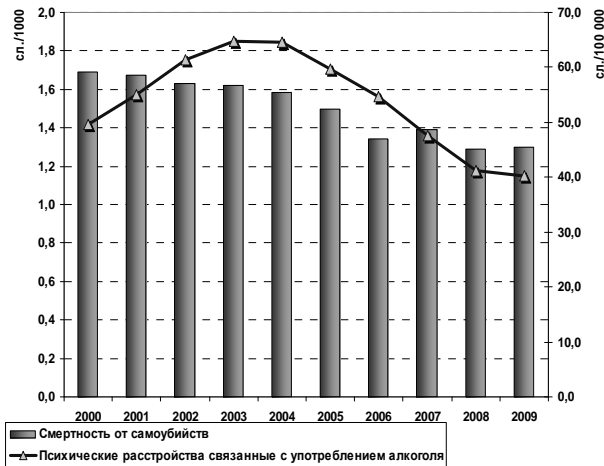

Рис. 4. Динамика самоубийств и распространенности психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, Пермский край

Достоверные отрицательные корреляционные связи между уровнем суицидов и распространенностью злоупотребления алкоголем свидетельствуют о том, что самоубийство и зависимость от психоактивных веществ являются двумя разными, независимыми напрямую друг от друга видами аутодеструктивного поведения (разными способами реагирования на воздействие какого-то третьего фактора).

В то же время достоверные положительные корреляционные связи между уровнем самоубийств и распространенностью ряда разновидностей зависимости от употребления алкоголя, выявляющиеся при анализе этих показате-

лей в динамике, свидетельствуют о том, что повышенный уровень алкоголизации населения становится предиктором крайней разновидности реагирования на психо-социальный стресс. Другими словами, высокий уровень распространенности алкоголизма — не причина, а провоцирующий фактор суицида, безусловно оказывающий влияние на частоту самоубийств.

Список литературы:

1. Валиахметов Р., Мухамадиева Р., Хилажева Г. Опыт социологического исследования проблемы суицидов // Вестн. общественного мнения. 2010. №1(103). С.65–89.
2. Всемирный день предотвращения самоубийств. Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.who.int/mediacentre/events/annual/world_suicide_prevention_day/ru/ (дата обращения: 26.10.2012).
3. Гланц С. Медико-биологическая статистика. М.: Практика, 1998.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
5. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2011 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2011/demo/edn12-11.htm (дата обращения: 26.10.2012).
6. Смертность по основным классам причин смерти. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: <http://permstat.gks.ru/digital/region1/default.aspx> (дата обращения: 26.10.2012).
7. Смертность российских подростков от самоубийств / А.Е. Иванова, Т.П. Сабгайда и др. М.: ЮНИСЕФ, 2011. С.8–18.
8. Хабиб О. Суициды среди угро-финнов // Русский медицинский журнал. 1996. Т.4. Вып.7.
9. Hawton K. Suicide and attempted suicide / E. Pankel, ed. Handbook of Affective Disorders, 2nd ed. N.Y.: Guilford, 1992.

SUICIDE AND ALCOHOL ABUSE: CORRELATION-ANALYSIS ON THE MATERIALS OF THE RESEARCH IN PERM REGION *Natalia A. Lebeva-Nesevrya, Dmitry A. Kiryanov*

*Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies;
82, Monastyrskaya str., Perm, 614045, Russia*

The result of the correlation-analysis between the prevalence of alcohol abuse and suicide on the territory of Perm region is presented in the paper. The role of the suicides in the life expectancy of the population of the region is estimated.

Key words: deviant behavior; alcohol abuse; suicide; mortality.

УДК 316.334.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И ТАБАКА*

А.И. Моисеенко

Обсуждается роль повышения налогов и ограничения на рекламу в сокращении проблем со здоровьем, которые возникают при потреблении алкоголя и табака, с использованием экономических моделей. Считается, что для того чтобы правильно построить модели спроса, необходимо учесть все важные факторы, которые влияют на потребление, в противном случае неправильное моделирование может привести к ошибочным оценкам последствий изменения политики. Деятельности экономики в отношении товаров, вызывающих привыкание, таких как алкоголь и табак, уделяется особое внимание. В качестве проблемы определения политических рекомендаций на основе эмпирических результатов обсуждаются последние достижения в области экономической теории, методов оценки и статистического тестирования.

Ключевые слова: экономические модели; методы оценки; спрос; показатели временных рядов; потребление; выборка.

Среди товаров народного потребления алкоголь, как и табак, занимает особое место, связанное с серьезными негативными последствиями от потребления. В России показатели, связанные с злоупотреблением алкоголя, такие как насилие над личностью (убийства и самоубийства), смертность (от отравления алкоголем, несчастных случаев), а также продолжительность жизни, являются одними из самых худших в мире.

Повседневное поведение личности, элементом которого является потребление спиртных напитков, определяется не только жизненными коллизиями конкретного индивида: неудовлетворенностью трудом или неумением использовать свободное время, плохими жилищными условиями или неразделенной любовью, праздниками, радостными событиями и т.д., — но и конкретными социальными, экономическими и политическими переменами в жизни общества. Поэтому, на наш взгляд, анализ данной про-

блемы является актуальным. Такого же мнения придерживаются многие российские социологи [1; 2].

Алкоголь и табак — неординарные потребительские товары по причине негативных последствий их потребления, главные из которых — способность вызывать зависимость и даже смерть. Уровень вреда от потребления алкоголя и табачных изделий связан со структурой и уровнем потребления. В свою очередь, уровень потребления и, соответственно, распространенность злоупотребления алкоголем и табаком определяются такими факторами, как доступность, доход на душу населения, характер розничных продаж, государственная политика, а также индивидуальными факторами: генетическими, психологическими, экологическими и др.

Государственная алкогольная политика должна быть направлена на минимизацию вреда. Среди важнейших задач отмечается, что

* Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2012 г. (проект №6.4216.2011, рук. Е.Б. Плотникова).

страны должны стремиться к значительному снижению потребления алкоголя и табака. Но это не означает, что требуется запрет данной продукции. Мировая и советская практика показала, что это невозможно, а существенное снижение производства приводит в конечном итоге к более пагубным последствиям вследствие потребления низкокачественных алкогольных напитков, в частности самогона. Таким образом, должен быть выбран правильный баланс между потребностью в алкоголе и его доступностью, между промышленным и домашним производством [1].

В настоящее время существует большое количество работ зарубежных авторов по этой проблематике, поэтому будет целесообразно обратиться к их трудам. Данная статья представляет собой обобщение опыта экономического обоснования потребления, имеющегося в британской научной литературе.

В дискуссиях относительно предупредительных мер в области здравоохранения часто задается вопрос о том, должен ли быть введен контроль над рекламой и есть ли необходимость в повышении налогов на алкоголь и табачные изделия. Расчетные данные, четко определяющие экономические модели, играют потенциально полезную роль в оценке таких альтернативных стратегий. Эта работа содержит обзор использования экономических методов моделирования в определении факторов, влияющих на потребление товаров, вызывающих привыкание, и использования расчетных данных экономических моделей в принятии политических решений.

Анализ поведения потребителей и уровень спроса являются важной частью не только экономики, но и социологии. Покупка алкоголя и табака составляет значительную часть расходов потребителей, а также является предметом специального налога в большинстве стран.

Поэтому ученые и политики особенно заинтересованы в реакции потребительских расходов и налоговых поступлений на изменение цен. Пагубным последствиям, связанным с потреблением алкоголя и табака и привыканием к этим товарам, уделялось меньше внимания со стороны исследователей. Одним из вопросов, рассматриваемых в этой работе, является способность нынешней социологической теории справиться с особой природой этих товаров.

При анализе некоторых товаров, вызывающих привыкание, есть особые проблемы, например, получение данных при изучении спроса на наркотики представляет собой ряд трудностей.

Процесс экономического моделирования включает в себя ряд этапов, и проблемы, возникающие на разных этапах, могут ограничить применение результатов научных исследований. Первый этап включает спецификацию теоретической модели и уже упомянутые возможные трудности, охватывающие особенности потребления алкоголя и табака.

Вторым этапом является применение теоретической модели данных. Нехватка и неточность данных может ограничить социологическую значимость полученных оценок. На третьем этапе процесса экономического моделирования происходит проверка модели с помощью соответствующих статистических расчетов. Без корректного тестирования результаты исследования могут быть неверными. В данной статье рассматриваются некоторые трудности, возникающие при получении достоверных данных о факторах, влияющих на потребление алкоголя и табака, на основе последних достижений в области экономической теории, методов оценки и статистических проверок. Даже качественные эмпирические исследования могут быть неправильно истолкованы.

Показатели и построение моделей

Экономические теории поведения потребителей исходят из того, что потребители должны сделать выбор, поскольку потребление одного товара, скажем, бутылки вина, подразумевает отказ от другого товара. Учитывая цены на доступные товары и услуги, потребитель принимает решение о количестве приобретаемых товаров, стремясь максимизировать полезность в результате потребления товаров, ограниченных по доходам.

Поэтому факторы, влияющие на спрос какого-либо товара, вероятно, будут включать в себя цену на данный товар, цены на другие товары и уровень доходов.

Взаимосвязь между ценами, доходами и другими факторами, которые влияют на спрос, имеет особый интерес для экономистов и социологов. При тестировании различных теорий таких взаимодействий экономисты обычно не имеют доступа к экспериментальным данным.

Чтобы исключить отдельные факторы, теории поведения не могут быть проверены путем разработки контролируемых экспериментов. Поэтому экономические модели должны быть разработаны с учетом всех соответствующих факторов.

Эмпирическая работа должна быть основана на многомерных методах, разработанных для того, чтобы разделить влияние отдельных факторов, а не на простой корреляции между потреблением товара и одним из факторов, например рекламой. Вопрос о взаимоотношении между двумя переменными должен рассматриваться с большой осторожностью.

Экономические модели могут быть проверены только на основе данных наблюдения. Наличие соответствующих данных и связь между наблюдаемыми переменными и теоретическими построениями играют важную роль в определении полезности экономических моделей. Есть несколько различных типов показателей, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Различный охват данных определяет тип модели, которая может быть построена, и статистические задачи, которые могут возникнуть. Некоторые общие черты каждой категории данных в настоящее время рассматриваются до теоретических моделей.

Показатели временных рядов

Во многих странах данные потребления алкоголя и табака собираются регулярно для составления национальных счетов. Большинство экономических анализов основаны на наблюдениях всего населения в течение нескольких периодов.

Значительное внимание уделяется обеспечению точности учета национальных показателей, и эта точность является одним из преимуществ данного типа показателей. Однако вследствие контрабанды и незаконного производства потребление алкоголя и табака можно недооценивать.

Предупредительные меры, которые ограничивают доступ к этим товарам, такие как налоги или контроль за продажами, могут изменить как нелегальную, так и легальную деятельность, например, домашнее пивоварение. Кроме того, они ограничивают выводы из модели, основанной на данных, которые не учитываются при этой деятельности.

Меры потребления алкоголя и табака, как правило, доступны с точки зрения расходов. Данные по расходам стали полезной единицей измерения, особенно для экономических моделей, но они имеют ряд ограничений. Например, они могут быть не столь подходящими для тех, кто занимается вопросами здравоохранения и предпочитает измерение физической величины, такой как единицы чистого спирта или вес табака. Меры потребления редко идеально соотносятся, и, следовательно, различные результаты могут быть получены с помощью различных индикаторов.

Выбор меры потребления — особая проблема для изучения спроса на табачные изделия, где тип потребляемых сигарет значительно изменился за последние 30 лет. В Великобритании, например, потребление сигарет с фильтром составляло лишь 20% от всего потребления в 1962 г., а в 1970 г. — 78% от всего потребления. Следует отметить, что сигареты с фильтром содержат меньше табака, чем обычные сигареты. Тенденция к сигаретам с низким содержанием смолы также снизила вес табака в сигаретах, хотя эта тенденция была частично нейтрализована в Великобритании за последние годы вследствие перехода к более длинным сигаретам. Различные меры измерения потребления табака, а именно расходов на сигареты, количества сигарет и веса табака, стали расходиться в течение последних 30 лет в Великобритании. Эти изменения в потребительском поведении влияют на результаты моделей, которые пытаются объяснить факторы, влияющие на потребление, и на основе их сделанные политические рекомендации [7]. Аналогичные изменения произошли в ряде стран. В исследовании американца Шнейдера и его соавторов были представлены новые переменные, такие как доля сигарет с фильтром и доля сигарет с низким содержанием смолы в уравнении спроса на табак по весу. Их результаты показали, что предыдущие исследования на основе количества сигарет, только недооценивают воздействие на санитарное просвещение. Кроме того, последние несколько десятилетий произошли изменения на рынке алкогольной продукции, в частности, в качестве потребляемых вин и спиртных напитков. Особенностью употребления алкоголя является то, что цены на алкоголь, потребляемый вне дома, отражают степень

удобства места распития спиртных напитков. Объем выпуска не будет отражать изменения в пропорциях напитка, потребляемого внутри и вне дома. Можно утверждать, что постоянные значительные расходы на алкоголь (или табачные изделия) отражают различные комбинации параметров качества, такие как разные марки и их характеристики. Для того чтобы понять факторы, влияющие на изменение структуры потребления и здоровье, необходимо рассмотреть более одного из доступных видов, а также, есть необходимость расширения базовой модели с дополнительными переменными. В то время как национальные счета могут обеспечить серии потребления и доход всего населения, данные о других факторах, которые могут влиять на потребление, таких как цена и реклама, очень трудно получить и при более высокой погрешности измерений. В эмпирической модели были использованы два различных типа индексов цен: тот, который учитывает различные сочетания товаров, потребляемых с течением времени, и тот, который базируется на фиксированной корзине «брендов», или видов товаров. Использование ценового ряда прежнего типа не учитывает сдвиги в потреблении, и это может стать методологической проблемой, особенно если исследование охватывает длительный период времени. Исследователи в некоторых странах не могут составить серию цен на типичный продукт.

Получение данных на рекламные расходы с течением времени оказалось еще более трудным, чем для других переменных. Такие данные обычно не поддерживаются правительством, и поэтому исследователи вынуждены полагаться на частные исследования. Результаты таких исследований могут быть дорогими или не быть доступными для независимых исследователей. Отсутствие доступа вызывает беспокойство, когда воздействие рекламы на потребление широко оспаривается [6]. Не все факторы могут быть измерены посредством непрерывного ряда. Исследователи пытаются оценить влияние на потребление алкоголя и табака изменений в законодательстве, в частности, в отношении контроля за рекламой и мер санитарного просвещения.

В экономической модели предполагается, что такие изменения смещают спрос, поэтому были использованы различные методы для из-

мерения «шокового» эффекта от таких мероприятий. Пока не ясно то, что существующие технические характеристики адекватно оценивают влияние санитарного просвещения или полное воздействие измененного законодательства, и может быть неуместным пытаться спрогнозировать эффект от предлагаемых изменений политики из этих моделей.

Итак, есть целый ряд преимуществ показателей временных рядов, в частности их точность и доступность. Было установлено, что модели потребления, основанные на этих показателях, особенно полезны для прогнозирования изменений в потреблении с изменениями цены и дохода, и поэтому играют важную роль в оценке политики.

Объединенные временные ряды и перекрестные данные раздела

Важной особенностью моделей с использованием показателей временных рядов является то, что они, как правило, объединены по всему населению. Тем не менее различные группы, например мужчины и женщины, молодежь и пожилые, могут по-разному реагировать на изменения переменных, таких как цена, прибыль, реклама и санитарное просвещение.

Сводные данные могут скрыть изменения в структуре потребления, и совокупные оценки параметров не отражают изменения поведения различных групп населения.

Дополнительные переменные, например некоторые меры распределения доходов, возможно, должны быть добавлены в совокупность моделей с учетом каких-либо предубеждений в результате процесса агрегации. В некоторых случаях доступны разрозненные ряды, и результаты из Великобритании свидетельствуют о том, что цена колеблется в зависимости от реакции на предложение алкоголя и табака мужчин, женщин и разных социальных классов [3].

Но такие разрозненные ряды редко бывают доступными и могут быть основаны на выборочных исследованиях, имеющих недостатки, описанные ниже.

Во многих странах существуют государственные структуры, деятельность которых приводит к изменениям законодательства и налоговой политики в разных частях страны. С помощью комбинирования данных, полученных в

разных странах с течением времени, могут быть выведены объединенные временные циклы и перекрестные показатели. Должны быть проанализированы показатели с использованием надлежащих методов оценки и доступны различные методы, включающие предположения. Джонсон и Оксанен сравнили качество этих методов и обнаружили, что получили аналогичные результаты. Эти результаты основаны на канадских показателях и не соответствуют другим странам или другим периодам времени. Одним из преимуществ этого типа данных является то, что они позволяют ввести социологические и другие переменные, которые могут воздействовать на привычки потребления и которые либо не доступны в виде временных циклов, либо не проявляют достаточного изменения с течением времени. Они должны быть включены в модели оценивания с совокупными показателями временных рядов. Измерение влияния этих переменных позволяет более глубоко понять потребительские привычки, но внимание должно уделяться тому, чтобы избежать ошибки спецификации в связи с пропуском важных воздействий.

Трудности могут возникнуть вследствие значительного числа дополнительных переменных, введенных в процессе моделирования, и сложностей с их измерением. Одной из проблем является то, когда циклы тесно двигаются в соответствии друг с другом, трудно точно оценить влияние любой из переменных. Для решения данной проблемы были предложены концепции. Однако некоторые, так называемые «лекарства» от этой проблемы могут привести к своим статистическим проблемам.

Например, опустив некоторые переменные в уравнении, можно прийти к смещению на остальные оценки коэффициента при наличии пропущенных переменных, которые оказали влияние на спрос. Джонсон и Оксанен использовали метод главных компонент для того, чтобы уменьшить каждую группу социологических переменных, измерение таких факторов, как религия и образование, и использовали первые две компоненты для оценки уравнений. Эта процедура эквивалентна введению ограничений на коэффициенты модели и поэтому может привести к предвзятости.

В странах с государственными законодательными органами меры, которые влияют на

потребление алкоголя и табака, могут быть введены в различных формах и в различные периоды времени. Объединенный набор показателей в разных городах может быть использован для оценки влияния этих законодательных изменений. Некоторые исследователи использовали такие показатели, чтобы оценить, например, минимальный возраст законодательства [13]. Таким образом, объединенные показатели и указанные модели, которые включают в себя различные факторы, влияющие на потребление, имеют ряд преимуществ. Результаты, полученные с помощью этих моделей, могут быть использованы для целого ряда различного моделирования политики, например сравнения налоговых и законодательных изменений. Кроме того, такие модели контролируют изменения других факторов с течением времени. Простой анализ состояния изменений в потреблении или проблем, связанных с изменением законодательства, не принимает такие изменения во внимание.

Отдельные исследователи использовали альтернативные квазиэкспериментальные техники, чтобы избежать некоторых оценочных проблем, возникающих при регрессионном анализе. Например, Саймон пришел к выводу, что движение цен зависит от изменений в государственной налоговой ставке, и рассчитал пропорциональное изменение состояния потребления на душу населения в результате роста цен. Этот расчет предполагает, что состояние налоговых изменений является экзогенным и не зависит от уровня потребления. Кроме налоговых изменений, влияние учитывается с помощью средств государственного контроля. При этом предполагают, что другие факторы, которые влияют на потребление в одном государстве, в любой год будут иметь то же самое влияние на потребление и в других подобных государствах в этом же году.

Кроме того, этот метод был использован Куком, а также Куком и Таученом для изучения изменения цены алкоголя и смертности от цирроза печени и автомобильных аварий. С другой стороны, некоторые части процесса моделирования можно проверить. Например, экзогенность изменения цен, выбор и использование государственного контроля являются более произвольными и ограничивают использование модели для рассмотрения влияния цен.

Эта категория показателей характерна только для стран, где цены или другие переменные отличаются в разных географических районах, и показатели доступны только для этих регионов. Есть проблемы с надежностью таких данных, в частности, для измерения потребления, если изменения в цене между государствами приводят к большому числу перекрестных покупок за границей.

Для многих стран такие данные недоступны. Некоторые авторы объединили показатели по странам. При сравнении потребления на обширных географических территориях с очень разными культурами и сборе данных в разных странах показатели могут отличаться, и значительное внимание уделяется вводу ряда статистических задач для тестирования таких моделей.

Выборочные исследования

В настоящее время доступен ряд исследований относительно поведения человека или всех членов домохозяйства, включая данные о курении и алкоголизме. Анализ таких данных может дополнить анализ временных рядов. В соответствии с различным набором цен и доходов, отвечающих разным группам людей, таким как богатые и бедные, мужчины и женщины, активные и пассивные потребители, могут быть исследованы дифференциальные воздействия и последствия ценовой политики. Если, например, сильно пьющие люди реагируют на изменение цен с меньшим изменением в потреблении алкоголя по сравнению с другими пьющими, то повышение налогов будет менее эффективным, чем предсказание общей оценки из модели временного ряда. Изучение реакции поведения курящего человека на сообщения санитарного просвещения по различным социальным классам также может быть очень информативным для будущих кампаний по охране здоровья.

В различных опросах могут быть использованы различные способы потребления. Может быть получена сумма расходов или приобретенная физическая единица потребления, или может быть записана мера «обычного» потребления. Некоторые исследования, касающиеся алкоголизма, используют количественные/частотные показатели, которые учитывают не только средний расход, но и то, как это по-

требление было распространено с течением времени. Этот тип измерения имеет преимущество по сравнению со средними расходами в том, что данные индексы могут отличить человека, который пьет мало и часто, от человека, у которого случаются редкие, но тяжелые запои. Эта классификация может быть очень полезным инструментом в связи с оценкой расходов на поправку здоровья и последствий потребления для общественного порядка. Из таких исследований может быть доступна другая полезная информация, такая как прошлые потребительские привычки, расширяющие тип теоретической модели. Есть, однако, также методологические трудности, поскольку в бюджетных исследованиях многие люди записывают расходы с некоторого «нулевого», начального уровня. Это явление указывает на неуместность тех статистических методов, которые основаны на предположениях о том, что потребление распределено нормально.

Меры потребления алкоголя и табака, полученные из бюджетных исследований, были подвергнуты критике по причине их ненадежности. Экстраполирование оценок таких исследований показывает, что потребление алкоголя и табака серьезно недооценивается по сравнению с данными временных циклов. Например, в ежегодных бюджетных исследованиях в Великобритании дефицит был оценен от 22 до 26% — на табак и от 40 до 45% — на алкоголь [9].

Есть несколько причин этих расхождений, в том числе влияние социальных институтов, разная частота реакции пьющих и курящих, а также влияние туристического трафика [12]. Хотя респонденты не могут серьезно снизить потребление, есть опасность в использовании любого прогноза такого рода для всего населения.

Трудно получить достоверные данные из модели, используя выборочные исследования, вследствие необходимости уточнения характеристик домохозяйств, культурных и социальных факторов, которые должны быть смоделированы с помощью ряда показателей. Особенно трудно получить универсальную модель, поэтому сегментация образца и оценки модели для различных групп как отдельная процедура может быть одним из полезных средств предотвращения неправильного описания. Кроме

того, цены не могут меняться в каждом исследовании для оценки их эффективности. В Великобритании было проведено два исследования по этому поводу. Исследование семейных расходов и Общее исследование домашних хозяйств были введены на регулярной основе. Объединение результатов исследований на протяжении нескольких лет предоставляет богатый набор микро показателей.

Другие исследования проводятся на протяжении нескольких лет и в различных географических районах. Левит, Коэйт и Гроссман использовали примеры, взятые в период между 1966 и 1970 г. для изучения влияния государственного регулирования в области подросткового курения. Это исследование показало, что подростки более чутко реагировали и на цены, и на сообщения санитарного просвещения, чем на это указывали оценки, полученные от совокупного исследования [10].

Богатство таких наборов данных является важным стимулом для разработки новых теоретических моделей. К сожалению, исследования стоят дорого, и исследователи обычно опираются на данные, собранные для другой поставленной цели.

Теоретические модели

Экономисты сосредоточены на изучении взаимосвязи между потреблением всех товаров, в том числе товаров, имеющих отношение к сфере досуга. Большинство теоретических разработок, предназначенных для оценки спроса одновременно на все товары (включая алкогольные напитки и табачные изделия), были осуществлены в области системы спроса. Однако в качестве положительного фактора наблюдается растущий интерес к здоровью и вопросу о том, как потребление опасных товаров влияет на него. В настоящее время эти теоретические разработки пересмотрены и возникла необходимость иного освещения факторов, влияющих на потребление алкоголя и табака. При разработке любой теории экономисты сталкиваются с рядом ограничений. Существует необходимость в развитии моделей, которые поддаются обработке и которые могут быть проверены на имеющихся, уже описанных данных.

Этот процесс включает в себя ряд предположений, и поэтому важно, чтобы модель расчетных данных была предметом статистиче-

ской оценки для суждения об обоснованности сделанного предположения.

Единичные и системные модели спроса

Теория потребительского спроса основывается на концепции полезности, или на уровне духовной удовлетворенности индивида, который зависит от потребляемых товаров.

При данном наборе цен фактически потребляемые товары указывают на сделанный выбор потребителей и ограниченность своих доходов. В общем виде эти требования могут быть записаны как

$$Q_i = f(P_1, P_2, \dots, P_n, Y, Z) \quad (1)$$

где Q_i — количество потребляемых товаров первой необходимости, P_1 — цена товара, $P_2 \dots P_n$ — цены на все другие товары, Y — доход, Z — ряд других факторов.

Набор функций спроса для всех товаров является системой n -уравнений с той особенностью, что доход является суммой всех расходов. Экономисты, пытаясь изучить отношения спроса, имеют либо оценочный спрос на каждый товар отдельно, подход к единому уравнению, либо приблизительно совместные функции спроса на все товары, подход к системе спроса.

Единичные модели уравнения, как правило, не учитывают ограничения на то, что общие расходы на потребляемые товары добавляют к общему бюджету или доходу. Кроме того, ограничено число ценовых условий, не включая индивидуальные цены на все другие товары. Уравнения включают только ценовые условия нескольких близких товаров-заменителей (или товаров-дополнителей) и/или представляют влияние всех других цен на некоторый составной индекс. Хотя этот подход приводит к более решаемым проблемам, до сих пор существует мало теоретических разработок руководства по переводу уравнения (1) в оценочную форму. Одним из важных моментов является выбор математической формы уравнения. Популярная спецификация, используемая для оценки спроса как на табачные товары, так и на алкогольные, является дважды логарифмической функциональной формой. Пример такой модели применительно к спросу на сигареты выглядит следующим образом:

$$\ln Q_t = a + b \ln P_t + c \ln Y_t + A_t + u_t \quad (2)$$

где $\ln$ — натуральный логарифм, Q_t — количество потребляемых сигарет, P_t — цены на сигареты относительно других цен, Y_t — мера реального дохода, A_t — ряд других факторов, таких как реклама или воздействие санитарного просвещения, U_t — случайная ошибка.

Эти типы спецификаций, как правило, были применены к показателям временного цикла, и предполагается, что отношения объединяют несколько лиц или могут рассматриваться как представители человека.

Эта логарифмическая функция имеет полезные свойства: так, ее параметры (например, b) непосредственно измеряют эластичность спроса. Эластичность — это индекс, который измеряет чувствительность спроса, и потому эта единица свободно может быть вычислена и сравнима для различных моделей. Ценовая эластичность может быть определена следующим образом. Если изменения цен на небольшую величину со всеми другими переменными в функции спроса проводятся постоянно, то спрос также будет меняться. Ценовая эластичность определяется как отношение пропорционального изменению спроса при пропорциональном изменении цен. Грубо говоря, собственная ценовая эластичность спроса на табак, равная 0,5, будет означать, что повышение цен на сигареты на 1% приведет к падению спроса на сигареты на 0,5%, притом, что все остальные факторы фиксированы.

Эластичность по доходу и по рекламе может быть определена таким же образом. Эластичность по доходу, равная 0,7, предполагает, что рост доходов на 1% будет сопровождаться увеличением спроса на сигареты на 0,7%.

В дважды логарифмической функции эластичность постоянна по целому ряду наблюдений, но это не всегда верные предположения.

Например, доходы повышают спрос на относительно дорогие товары, такие как духи. Можно было бы ожидать, что спрос станет менее чувствительным к цене. Другие функциональные формы не имеют постоянной эластичности.

Эластичность цен, например, в линейной модели (где уровни переменных вводятся в уравнения, такие как во втором уравнении), за-

висит от уровня цен, при прочих равных условиях.

В нормальных условиях этот результат означает, что повышается цена на товар, и спрос становится более эластичным. К сожалению, хотя различные функциональные формы имеют различные экономические интерпретации, теория не дает много указаний по поводу этого аспекта спецификации. При отсутствии априорной информации функциональная форма должна быть выбрана с помощью статистических критериев, как часть процедуры тестирования для того, чтобы установить, что модель согласуется с данными.

Подход к единому уравнению позволяет разобщить как алкоголь, так и табачные изделия, предоставляя доступность данных. Кроме того, позволяет легко включить ряд факторов, кроме цены или дохода, которые можно рассматривать как влияющие на потребление.

Некоторые другие факторы, введенные в эти модели, такие как реклама, медицинское образование или некоторая мера доступности, например количество торговых точек, представляют особый интерес для политиков. Введение некоторых переменных может привести к ряду статистических проблем. Например, для рекламы и числа торговых точек есть возможность эффекта обратной связи между этими переменными и потреблением. Такой эффект обратной связи может возникнуть вследствие того, что потребление может повлиять на рост числа торговых точек, любой рост потребления может привести к поставщикам, пытающимся увеличить количество торговых точек. Фирмы могут также регулировать рекламные бюджеты в ответ на изменения в области продаж, и если изменения в рекламе также оказали влияние на уровень спроса, то может произойти эффект обратной связи. Важно рассмотреть возможность таких воздействий. Методы, используемые для оценки уравнений, например в уравнении (2), являются недействительными, если существует эффект обратной связи и появляются предвзятые оценки. При оценке модели спроса на алкоголь в Великобритании такие эффекты обратной связи были обнаружены между рекламой, количеством торговых точек и потреблением пива, но не для других алкогольных напитков [5].

Второй подход заключается в оценке полной системы уравнений спроса. Теоретически были получены несколько различных свойств индивидуального спроса. Подход к системе спроса предназначен для рассмотрения взаимосвязи между товарами и может быть полезен при рассмотрении ряда политических изменений. Было бы полезно, например, оценить то, что будет замещено в потребительских бюджетах, если профилактические меры были успешными в снижении спроса на сигареты.

Однако возникают проблемы с таким подходом. Оценочная процедура требует, чтобы все члены системы уравнений оценивались вместе, и поэтому это гораздо более сложная процедура, чем та, что требуется для подхода к единому уравнению.

Эмпирические оценки полных систем не всегда поддерживали теоретические ограничения, но это, возможно, отражает недостатки в модели, такие как пропущенные переменные.

В общем, системы спроса рассматриваются только с показателями временных циклов и достаточно широкими товарными группами, и включены только цены и доходы. Последствия воздействия таких переменных, как реклама, санитарное просвещение, нормативные акты, представляют основной интерес для тех, кто занимается медико-санитарными аспектами таких товаров, и обычно рекомендуется подробный анализ таких последствий использования модели с одним уравнением. Для рассмотрения влияния налоговой политики интересно, однако, понять некоторые взаимосвязи между этой группой товаров. Например, не повышаются ли цены на пиво в результате влияния налоговых изменений на потребление алкогольных напитков. Один тип модели, которая сочетает в себе черты единичного и системного подходов, включает в себя подсистемы уравнений спроса.

В подсистеме модели, считается что потребители в первую очередь разделяют свой бюджет на широкие группы, такие как еда, жилье, транспорт и т.д., затем, на втором этапе, разделяют расходы на каждую группу отдельных товаров в пределах группы. На первом этапе факторы, влияющие на распределение общего бюджета на широкие группы, составляют общие расходы и показатели ценовой группы, в то время как распределение, определяемое как группа расходов, является только функцией

расходов группы и цен в группе. Этот процесс четко предусматривает ограничения на возможный эффект замещения между товарами.

Несколько эмпирических исследований используют подсистемный подход к исследованию потребления алкоголя. Даффи (1987) [4] и Салванан (1985) [11] рассмотрели модели потребления алкоголя в Великобритании. Результаты этих исследований подтвердили результаты исследования единичного уравнения о том, что нет большого скрещивания ценовых эффектов между различными видами алкогольной продукции.

Существует плохая связь между потреблением алкоголя и табака, хотя многие исследования показывают, что курение и употребление алкоголя являются взаимосвязанными [8]. Джонс подсчитал системы уравнений с показателями временных циклов для Великобритании. Пиво, алкогольные напитки, вино, сидр, табак и «все другие товары» составляют систему уравнения. Результаты же позволили предположить, что табак является дополнением ко всей алкогольной продукции.

Более широкий доступ к обобщенным бюджетным данным и развитие компьютеров и оценки методов, которые могут справиться с размером набора показателей, стимулировали теоретические разработки.

Список литературы

1. Андриенко Ю.В., Немцов А.В. Оценка индивидуального спроса на алкоголь. М.: EERC, 2005.
2. Зотова П.О. Факторы, влияющие на потребление алкоголя личностью современного российского общества // Вестн. Перм. нац. иссл. политех ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2011. №9. P.81–85.
3. Atkinson A.B., Skegg J.L. Anti-smoking publicity and the demand for tobacco in the UK // The Manchester School. 1973. №41. P.265–282.
4. Duffy M.H. Advertising and the inter-product distribution of demand: A Rotterdam model approach // Europ. Econ. Rev. 1987. №31. P.1051–1070.
5. Godfrey C. Factors Influencing the Consumption of Alcohol and Tobacco: the use and abuse of economic models // British Journal of Addiction. 1980. №84. P.1123–1138.
6. Godfrey C. Government policy, advertising and tobacco consumption in the UK: a critical review of the literature// British Journal of Addiction. 1986. №81. P.339–346.
7. Godfrey C., Maynard A. Economic aspects of to-

- bacco use and taxation policy// *British Medical Journal*. 1988. №297. P.339–343.
8. *Godfrey C., Posnett J.* An Analysis of the Distributional Impact of Taxes on Alcohol and Tobacco. Working Paper (ESRC Addiction Research Centre, University of York), 1988.
  9. *Kemsley W.F.F., Redpath R.U., Holmes M.* Family Expenditure Survey Handbook. L.: HMSO, 1980.
  10. *Lewit E.M., Coate D., Grossman M.* The effects of government regulation on teenage smoking // *Journal of Law and Economics*. 1981. №24. P.86–91.
  11. *Selvanathan E.A.* Advertising and alcohol demand in the UK: Further results // *Int. J. Advert.* 1989. №8(2). P.181–188.
  12. *Warner K.E.* (1978) Possible increases in the under-reporting of cigarette consumption// *Journal of the American Statistical Association*. 1978. №73. P.314–318.
  13. *Wilkinson J.T.* Reducing drunken driving: which policies are the most effective// *Southern Economic Journal*. 1987. №54. P.322–334.
-

USING OF ECONOMIC MODELS TO DETERMINE FACTORS INFLUENCING THE CONSUMPTION OF ALCOHOL AND TOBACCO

Anna I. Moiseenko

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

This paper is concerned with the use of economic models in the debate about the role that tax increases and restrictions on advertising should play in reducing the health problems that arise the consumption of alcohol and tobacco. It is argued that properly specified demand models that take account of all the important factors that influence consumption are required, otherwise inadequate modelling may lead to misleading estimates of the effects of policy changes. The ability of economics to deal with goods such as alcohol and tobacco that have addictive characteristics receives special attention. Recent advances in economic theory, estimation techniques and statistical testing are discussed, as is the problem of identifying policy recommendations from empirical results.

Key words: economic models; estimation techniques; demand; time series data; consumption; sample.

УДК 316.74

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В.С. Волегов, А.А. Носков, А.А. Чернега

Статья посвящена проблемам реформирования системы среднего общего образования в Пермском крае. Понимая образование как общественное и частное благо, авторы рассматривают процесс реформирования и существующие проекты сквозь призму целей, поднимаемых в научной литературе, и целей, декларируемых государством. Проекты модернизации системы образования анализируются на основе основных болевых точек в отрасли.

Ключевые слова: цели реформирования; проекты реформирования; среднее общее образование; культурный потенциал.

Система образования является одним из важнейших социокультурных институтов, через который производится социализация индивидов, передача и воспроизводство достигнутого культурного уровня общности. Иными словами, система образования является одним из важнейших факторов развития культурного потенциала общества. В теории человеческого потенциала уровень образованности населения рассматривается как главная составляющая его ценности, а образование единодушно признается в качестве постоянной составляющей трудовой деятельности [5]. В российском законодательстве образование понимается как общественное и частное благо, целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков и компетенций, определенных объема и сложности [12]. В соответствии с этим же законом, система образования включает такие взаимосвязанные элементы, как образовательные программы, реализующие эти программы общеобразовательные учреждения, органы управления системой и лица, осуществляющие деятельность в области образования [12, ст. 8]. Из этих определений следует, что система образования как совокупность учреждений, осуществляющих образовательную функцию, находится под непрерывным надзором государст-

ва, контролирующего ее деятельность и вносящего, временами существенные, коррективы в форму и содержание оказываемых ей услуг. Ключевая роль при этом отводится системе среднего общего образования, обязательность которого декларируется законодательством РФ. Ввиду этого значимость среднего общего образования приобретает особую актуальность. Именно в период получения данного вида образовательных услуг индивид формируется как личность. Следовательно, результаты реформ в системе среднего общего образования оказывают важное воздействие на развитие каждого индивида и общества в целом.

Объектом исследования в данной статье выступает региональная политика в области образования в Пермском крае. В фокусе внимания — процесс реформирования системы среднего образования с точки зрения декларированных целей модернизации, механизм воплощения в жизнь запланированных изменений, их согласованность между собой и социальные последствия, вызванные трансформациями в указанной сфере. Таким образом, основной проблемой является противоречие между предполагаемыми целями и задачами реформирования среднего общего образования в Пермском крае, самими реформами и их социальными последствиями.

Волегов Владимир Сергеевич — студент философско-социологического факультета; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; wsvolegov@mail.ru.

Носков Алексей Александрович — студент философско-социологического факультета; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; noskov1990@yandex.ru.

Чернега Артем Андреевич — студент философско-социологического факультета; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; chernega_1990@mail.ru.

Проблема реализации реформ является достаточно актуальной для системы образования, которая по своей сути является консервативной. Это приводит к необходимости изучения соотношения официально декларируемых целей и задач модернизации образования и ее последствий, в том числе и дисфункциональных, согласованности преобразований.

Нашей целью является изучение механизма воплощения в жизнь запланированных изменений, их согласованности между собой и социальных последствий, вызванных трансформациями в указанной сфере. В число основных задач входит следующее:

- изучение основных целей и задач модернизации системы школьного образования как с позиций ученых, так и с позиций государства;
- анализ ряда реформ системы образования с точки зрения их соответствия приведенным выше целям и полученным результатам;
- рассмотрение основных количественных характеристик системы среднего образования Пермского края.
- В научной литературе выделяются следующие основные цели реформирования среднего общего образования:
- создание такого образовательного пространства, которое исходит из потребности общества в переходе к развитию новых знаний при помощи информационных и компьютерных технологий. Проблематикой в сфере образования в современном обществе является естественный процесс перехода от индустриального общества к обществу знаний. Российская система образования лишь начинает опираться на данный принцип. И это происходит естественным путем посредством глобализационных процессов;
- формирование новой экономической модели современного образования и усвоение нового организационно-управленческого инструментария;
- создание комфортных условий для получения учащимися коммуникативных, информационных и организационных умений, так как именно эти умения в большей степени определяют дальнейшее обучение человека в сфере профессионального образования и карьерный рост [1, с. 190].

Главным целевым ориентиром в реформировании системы образования на общегосудар-

ственном уровне становится создание условий для повышения качества общего образования. Для реализации данной цели прибегают к решениям следующих задач:

- реальная разгрузка содержания общего образования;
- использование эффективных методов обучения;
- повышение удельного веса и качества занятий физической культурой;
- организация мониторинга состояния здоровья детей и молодежи;
- улучшение организации питания обучающихся в образовательных учреждениях;
- рационализация досуговой деятельности.

Помимо этого, одной из основных целей является всесторонняя поддержка сельских и поселковых школ, их приоритетная информатизация и обеспечение учебным оборудованием, совершенствование их образовательного процесса и материально-технической базы. Немаловажное значение имеет и совершенствование структуры и увеличение бюджетного финансирования образования [6].

Цели и задачи, выделяемые в научной литературе, отчасти находят свое отражение в подобных ориентирах на уровне государственной политики.

В то же время цели и задачи реформирования системы среднего общего образования в Пермском крае (следует отметить, что в данной статье делается акцент именно на региональном, а не на муниципальном аспекте) в должной мере дублируют идеи реформирования подобной системы на уровне всего государства. В то же время данные идеи, выступающие формой, наполняются конкретным, «региональным» содержанием. Говоря более подробно о целях реформирования системы среднего общего образования в Пермском крае, необходимо отметить, что основным ориентиром является рост человеческого потенциала через изменение качества образования. «Система образования региона должна стать реальным социальным лифтом, который позволяет создать равные стартовые условия для всех проживающих в крае детей. Для этого необходимо создание непрерывной цепи всех звеньев образования: дошкольное — общее — профессиональное — дополнительное» [2, с. 50]. Повышение уровня культурного потенциала как элемента человеческого потенциала невозможно без опоры на индивидуальные особенности обучающегося.

Без такого подхода невозможно развитие информационного общества, отвечающего запросам и потребностям каждого из нас. Таким образом, к основным задачам относятся:

- доступность возможности выбора образовательной траектории в соответствии с потребностями и способностями учащегося;
- внутренняя реструктуризация сети и приведение образовательных учреждений в нормативное состояние;
- организация сетевого взаимодействия учителей с целью получения качественного дидактического обеспечения образовательного процесса (сетевые объединения учителей, «вики-технологии» при проектировании уроков, использование цифровых образовательных ресурсов и т.д.);
- повышение заработной платы педагога.

Повышение общего уровня и качества образования, создание комфортных условий для обучения, создание новой экономической модели внутри системы среднего общего образования — все эти ориентиры пронизывают единую нитью весь целевой набор на разных его уровнях.

Вышеназванные задачи нашли свое отражение в системе проводимых реформ на территории Пермского края. Здесь стоит отметить следующие реформы:

- создание новых образовательных центров (школ для старшеклассников с углубленным изучением определенных предметов). Основанное на личностных, индивидуальных качествах и потребностях, образование поможет в будущем выбрать правильную специализацию и развиваться в ней, что позволит сосредоточить силы в конкретной области знаний. Задача доступности личностного подхода к образовательной траектории оказалась решенной лишь в пользу части старшеклассников. Однако, на наш взгляд, такое решение обосновывается тем, что именно в старших классах появляется потребность выбора тех дисциплин, которые будут наиболее актуальными для данного учащегося;
- реформа по лицензированию ОУ, которая подразумевает под собой ремонт и оснащение ОУ в соответствии с требованиями надзорных органов и образовательных стандартов. В качестве эффекта отмечается снижение неэффективности расходов, увеличение количества детей, обучающихся в

«нормативных» и безопасных условиях; оптимизация сети. Следовательно, было найдено адекватное решение поставленной задачи приведения образовательных учреждений в нормативное состояние;

- создание электронных дневников и журналов, активное использование информационных технологий в образовательном процессе. Однако такие дневники и журналы появляются не только там, где педагоги с компьютером «на ты», но и в школах, где компьютеров не хватает. В некоторых учреждениях учителя выстраиваются в очередь, чтобы заполнить электронный документ. В результате дневниками и журналами никто не пользуется. А педагогам — начальство требует — в последний момент (в конце четверти) приходится заполнять «ноу-хау» за все пропущенные месяцы. Не нравятся педагогам и суммы надбавок за дополнительную работу. В результате напрашивается вывод, что поставленная задача была решена, но имеет негативные социально-профессиональные последствия для педагогов. Однако для родителей учащихся проведенная реформа сыграла положительную роль. Опираясь на различные мнения из СМИ, можно сказать, что в большинстве случаев родители высказывают позитивные мнения в адрес последствий данной реформы;
- реформа по внедрению новой оплаты труда. Зарплата педагога теперь состоит из базовой (получает всегда) и стимулирующей (получает за заслуги) частей. Однако реформа не принесла должного результата. В результате внедрения НСОТ многие бюджетники, имеющие высшее образование и стаж работы, получают минимальную или чуть выше заработную плату, наравне с техническим персоналом. В результате, средняя заработная плата преподавательского состава понизилась, по разным источникам, от 5 до 20% у подавляющей части преподавателей, и лишь у некоторых, кто сумел активно включиться в систему НСОТ, она несколько повысилась. Таким образом, в целом реформа имеет негативное последствие.

Проведенные реформы опирались на поставленные задачи модернизации. Но социальные последствия реформирования оказывают разностороннее воздействие на жителей Перм-

ского края. Следовательно, не все поставленные задачи оказались решенными. Кроме того, для оценки эффективности проводимых реформ необходимо рассмотреть их влияние на основные тенденции, имевшиеся в развитии системы образования в Пермском крае. Наиболее важными здесь выступают как количественные характеристики системы (включая бюджетное финансирование), так и качественные. Единый государственный экзамен в данной статье рассматривается как основной индикатор качества образования.

Достаточно положительные результаты ЕГЭ в 2009 г. показывают, что реформирование системы образования происходило не напрасно. Не справились с ЕГЭ по русскому языку 337 выпускников, что составляет 2% от сдававших экзамен по предмет (по РФ — 6,3%), по математике — 319 выпускников, что составляет 2,4% (по РФ — 6,8%) [11]. Это показывает то, что по сравнению со среднероссийским баллом, аналогичный балл по Пермскому краю гораздо выше. Однако часть реформ оказала, по мнению участников, отрицательное воздействие на функционирование системы среднего общего образования в Пермском крае. Во многом этому способствовали реформы НСОТ и внедрение электронных журналов и дневников.

Следует отметить, что в 2010 г. (т.е. в период активного реформирования), на образование было выделено 30 720,8 тыс. рублей, что на 11,4% меньше, чем было потрачено на систему образования в 2009 г. Фактически план на 2010 г. был выполнен только на 98,5%. Возможно, именно недофинансирование сферы образования стало одной из причин того, что не все задачи реформирования были решены в должной мере.

Число государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений (рис. 1) за последние 20 лет сократилось практически в два раза и составляет 1010. Это характерно для сельской местности (на 45,5% по сравнению с 14,6% в городах и поселках городского типа). Однако ситуация по сельской местности может быть нивелирована тем фактом, что происходит естественный процесс укрупнения школ и активно работает проект «Сельский школьный автобус». Однако в целом процессы реформирования не способны решать реальные проблемы сельской школы.

В то же время необходимо рассмотреть мнение населения о дискриминации в образо-

вании (в том числе и в среднем общем) в зависимости от типа поселения. Уровень дискриминации будет давать косвенные свидетельства о социальных последствиях проводимых реформ на территории Пермского края.

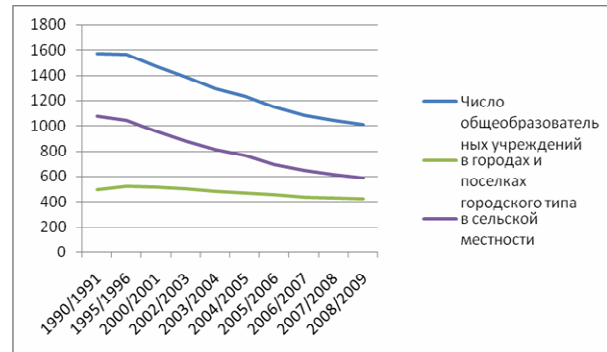

Рис. 1. Число государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений [8, с. 96]

На основе материалов опроса населения Пермского края «Социальный портрет региона» 2006 г. был проведен анализ дискриминации населения в сфере образования в зависимости от типа населенного пункта. Было выделено три типа поселений: сельские поселения, малые и средние города, а также крупные города. Анализ проводился методом регрессионного анализа с использованием думми-переменных. Результаты анализа показали, что дискриминация населения в сфере образования определяется типом поселения на 0,4%, что не является статистически значимой величиной. Затем был проведен подобный анализ, но по отдельным возрастным группам. Было выделено пять возрастных групп: 18–25 лет; 26–35 лет; 36–45 лет; 46–55 лет; 56 лет и старше. Результаты анализа показали, что дискриминация в сфере образования не определяется типом поселения (разброс параметров был от 0,5% до 3,6%, что не является статистически значимой величиной). Однако эти данные относятся к начальному периоду проведения реформ в Пермском крае, следовательно, не могут в полной мере отражать сути возможных последствий процесса реформирования. В настоящее время проводится подобное исследование, по результатам которого можно будет сделать новые выводы.

Говоря о техническом состоянии самих учреждений (рис. 2 и 3), можно прийти к следующим выводам:

- при том, что число ОУ, требующих капи-

тального ремонта очень высоко как в Пермском крае, так и в России в целом, доля ОУ, нуждающихся в капитальном ремонте в Пермском крае выше, чем в среднем по России;

- обратная картина наблюдается по аварийным общеобразовательным заведениям.

В результате проведенного исследования можно прийти к ряду выводов.

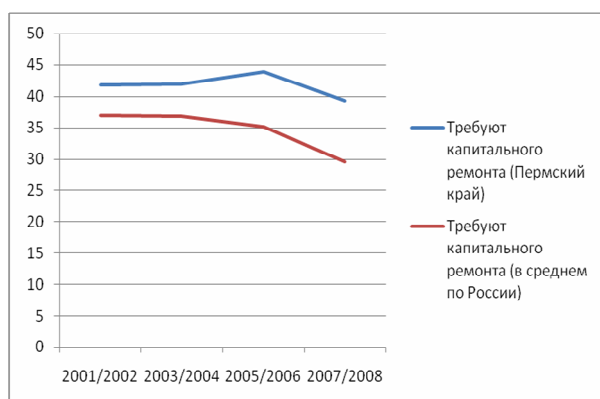

Рис. 2. Доля общеобразовательных учреждений, требующих капитального ремонта, % [8, с. 104]

Несмотря на декларируемую поддержку сельских и поселковых школ, в Пермском крае продолжает наблюдаться тенденция к их сокращению (здесь не стоит забывать о процессе укрупнения школ).

Техническое состояние учебных заведений в течение последних нескольких лет несколько улучшилось. Этому способствовали такие проекты, как «Образование» (ремонт заведений, кабинетов, аудиторий, кафедр) и «Лицензирование ОУ», проводимое в Пермском крае. Но многое необходимо еще делать в этом направлении. Особенно это касается учреждения начального и среднего профессионального образования.

Проблема доступа в Интернет и обеспеченности образовательных учреждений рабочими компьютерными станциями в последние несколько лет решается неплохо. Этому способствуют такие проекты как «Образование», «Телекоммуникационная образовательная сеть Пермского края «Образование web-2.0»», при этом Пермский край по компьютеризации учебных заведений и внедрению компьютерных программ — лидер в России. Сегодня в Пермском крае по официальной статистике 95% ОУ подключены к Интернету. Однако

вместе с этим существует и ряд проблем, например неспособность и неготовность преподавательского состава в силу разных причин включаться в систему компьютеризации.

По материалам региональных средств массовой информации, итогом реализации реформы НСОТ стало, как ни странно, снижение средней заработной платы у подавляющей части преподавателей, и лишь у некоторых, кто сумел активно включиться в систему НСОТ, она несколько повысилась [3; 4; 9]. Об этом же говорят уполномоченный по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголина [7] и представители краевой организации профсоюза работников народного образования и науки [10].

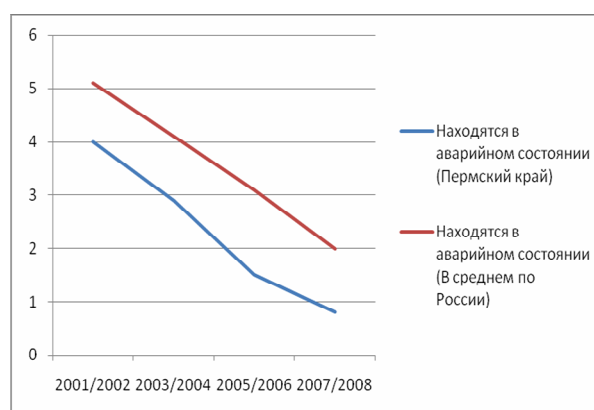

Рис. 3. Доля аварийных общеобразовательных учреждений, % [7]

Таким образом, в процессе реформирования системы образования на территории Пермского края существует ряд позитивных моментов, связанных с эволюционным развитием одного из важнейших социокультурных институтов, но тот же процесс приводит и к возникновению новых и обострению старых социальных проблем. Так или иначе, можно увидеть положительные тенденции развития, возможные благодаря лицензированию ОУ, созданию школ для старшеклассников, внедрению средств информатизации в образовательный процесс. Частично в этом плане Пермский край является передовым регионом России. Но в то же время заметны и негативные тенденции, особенно проявляющие себя в сфере оплаты труда учителей и внедрения тех же средств информатизации. Проблема оплаты труда вновь резко встала перед педагогами, вследствие чего можно сделать вывод о несостоятельности реформы по внедрению НСОТ.

Суммируя все выше сказанное можно прийти к выводу о том, что, в целом, реформы соответствуют целям и задачам реформирования, выделяемым на описанных в данной статье уровнях. В то же время неоднозначность, а зачастую и дисфункциональность их результатов и противоречия, возникающие при их реализации, могут говорить о недостаточной продуманности данного процесса и его несистемном характере.

Список литературы

1. *Галажинский Э.В., Литвина С.А., Муравьева О.И.* Социальные и профессиональные компетенции и дефициты учащихся начального и среднего профессионального образования: постановка проблемы // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2009. №322. С.190–197.
2. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае / ред. С.Н. Бобылев, соредакторы Н.В. Зубаревич, П.И. Блусь, В.Г. Былинкина.* Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2010.
3. *Карнаухов И.* «Не надо нам показывать цифры!..» Правительство края подняли на смех // *Пермские новости* [Электронный ресурс]. URL: http://www.permnews.ru/stat_st.asp?st=7285 (дата обращения: 14.05.2011).
4. *Карнаухов И.* Без сапог, да педагог. Забытым бюджетникам зарплату добавят небыстро // *Пермские новости* [Электронный ресурс]. URL: http://www.permnews.ru/stat_st.asp?st=7310# (дата обращения: 14.05.2011).
5. *Качественные характеристики трудового потенциала, роль системы образования в их развитии* [Электронный ресурс]. URL: <http://e-educ.ru/et7.html#> (дата обращения: 13.05.2011).
6. *Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года* // *Инновации в образовании* [Электронный ресурс]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index1.htm> (дата обращения: 28.04.2011).
7. *Новость* за 9 августа 2010 года // *Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Пермском крае* [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsman.perm.ru/news/2010/08/09/2741/> (дата обращения: 14.05.2011).
8. *Пермский край. Статистический ежегодник: стат. сб.* // *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю.* Пермь, 2009.
9. *Правительство края подняли на смех* // *Пермские новости* [Электронный ресурс]. URL: http://www.permnews.ru/stat_st.asp?st=7285 (дата обращения: 14.05.2011).
10. *Профсоюзы вступились за бюджетников* // *Новый компаньон* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nk.perm.ru/articles.php?newspaper_id=843&article_id=21776 (дата обращения: 28.12.2010).
11. *Рейтинг субъектов Российской Федерации по показателям развития образования: продолжение эксперимента. Часть 2 / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева, В.И. Кузнецова, Е.Г. Нечаева, О.К. Озерова* // *Вестн. образования.* 2007. №3.
12. *Федеральный закон от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 27.12.2009) «Об образовании».* URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/docs/federal/17/3266-1.pdf> (дата обращения: 16.05.2011).

PORTRAIT OF THE CURRENT SECONDARY EDUCATION SYSTEM IN PERM REGION

Vladimir S. Volegov, Alexei A. Noskov, Artem A. Chernega

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article considers the problems, related to reform of the system of secondary education in the Perm region. Understanding the education both public and private benefit, the authors examine the process of reform and existing projects through the set of objectives stated in the scientific literature and the goals declared by the state. The analysis of projects of modernization the education system is made on the basis of major weak points in the industry.

Key words: goals of reform; reform projects; general secondary education; cultural potential.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения **полужирным** шрифтом либо *курсивом*, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделении внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна иметь название, сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках. К статье прилагается информация об авторе (все позиции на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (с индексом), телефон, адрес электронной почты. К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Материалы необходимо отправлять по адресу fsf-nir@yandex.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

INSTRUCTIONS FOR ENGLISH SPEAKING AUTHORS

The Editing Committee of *Perm University Bulletin* (Part *Philosophy. Psychology. Sociology*) is admitting scientific articles for publication containing the author's original ideas and research results.

Microsoft Word (Version 2003 and below) is used for the preparation of articles. Family of author (or first of coauthors) is name of this file.

Article is submitted electronically (RTF format). The volume of article is up to 40000 signs with gaps). Page format — A4, margins — 2cm on each side.

The main body of the text is done by "Normal" style: Font — Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1cm. **Boldface** or *Italics* are allowed. Special symbols can be used in the text (Symbol font). There must be a clear distinction between the letter O and zero 0; 1 (one), I (Roman), l (Latin); hyphen (-) and dash ( ). Centuries are written with Roman figures (XIX century). Recommended quotation marks «...», inside the quotations use «...”...”...».

Headings of the main sections of article are done in one style.

Do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables are accompanied by title like «Table № 1. Name of Table». Words in tables should be written in full. Full stop should not be used at the end of headings and units of table.

Drawings should be placed in the text in the form of inculcated objects. Captions are placed under the drawings as «Fig.1. Name of Figure».

Full stop is not used at the end of headings and captions to drawings.

Formulas are done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and below.

Bibliography references are done in one format with the indication of the pages from the cited source. Numbers of source and pages are given in [1, p. 23]. Page references are not advisable.

Reference sources are placed in the alphabetical order. Please indicate: for **books** — surname and initials of author, title, city, publishing house, year of publication, volume, number of pages; for **journal articles**, **collections of works** — surname and initials of author, title of article, full name of journal, part, year, volume, number, issue, pages; for **conference materials** — surname and initials of author, title of article, name of issue, date and venue of conference, city, publishing house, year, pages.

At the end of article you can mention the name of the program you were involved in for the implementation of this work, or the name of support foundation.

Your article should be supplemented by a brief annotation (no more than 10 lines) and key words (no more than 10 words) in English and in Russian (if it will be possible).

Your article should have information about author: surname, first name, patronymic name, place of work and position, scientific degree, scientific title, mail address (with postal code), telephone, e-mail address. Post-graduate students should have scientific mentor's reference.

The Editing Board has the right to edit text of article with no change of content, without author's consent.

Materials should be sent to: fsf-nir@yandex.ru

There is no fee for the publication of manuscript

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2012
Выпуск 4 (12)

Редактор *С.Б. Русиешвили*
Корректор *Е.И. Григорьева*
Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15